

СЛАВА ХРАБРОЙ УКРАИНЕ!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4 (28) 2023

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 4 (28) 2023

Бостон
2023

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2023 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(Германия)
МАРК ВЕЙЦМАН	(Израиль)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы начинаем подписку на журнал на 2024 год (4 номера).
Для получения всех номеров выпишите чек на сумму **75 долларов**
(почтовые расходы по США включены) на имя компании-издателя:

M•GRAPHICS

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97-07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646-270-9615**. Спасибо!

Вы также можете оформить подписку на нашем вебсайте:
vremena.mgraphics-books.com/subscription

Наши зарубежные читатели теперь имеют возможность оформить
подписку на журнал на нашем сайте с онлайн-оплатой:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Стоимость подписки на год для зарубежных читателей
(включая доставку) — **US \$85**

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ 6

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Ольга ГРИЦЕНКО

ПИСЬМА НЮТЕ 9

МНЕНИЕ

Михаил ДУБИНЯНСКИЙ

НЕНАВИСТЬ НА ЭКСПОРТ 55

ПРОЗА

Андрей ОРЕДЕЖ

202...й 70

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН (ОКОНЧАНИЕ) 108

Марк КОПЕЛЕВ

СИНЕЕ ПЕРО 176

Владимир ТОРЧИЛИН

В АВТОБУСЕ 229

ПОЭЗИЯ

Олег МАКСИМЕНКО	59
Александр ГОРОДНИЦКИЙ	84
Марина ГЕНЧИКМАХЕР	99
Григорий МАРГОВСКИЙ	162
Валерий СКОБЛО	234

ЮБИЛЕИ

Зоя ПОЛЕВАЯ <i>ИГОРЮ МИХАЛЕВИЧУ-КАПЛАНУ — 80</i>	245
---	-----

СУДЬБЫ

Виктор НОРД <i>ДЕД-ЭПИКУРЕЕЦ (главы из новой книги)</i>	257
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Татьяна ВЛАДИМИРОВА <i>ЮЛИЙ ЗЫСЛИН: «БОРИС ПАСТЕРНАК — МУЗЫКАНТ»</i>	286
Берта ФРАШ <i>ГОД ПОЭЗИИ 2022</i>	291

К ЧИТАТЕЛЯМ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мы вступаем в 2024 год с надеждами и тревогой. Журнал набрал силу, судя по вашим отзывам, содержание номеров находит у вас отклик. И мы надеемся, интерес к нашему изданию будет увеличиваться, подписка расти. Что же касается тревоги, то ход войны в Украине, развязанной путинской кликой, не дает, к сожалению, оснований для оптимизма. Агрессия, неприкрытый геноцид продолжаются, и конца не видно.

Ситуация с русской литературой непростая. Вновь воздвигнут железный занавес, рухнувший, казалось, безвозвратно в годы Перестройки, когда в СССР было опубликовано, по сути всё яркое и талантливое, созданное за рубежом писателями-эмигрантами и долгие десятилетия бывшее под запретом. Сегодня в России вновь свирепствует цензура, и что еще хуже, присутствует самоцензура и страх редакторов и авторов печатать острые, актуальные произведения, прежде всего, связанные с войной. Это накладывает на нас, писателей и издателей, живущих и работающих на Западе, особую ответственность — доносить до читателей в метрополии правду о происходящем в мире, и прежде всего, в самой России.

Итак, что журнал ВРЕМЕНА собирается публиковать и предложить читателям в новом, 2024-м?

Мы остаемся верны военной тематике, как в публицистике, так и в прозе и поэзии. Мы приветствуем на наших страницах украинских авторов, а также российских литераторов, не боящихся публиковаться «за кордоном», их немного, но они есть. В уходящем году вы, друзья, могли прочитать прозу и драматургию, принадлежащую им.

Отмечу без ложной скромности: в этом отношении журнал ВРЕМЕНА — лидер среди русскоязычных зарубежных периодических журналов.

С особой охотой и радостью предоставим свои страницы профессиональным литераторам-эмигрантам, пишущим на русском и живущим в разных концах света. В том числе недавно вынужденно покинувшим родину, не пожелавшим мириться с фашистским режимом.

В редакционном портфеле — произведения прозаиков и публицистов Валерия Бочкова, Михаила Ковсана, Александра Половца, Андрея Остальского, Ксении Гамарник, Андрея Белозерова, Игоря Михалеви-ча-Каплана, Екатерины Сервантес, поэтов Александра Кабанова, Олега Никофа, Гари Лайта, Геннадия Кацова, Марины Тюриной-Оберландер, Эллайды Трубецкой и других. Некоторые их произведения увидят свет в первом номере будущего года. А откроется он острой статьей Якова Фрейдина, посвященной предстоящим в США выборам президента. Мы завершим публикацию дневника Ольги Гриценко, пережившей трагедию Мариуполя и находящейся ныне в оккупированном рашистами Бердянске.

В номерах будущего года будут присутствовать постоянные рубрики «Даты», «Юбилеи», «Имена в литературе», «Незабытые имена». Вы сможете познакомиться с эссе, посвященными поэтическому и гражданскому наследию Тараса Шевченко, творческим вершинам Владимира Набокова, Евгения Замятина, Ивана Елагина, Юрия Олеши, Виктора Астафьева, Владимира Богомолова, Булата Окуджавы, которому вскоре исполнится 100 лет, Харуки Мураками, Василя Быкова...

Уже началась подписка на журнал на следующий год. Напомню: мы не получаем зарплаты за свой труд, у нас нет спонсоров, мы не получаем гранты на издание журнала. Мы существуем только на средства от подписки и ваши, друзья, добровольные небольшие денежные пожертвования. А стоимость полиграфических услуг (как и многое другое в Америке) и, особенно, почтовой отправки номеров подписчикам растет. В связи с этим мы вынуждены пойти на увеличение стоимости годовой подписки, чтобы как-то скомпенсировать стремительно растущие расходы — теперь годовая подписка вместо \$70 будет стоить 75 долларов.

И еще одно очень важное замечание. Сотрудникам редакции журнала и издательства M•Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала. Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут дру-

гим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы. Мы приветствуем ваши пожелания и замечания, направленные на улучшение журнала, на расширение диапазона публикуемых материалов, а также на улучшение нашего сайта и присутствия журнала в интернете.

Пишите нам — все приходящие в редакцию и издательство пожелания и замечания внимательно изучаются, отзывы о публикуемых материалах будут помещаться в последующих выпусках журнала и на нашем веб-сайте для всеобщего ознакомления. Не забудьте указать ваше имя, город (штат) и страну вашего проживания.

Мы также просим вас сообщать о всех случаях неполучения вовремя (примерно 10-12 дней со дня отправки журнала из типографии) или поздней доставки журнала. К сожалению, работа почтовой службы по-прежнему оставляет желать много лучшего, но мы принимаем все доступные нам меры по исключению таких досадных сбоев.

Ждём ваших писем!

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>
<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher>

*Давид Гай,
главный редактор*

Ольга ГРИЦЕНКО

ПИСЬМА НЮТЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Когда мы делимся пережитым опытом,
мы берём его под контроль. А контроли-
руя прошлое, мы создаём лучшее будущее.*

Л. Ангер. Экспресс на 19:45.

Текст этот — не слишком связный и внятный — появился как ответ на просьбу давней моей подруги Анюты Артман, Нюты, рассказать историю нашей жизни с момента начала «горячей» стадии войны. Несмотря на километры, разделяющие нас — она давно живет с семьёй в Кёльне — мы продолжаем дружить, поверяя друг другу свои «девичьи тайны» и обсуждая всё, чем живы, что волнует нас обеих, начиная от рецептов пирогов до житейских проблем или «каких-то мест в Писании Святого Августина».* Но Интернет оказался небезупречной связью, и мы потеряли друг друга почти на полгода. Когда мы снова нашлись, то выяснилось, что за это время произошло много чего, заслуживающего нашего внимания и памяти.

Мы обе родились и выросли в Мариуполе, в этом городе жили Нютины родители, бабушка и дедушка. Этот город — наша малая родина, что, как выяснилось, совсем не пустой звук. Мой первый рассказ был коротким и сбивчивым. «Давай подробности», — потребовала подруга, — я должна представлять, что там произошло. Это — и моя история тоже, я имею право знать». И я стала писать ей письма, заново переживая все события тех дней и месяцев, записывая всё подробно и по возможности точно не только факты, но и наши ощущения, мысли, надежды. Постепенно писем стало много, так вот и получился этот текст.

* «...одно место из блаженного *Августина*, по поводу которого *мы не сошлись во мнениях*». — А. Дюма. *Три мушкетёра*.

Писалось мне нелегко — всё приходилось переживать заново. Текст «расползался» и стал многословным — очень много всего произошло, много всего случилось, а времени на осмысление не было, потому казалось, что всё это важно и нужно — ничего не упустить. Воспоминания набирались и полнились.

*Книга набирается, будто чан с дождевой водой
По ночам, что месяц твой молодой,
Обещает себя, как поезд, гудит, дымит
Нарастает, как сталагмит
Книга нанимается, как сиделка, кормить брюзгу,
Унимать злое радио в слабом его мозгу,
Говорить — ты не мёртв, проснись, ты дожил до дня
Ты напишешь меня
Книга озирает твои бумаги как новосёл,
Упирается как осёл,
Не даётся как радуга, сходит как благодать,
Принимается обладать
Как я отпущу тебя, книга, в эту возню, грызню,
Как же я отдам тебя, я ведь тебя казню
Мой побег, моё пламя, близкое существо
Не бросай меня одного
Я пойду, говорит, живи, пока я нова:
Не прислушивайся, не жди, не ищи слова
Сделай вид, что не ранен, выскочка, ученик,
Что есть что-то важнее книг.*

Вера Полозкова

Психологи, работающие с ПТСР, говорят, что если выговориться — станет легче. Мне легче пока не стало, но речь не обо мне. Нюта права — это наша история. Моя небольшая история — лишь маленькая капля в большой истории моей страны, горькая, трагичная, но абсолютно достоверная. Я пишу только то, что мы сами видели и пережили, начиная с 24 февраля 2022 года и по сей день.

Дневник Анны Франк, ленинградские дневники Тани Савичевой, Веры Инбер и Ольги Берггольц, дневник киевлянки Нины Герасимовой — это о той войне. Мы думали — больше никогда... Теперь вот — об этой. Так получилось. Я пишу, а война идёт. Мы каждый день следим за новостями и ждём победы. Мы ждём, а я пишу ...

МАРИУПОЛЬ

ЧАСТЬ I

ПИСЬМО 1. НАЧАЛО

Война для меня началась 24 февраля со звонка младшей невестки Карины, Сашиной жены. В полдевятого утра звонок: — Мама Оля, ну что — спите и ничего не знаете? А тут война началась!» Я не сильно поверила услышанному, так как муж Серёжа всё время утверждал, что ничего не будет — ну, просто не может этого быть, не идиот же Он совсем! Оказалось — совсем, оказалось — может. Я нехотя вылезла из-под одеяла и пошла готовить завтрак. По телевизору наши депутаты — группа в чёрных водолазках и со скорбными лицами, кто-то незнакомый и Юля в первом ряду — говорят что-то невнятное.

Старшая невестка Лена, долго не рассуждая, «взявши подмышку» нашего внука Мишку и нашего старшего сына Стасика, ещё 24-го умчалась в Умань. Они недавно машину купили, и Лена уже как бы научилась водить, но далеко ещё не ездила. Позвонил младший — Сашик — и сообщил, что «выносят» магазины, люди давятся в очередях, скупают муку, соль, сахар и хлеб. Серёжа мне говорит: это психоз, что ты будешь там душиться! Потому на маркет я выдвинулась только 25-го и ещё кое-что успела купить.

А в аптеках уже очереди были до остановки маршрутки, люди брали всё, начиная от бинтов, зелёнки и пирамидона, и до антибиотиков — любых — в таблетках и ампулах.

26-го начался первый настоящий обстрел. Вначале был отдалённый свистящий звук, который, приближаясь, усиливался и завершался громким бумканьем. Такой бада-бум! Выстрелов было немного и звучало где-то не рядом.

Но храбрились мы недолго. К утру снаряды стали прилетать чаще, ложиться ближе, свистеть жутче. Но это, как потом выяснилось, был «малый сабантуй»! Всё было впереди. Но пока жить ещё было можно. К нам из соседнего дома пришла свекровь и сказала, что ей страшно и жить она будет у нас. А у нас — последняя стадия переезда в наш дом, мы уже за зиму практически все вещи в мешках перевезли, посуду — выделили на 2-м этаже целую комнату под склад, а книги сложили на первом этаже под стенку в коридоре, благо он широкий и длинный. Вовремя!

28-го отключили свет и стало хуже, и почти сразу отключили воду и отопление. А ещё же февраль! Противнее всего было отсутствие информации: что происходит, что думать, что делать...

Работа у Серёжи кончилась — Интернет сдох, бабушки — обе глухие как пень — разговаривают каждая о своём, им почему-то всё время хочется есть! Варим, едим, хорошо, что есть вода — вовремя набрали баклажки — и работает туалет. А снаряды уже летят — такое ощущение, что прямо в тебя! Часа в 4 утра! Вжимаешься в матрас и молишь: «Только не в меня, пожалуйста, только не в меня!!!» Но лицо надо контролировать — чего народ зря пугать, они всё равно ничего не слышат. И не верят!!! Совершенно, абсолютно, категорически: вы всё врете, не может Россия на Украину напасть, в Интернете всё что угодно придумать можно! На наши объяснения, что, по сути, война-то уже идёт 8 лет...

— Нет, это Порошенко воюет с людьми Донбасса!

— А где же «люди Донбасса» взяли, к примеру, вооружение — танки, пушки?

— В шахтах откопали!

Вот что рассказывали с российского телевизора, вот это люди усвоили! А потому со старушками мы дебаты не вели по причине полной их, дебатов, неконструктивности. Ну вот. Сидим мы дома, считаем секунды от начала свиста до бада-бум, понимая, что темп постепенно переходит с Andante на Allegretto, прилёты становятся всё ближе, и в сознание влезает мысль, что таки что-то не так.

А тут 6 марта отключили газ, и мы с Серёжей решили перебираться к младшему сыну Шашику — у него в доме печка есть, дровяная, а у нас в доме отопление ещё не подключено — не успели.

Пошли мы к ребёнку на Кавказскую, это 10 минут от нас, со Строителей вправо, в частный сектор. Пошли, договорились, Сашик сказал, что через полчаса машиной приедет нас забрать, а мы пошли пешком домой. Приходим, а за этот час, что нас не было, прилетели снаряды — один торчит прямо на перекрёстке ул. Черноморской и переулка Черноморского, аккурат напротив 26-й школы. А под забором лежит убитый бомж! Мы к дому, а соседний дом горит! И это как раз тот дом, в котором моя свекровь живёт, только соседний подъезд!

Горит квартира на 3-м этаже, пожарка стоит рядом, а воды в ней нет! Подъезд до завтра выгорел полностью — 6 квартир тью-тью. Остальные живут, вокруг ходят, языками цокают. Соседи из нашего дома погорельцев взяли. Пока мы ходили — у нас слегка повыбило стекла,

в ванной и на балконе, но основные, в комнатах — целые. Подъехал Сашик, мы натолкали его машину бабульками, постелью, сумками с продуктами, что остались, — и рванули к нему. Бабушки ехали, а я пешком шла, ну, во-первых — я не боюсь (!), а во-вторых, всех машина просто не потянет! Да и сколько тут дойти...

И начали мы жить в доме у Саши: печка греет (правда, только сама себя, но возле нее всё же можно согреться, еду сварить), туалет работает, кровати есть на всех, а что снаряды летят — так это война, но она быстро кончится, так Серёжа сказал, а мы ему верим.

ПИСЬМО 2. ОБСТРЕЛ

...И стали мы жить ввосьмером. Дом у Саши хоть и большой, но так как сын переехал не очень давно — каких-нибудь два года — слегка не отремонтированный, а местами — не достроенный. Саша работает удалённо, то есть, он только с виду дома, а так — его нет. А у Карины — маленький ребёнок! Она, моя невестка — девочка хорошая, но ... как это... не сильно взрослая, вот! Рождение Дианы её повергло в шок, в котором она и находится до сих пор, несмотря ни на какие уговоры и объяснения. Ну, бывает, оказывается, и так. Это мы с тобой могли одной рукой полы мыть, а второй рукой суп варить, при этом дети были накормлены и вымыты. Я умудрялась, сидя в декрете, иметь 10 частников! Но это мы... Каринка нянчит Дианку в прямом смысле этого слова: Диана играет — Карина сидит рядом, Диана спит — Карина наблюдает, Диана проснулась — она у нас крикливая — Каринка её тут же на руки и ... «пусть весь мир подождёт!» — была такая реклама, ага. Но меня всё устраивает, я их люблю. А дом со временем отремонтируем! Теперь — уж точно...

Дом у Саши двухэтажный, на первом этаже две большие комнаты и одна двойная, блоком из двух. Нас и бабушек поселили отдельно, дети разместились в блоке, на втором этаже Саша работает. Компания подобралась разномастная, но весёлая: две старухи, два пидстарка, трое молодых: Саша, Карина (она же Зайка) и Эвелина — девица 17 лет, младшая сестра Карины. И кот Мурзик — добрый, повидавший в жизни разное, самостоятельно выбравший Сашин дом в качестве своего места пребывания — сам пришёл и остался — не хватило сил его выставить. Уж на что я совершенно не кошатница, а и меня он в себя влюбил — сидел у меня на плече, а я так с ним всё и делала, даже наклонялась.

Девчата стали осваивать печку — по чудесному случаю Сашик печку — маленькую немецкую плиту — не развалил. Как она нас всех выру-

чила... Печь горит и варит, но нужны дрова, а где их взять? Деревья молодые, да и толку от них. Сашик походил-походил по двору и решил, что давно хотел сарайчик разобрать, вот и пришло время. Лялька просыпается рано, в 5 она уже на ногах, всё равно не поспишь, самое время дрова рубить. Часа два Саша их из сарая добывает, рубит, пилит, Серёжа ему помогает, меняются, мы заносим и девчата варят суп-кашу. Мужики пилят, а снаряды летят. Поначалу мы жахались сильно, от каждого в хату бежали, потом пообвыклись, стали определять: если прилёт не близко, то и бояться нечего!

Ну, дрова — это, как оказывается, полдела. А вода? Да, за водой надо идти на источник, полчаса туда — с пустой тарой да под горку и минут 45 назад — в гору и гружёный. Первый раз я пока притащилась, чуть не сдохла, а потом попривыкла. А воды, как оказалось, надо много: прежде чем сварить — надо помыть. После еды посуду помыть. Руки ещё поначалу мыли, а потом — вместе с посудой. Наготовим еды, бабушкам прямо в комнату плошки с суп-кашей отнесём, потом чаю им — всё, порядок. Жить можно.

Прожили неделю. Ночами холодно, да и днём лежать, хоть и под одеялами, некомфортно. Сашик — он у нас профессиональный энергетик, — задумал перевести систему отопления на печку. Давай мы дрова рубить вдвое больше, чтоб, значит, разогреть систему. Ну, бабушкам тепло, их комната рядом с печкой, остальным — никак, в доме 15 градусов, ночью на улице минус 10, начало марта.

Днём все заняты, а ночью слышно... И периоды затишья всё короче... Если б так и дальше было — можно было б жить...

С 7-го по 9-е марта у нас в семье праздник. День рождения у Серёжи 7-го, у Саши — 9-го, ну а 8-е марта — женский день. Торжество решено было устроить девятого, нарастающим, так сказать, итогом. Традиционно стол у меня ломится. Дети переняли традицию, творчески её развили в смысле меню, но холодные закуски, количеством двенадцать, две перемены горячего — это обязательно. Сейчас, конечно, всё намного скромнее, но празднично.

Договорились нажарить блинов, благо мука и сало для смазывания сковородки есть. Сидим вечером на кухне за столом — едим блины, байки «травим», в карты играем, Дианка рисует. Время тянем, чтоб спать не ложиться. Свечка одна на весь дом, бабушкам отсвечивает — до туалета доберутся. Ну, сиди-не сиди... Диану в сон клонит, собрали мы всё со стола... Саша встал со своего места, дошёл до двери и в этот момент в окно осколок — шарах! Стекло, понятно, вдребезги. Огром-

ное окно на кухне — хоть и заклеено было крест-накрест — вылетело. И снежок так это в него потёк! Как Сашик вовремя встал!.. Давай мы искать ДСП, а уже темно, фонарики свет не держат, мигают, стекло по всей кухне мелкой крошкой... Но главная беда — блинчики! Мало того, что голодные остались, так и обидно: пекли, морочились. С помощью свечи и фонарика провели обследование и приняли решение — пойдёт: верхние два блинчика убрали и бросили в печь, чтоб Мурзик стекло не съел, а остальные сами доели.

Наступила ночь, и жизнь вроде бы удалось вернуть в прежнее русло: окна как-то забиты, осколки убраны, нервы успокоены, всё, легли.

А утром, в 5 утра в нашей комнате — шварк! — стекло выбило! Хорошо — утро, встали, давай искать опять ДСП — чем забивать, да плёнку — всё ж продувает. Ну, ничего, живем, днём возле печки, а ночью надо ложиться. Температура практически как на улице: там по-прежнему минус. Спим одетые, с одной стороны теплее, а с другой стороны — если сильно близко или тяжёлым прилетит — чтоб быстро в подвал спрятаться или из дому выскочить.

Карина подвал приготовила по всем правилам: одеяла, подушки, коврик на землю, банки одеялом закрыла — если взорвётся, чтоб не пораниться. Воду, сухарики, спички, свечка — умница. Подвал у Саши хороший, только 2x2, дети стали в него нырять, а мы... не боялись! — куда, им втроём и так там тесно... Диане стали говорить, что в подвале живёт дядя Крот и они спускаются к нему в гости! Поверила.

И стали мы обживать в новых условиях. Они стреляют — мы живём. Бабушки днём едят, в перерыве — разговаривают, свекровь книжки про любовь читает, она их из дому полную сумку взяла, да... Она духи взяла, трикотажное платье с подъюбником, а пенсионное удостоверение — нет! а зачем?! Действительно... Режим жизни установился, дрова, вода, посуда, туалет. И тут наша свекровь вдруг выдаёт:

— Мне надо постель поменять, а то она уже несвежая!

Комментировать, конечно, можно, но зачем... Она не верит, не хочет верить в то, что её любимая Россия — лютый зверь, агрессор, напавший на нас. Наша бабушка всё отрицает, все наши объяснения игнорирует.

— Вы сами откуда знаете? В Интернете написано? Так там всё выдумать можно!

— Когда всё закончится, — уверяла нас свекровь, — вам откроется вся правда, как украинская власть воевала с людьми на Донбассе.

Вот и сейчас она убеждена, что это стреляют украинские военные.

— Главное — уничтожить «нациков», — убеждала нас свекровь, — а мирных жителей никто не тронет.

Но если нас обстреливают, то получается: это мы — «нацики? Или нас бомбят ради какой-то другой цели?

Осколки летят, окна сыплются уже и в их комнате, благо, что они почти ничего не слышат. Мама всё время спрашивает:

— Стреляют? И сейчас стреляют?

А стреляют так, что дом дрожит и шатается, и собранные сумки с необходимым стоят у порога — если кто успеет выскочить... Но стреляют всё чаще, и снаряды ложатся всё ближе. И Серёжа учит нас различать: когда миномёт, когда пушка, а когда танк. Это просто: миномётка стреляет быстро и громко (так естественно, она ж в соседнем дворе стоит!), бах-бах-бах! Пушка стреляет бум-бум-бум, она в Зинцевой балочке, рядом с нами, внизу, мы ж на Кавказской — и прилёты слышны не сразу и тише — бум-бум-бум! Мы на то и не обращаем внимания, это не в нас. Танк стреляет так, словно он стреляет прямо по тебе — жжжж! жжжж! жжжж! — он стоит на ул. Лавицкого, во дворе 3-го интерната и стреляет на Краснофлотскую, прямо через нас! Пушка стреляет в сторону 23-го микрорайона — и там слышны прилёты, а миномётка стреляет по кругу — со страху! Ну, у каждого своё: наши стреляют в них, эти стреляют в тех, а всё, что не долетело — падает к нам! Но мы — ничего, привыкли, пилим дрова и носим воду уже под бомбёжкой, не такая она и сильная. А что пули свистят — так на то война, как-нибудь.

Хлеб уже кончился. Крупы есть — ура. Спички бережём, 35 гривен стоит коробок, да и где ж его купить, ничего ж не работает, всё закрыто... не закрыто, разграблено! В магазинах — больших и маленьких, в киосках окна разбиты, пусто, нет ничего. На стенах и дверях магазинов висят записки: «Ничего нет, не бейте оборудование!» Разбито всё: холодильники, прилавки, окна, стеклянные двери.

На улицах тут и там лежат трупы — завёрнутые в простыни и завязанные, чтоб собаки не тронули, трупы никто не убирает — власти нет, менты удрали ещё в первых числах марта, следом за военкоматом... Возле домов, на газонах, возле остановок, перед магазинами, стали появляться первые могилы: люди сами рыли ямы и хоронили своих или чужих, соседей... Палочка, на ней табличка — имя, дата. Весь парк возле ресторана «Коралл», в Приморском районе, на Кронштадтской, в таких могилках. Мёртвым всё равно, а живым надо жить дальше. Пока не начал бомбить самолёт!.. Но об этом в следующий раз — дай дух перевести...

ПИСЬМО 3. САМОЛЁТ

...Первый раз самолёты прилетели 10 марта. Прилетели как-то неожиданно, мы даже не успели сильно испугаться — на малой высоте они режут и воют, но уносятся быстро, и ты только успеваешь содрогнуться: «О, господи!» А ночью они первый раз сбросили бомбы. Первый раз было почти не страшно — ты же не знаешь ещё, что уже надо бояться и пугаешься как бы вполсилы, как бы не всерьёз. Ну, мы от природы не из пугливых, ребята у нас технари, ну, гудит, ну, ревет... Серёжа — авиаконструктор, для него это вообще приятный звук. А то, что дом качнуло — так самолёт, он такой... Но ведь главное — он свой! Это же наш самолёт! Он нас защищает, надо потерпеть! — сказал Серёжа, а мы ему верим!

Первым усомнился Сашик. Если он наш — что ж он тогда по нам стреляет, тут же живые люди! Но Серёжа стоял на своём: не бойсь, ребята, самолёт свой, да и наши вот-вот в наступление перейдут и всё закончится!

Но дети приуныли. Особенно после того, как ночью, после очередного бомбового удара, когда крепкий шлакоблочный дом, как хижина Ниф-нифа, трясся и качался, грозя обрушиться вторым этажом на первый, — они бросились в подвал. Через час замершие и бледные выползли, но до рассвета туда прыгали ещё раза три.

Спуск в подвал был освоен быстро, техника попадания ногой на ступеньки была слегка усовершенствована, и Карина научилась прыгать на двухметровую глубину практически минуя лестницу: Дианка спит, её, спящую, сбрасывают Карине на руки в подвал, Эвелина летит следом, последним загружается Саша. Закрывается крышка, под неё ложится лом, — чтоб крышку не заблокировало — если дом рухнет — и можно было выбраться самостоятельно — мало ли что.

Мы с Серёжей в подвал не лезем — мы не боимся! — только нас там не хватало, там и так не развернуться.

Отбомбился один — прилетел второй.

— Не бойся, — говорит Серёжа, — он далеко летит, на 23-й. На завод Ильича полетел — всё, спи.

И точно, пару часов можно поспать, до 4-х утра. В 4 часа начинается миномётный обстрел, потом пушки, танки, и так по кругу. А в 6 утра — самолёты. Горят дома-многоэтажки. На 23-м, на Черёмушках, на Краснофлотской. Гарь стелется над землёй — частный сектор горит, столбы дыма — высотки. Треск, грохот, шипенье, вонь резины — горит на соседней улице. Не у нас, слава Б-гу!

Самолёты стали прилетать всё чаще, сбрасывать бомбы стали всё ближе. Прилетали они уже и днём, а Серёжа всё твердил: самолёт свой. Он давно понял, что это не так, но, видя мою реакцию, не моргнув глазом рассказывал про наших героев-лётчиков, доблестные военно-воздушные силы Украины, мудрое командование и органы управления авиацией, а также подразделения аэродромно-технического обеспечения, предназначенные для поддержания техники в боевой готовности для героического боевого применения! Как он был прав в своем вранье: если бы он не уверил меня, что самолёты украинские, я бы от страха просто сошла с ума! Он меня спас, я могла закрыть глаза и не кричать. И думать — сосредоточиться на чём-нибудь, а там — глядишь — и сон придёт. А днем я бойко пересказывала всю эту притчу детям и бодро улыбалась — дети должны видеть спокойных и уверенных в себе родителей, иначе нельзя. Я и сама почти верила, что всё обойдётся, ведь наши же нас защитят! Не может быть иначе! Надо потерпеть, ещё немного. Да, страшно, но так случилось, что ж теперь... Надо потерпеть — потерпим. Мы же советские люди, гвозди.

Уже вырвавшись из Мариуполя в Бердянск, я ещё с полгода не могла слышать звук летящего самолёта: кричала «летит»!, бросалась на Серёжу и валила его на землю — укрывала собой от осколков, на рынке хватала чужих детей и волокла, заталкивала под лавку! Люди смотрели как на городскую сумасшедшую, постепенно отпустило, но пока совсем не прошло. Я многое пережила и выдержала, но этот самолёт что-то во мне сдвинул. Мы теперь стараемся жить тихо, не шуметь, любой неожиданный звук — вполне, казалось бы, бытовой и обычный — выбивает из колеи: сердце колотится, в висках стучит, фу... К мирной жизни, как оказалось, тоже привыкать надо. Это стало понятно сейчас, а тогда... Тогда о другом думать надо было: началась блокада.

Закончилось масло, света нет — портится мясо, а его надо растянуть надолго... Хлеба нет уже давно, привыкли есть без хлеба. Из муки и воды испекли колобок! Духовки нет — испекли прямо на печке, на сковородке. Бабушкам и Дианке дали мякушку, сами ели корочку — вкусно! Стала вспоминать детские книжки про ленинградскую блокаду, как они там были без еды. Пересчитали запасы, едим 3 раза в день: в 7 утра, поднимаемся ж в 5, потом в час обед и в 17–00 ужин, всё. До утра дожить сложно: Дианку кормим, бабушки пьют кипяток с заваренными вишнёвыми листьями. Соль и сахар бережём, сало надёжно спрятано от кота. Мурзик ест суп, который готовится из обмывок тарелок. «Мамочка, — говорит Сашик, — кости из супа Дианки вначале мне,

потом — Мурзику!» Мурзик не возражает, он понимает — всем тяжело, он добирался на помойках — они ещё есть (через месяц на свалках валялось только битое стекло...). Как-то сами собой исчезли голуби, ну, не совсем сами, их просто съели...

А ночи становились похожи одна на другую, и звуки были уже различимы и определяемы. К уже известным добавились «Грады» — они бьют сильно и дружно, жах-жах-жах-жах! Раз, два, три, четыре — пауза, ах-ах-ах-ах — пошли прилёты. Далеко. По заводу бьют, или в сторону Краснофлотской. Не в нас. Спим пока тихо. Днём ждёт работа, силы нужны.

ПИСЬМО 4. ДЕТИ И РОДИТЕЛИ

Нам сейчас надо выжить, просто надо выжить — повторяли мы как заклинание утром, днём и вечером. Так сложилось, мы попали в обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, а потому — если мы хотим выжить — надо бороться. И победить. Просто потерпеть — мало, надо противостоять. Мы сможем, мы должны, мы обязаны: рядом с нами наши близкие, которые нуждаются в нашей поддержке: трёхлетняя Дианка, старушки-бабушки. И именно в нашем участии — просто больше никого рядом нет. Так решили наши дети и, как хозяева дома, взяли ответственность на себя.

Саша формулирует основной постулат нашего существования: занять себя работой так, чтоб не было ни сил, ни времени думать. Не можешь работать — спи, не спишь — работай, благо работа всегда есть.

Каждый день начинался с заготовки дров. Поначалу это было мужской заботой, но постепенно к распилке приспособились все обитатели дома. Первая вышла я: мужики подустали, выручать надо. А что мне вроде как по статусу не положено, не женское как бы дело — так у нас в СССР тётки никогда особо над этим не задумывались: и сварщицами были, и крановщицами, а про шпалуокладчиц — это вообще общее место в репортажах журналистов времён развитого социализма.

«Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай её полезной», — сказал в свое время Николай Островский. Что значит «невыносимая жизнь» — мы уже поняли, а вот как сделать так, чтобы быть полезным... хоть бы не стать обузой!..

К лесопилке примкнула Эвелина. Смешная девчонка, школьница-подросток, длинная, худая, угловатая, она всегда была рядом и в гуще: юношеский максимализм, азарт, риск, острота переживаний. «Вы скажите — как, я научусь, руки есть, голова есть, я пойму, я смогу». И брига-

да заработала: она пилит — я колю на чурки, собираю, заносу в дом. 10 вёдер — норма. Это — на день. Если мужики с утра из сарайчика досок надрали — совсем хорошо. За пару дней мы втянулись, зажили волдыри и водянки на руках, отбитые пальцы уже пожелтели, синева сходит... Ничего.

Бабушки с утра делятся впечатлениями и вспоминают молодость. Мама почти не слышит и много спит. Свекровь за всем происходящим наблюдает с недоумением и раздражением: почему нет хлеба, уже давно пора сходить в магазин! Окно забили листом ДСП — темно читать! Общее полотенце на 8 человек — это беспорядок, кто так делает, «у меня нежная кожа, может раздражение пойти! Индивидуальное полотенце давно пора постирать, да и голову надо помыть, с неё штукатурка сыплется!» Она уже утомилась жить в гостях, всё время собирается сходить домой — ей надо цветы полить.

Из дома бабули не выходят, на улице ещё холодно. Углядев, что Диану одевают на прогулку, свекровь решается тоже выйти на свежий воздух. Мы нарубили дров, надо собрать поленья и снести в дом. Бабуля, решив внести свою лепту в общее дело, предлагает свою помощь. Серёжа, оценив ситуацию, — дескать пусть мама немного подвигается, — дает задание: начинай складывать чурки в ведро. Обстрел всё утро не прекращался и бухало где-то на пр. Ленина, но тут вдруг зазвучало поближе и чуть чаще. Бабуля бросила ведро и с криком: «Ага, чтоб меня убило?!» опрометью бросилась в дом... А мы остались — её же через час кормить надо, а дрова на исходе...

Каждый день бабушка Ася подходила с вопросом: «долго ли она здесь ещё пробудет?!» Объяснить ей суть происходящих явлений мы пока так и не смогли.

— Россия не может напасть, этого просто не может быть!

— Но ты же видишь, что может, русские войска стреляют, разрушают город, убивают людей! Путин войну ведёт!

Ответ потряс: «Ну, он же не сам стреляет!» Что в переводе на нормальный язык означает: не верю. Не хочу верить. Вы врётё. Мне ваше объяснение не подходит.

Главное — не унывать, мы верим — скоро придёт подмога, нас не сдадут, не могут сдать — Зеленский обещал, а мы ему верим! Мы ставим в календаре крестики, слушаем по интернету новости — мобилка работает как радио — и стараемся жить изо всех сил: улыбаемся, играем с малышкой и планируем будущее.

ПИСЬМО 5. ГОРОД

В своём доме жить хорошо. Значительно лучше, чем в многоэтажке. В своём доме всегда есть запасы всякого хлама, который лежит «на всякий случай». И такой случай настал. После очередного налёта, когда снова повыбивало окна, из гаража и сарая были извлечены детали от давней мебели, части каких-то кроватей, спинки древних диванов, всё, что ни за что бы не поместилось ни на каком балконе. А окна выбило не только в частном секторе.

В «хрущёвках» и «сталинках», в шлакоблочных многоэтажках и панельных высотках, везде, где остались стены и крыши, в середине марта окон уже не было. Магазины стояли разграбленные, с разбитыми витринами, в пустых помещениях гулял ветер, но мариупольцы упорно собирали битое стекло в кучи, сметали штукатурку и сносили её к мусорным бакам, выбитые шлакоблоки укладывали в штабеля. Из окон и балконов хозяева сгоревших квартир выбрасывали сожжённые холодильники и телевизоры, строго поглядывая, чтоб никого не прибить внизу. Потом их перетаскивали во дворы к мусорным бакам. Мариуполь стоит безлюдный и пустой, чёрный от пожарищ, но чистый. В городе тихо, как в доме с покойником, разговаривают вполголоса. На ярко-синем небе вовсю горит безразличное солнце.

... На остановке троллейбуса на земле 5-й день лежит труп женщины. Его никто не вывозит и не хоронит, значит, одинокая, значит, некому. Труп лежит на матрасе, в пальто и шапке. Люди идут мимо: надо рыть яму, да сил нет.

Во дворах из битого шлакоблока выложили печки, оформив места приёма пищи — детские площадки — обгоревшими диванами и креслами. Люди вышли во дворы и стали обустривать там жизнь — дома сидеть невозможно: +5, сквозняк, полумрак, жуть. Дома только спят, вся жизнь — на улице, там люди, общее горе, общее дело — заготовить дрова, принести воду, занять очередь. Здесь всё общее: общая крупа, соль, консервированные огурцы — по кусочку, общая посуда — у кого осталась, у кого осколками не побило. Дома сидеть нельзя, там можно сойти с ума. Детей почти не видно, их постарались вывезти в первые дни войны, но не всех.

Шумные дети учатся в школах.

Завтра — не будет этих детей.

Завтра — дожди на равнинах голых,

Месиво из чугуна и костей.

*Скрытое выворотится наружу.
После замолкнет и дробь свинца.
И тихое зеркало в красных лужах
Не отразит ничьего лица.*

Даниил Андреев, 1937

Мамы с колясочками сидят под подъездами домов, в которых есть бомбоубежища — чтоб первыми заскочить внутрь. Это — молодые морячки, их мужья в рейсе, а они их ждут дома. Каждая ночь может оказаться последней. Многие ночуют в бомбоубежищах. Но там тоже очень холодно, темно — свечки экономят, народу много, спят на полу, подстелив картонные коробки. Уж лучше дома, если он есть.

Настоящие бомбоубежища есть далеко не во всех домах, только в старых «сталинках». В многоквартирных высотках подвалы предназначены лишь для детских комнат школьников и ЖЭКовских мастерских. Люди на АС-2 (ул. Куприна, пр. Ленина) прятались в таких подвалах, дома упали, где было до 400, где — до 600 человек. Остались навсегда. Летом орки дали воду, подвалы затопило... Какие-то дома разобрали — экскаваторы выгребали вместе со строительным мусором и вывозили на городскую свалку.

Снаряды влетают прямо в квартиры, взрывной волной вышибает входные двери, выбрасывает прямо на лестницу. Моя сваха попала под взрыв, получив по лбу оконной рамой, стеклянную крошку удалить с лица пока не смогли, шрам гноится...

В доме прятаться страшно, можно попробовать укрыться в ванной, если она не угловая в доме. Есть у нас приятель, в его квартире именно ванную и разнесло, а семья по всем правилам именно там и пряталась. Случайно живы остались.

Во время бомбёжки в многоэтажном доме находиться ужасно страшно. К нашей соседке пришла сотрудница и стала рассказывать, что к ним в санаторий им. Крупской прибежал муж одной из коллег с младенцем. Его жена недавно родила, сидела в декретном отпуске. Начался обстрел и она, не зная, что делать, как спастись, взяла на руки трёхмесячную дочку и решила выпрыгнуть из окна... 6-й этаж, муж успел схватить её сзади за платье, вернул в комнату. Между обстрелами, схватив ребёнка, бутылочки с молочной смесью, он прибежал к девочкам в санаторий и оставил девочку им, а сам вернулся домой — там осталась жена со старшим ребёнком. Продолжения истории я не знаю.

Старенькие бабушки медленно ходят вокруг домов и собирают веточки, оборванные осколками снарядов. Кормят только своих, если квартира сгорела — об очереди договаривается кто-то из знакомых, просто так к костру подсесть нельзя. В подъезды сносят большие доски, которые нужно распилить, соседи организывают дежурство, чтоб доски не украли, и по ночам караулят. Мародёры из разбомблённых квартир забирают всё, добытое продают или меняют. В большой цене свечи, батарейки, зажигалки, спички — цена одного коробка стабильно держалась на уровне 35 гривен. Одну сигарету курят вдвоём или троём, на окурочок можно сменить кусочек мыла. Инструменты — пилы, топоры, молотки воруют нещадно. В большой цене питьевая вода — в ручье вода солоноватая, еда из неё получается невкусная.

ПИСЬМО 6. ОТЪЕЗД

Уезжать из Мариуполя начали ещё с первых дней войны. Уезжали каждый день. У кого были машины — ехали на своём транспорте, те, у кого машины не было, искали другие возможности. Ещё 25 и 26 февраля из Мариуполя можно было выехать поездом, ходили и рейсовые автобусы во все направления: как в Украину — на Запорожье, Днепр, Мелитополь, так и на Крым, Новоазовск, Ростов. К концу месяца железнодорожное сообщение остановилось, автобусные рейсы были отменены, но их теперь можно было зафрахтовать, нанять, чтоб уехать. На 23-м микрорайоне, в районе развлекательного комплекса «Эпицентр» (уничтоженного до основания!), на автостанции АС-2 и в центре возле театра собирались люди, «маршрутки» собирали людей, едущих в одном направлении, и договаривались о цене. В первые дни войны цены были 500 гривен с человека, к апрелю они выросли до 1000 гривен. В мае проезд стоил 5–6 тысяч. Можно было договориться сесть попутчиком в легковую машину, цены были от 100 грн. в феврале до 1200 — к концу марта.

Легковые машины обвязывали белыми лентами — рвали рубашки, простыни, гардины — их привязывали на зеркала, на ручки дверей, на всё, за что можно было зацепить. Машины ехали все в белых тряпках, как в бинтах. На всех стёклах скотчем были приклеены плакаты: «Дети». Мы думали, что белые тряпочки и бумажки помогут, защитят, спасут жизнь. Никого это не останавливало, мы видели брошенные на дорогах и полях машины, оснащённые такими надписями, с торчавшими из крыш и дверей цилиндрами фугасных «Точек У», пробитые осколочными снарядами или шрапнелью. Наивные, поначалу мы

думали, что мирное население не есть цель обстрела русскими войсками... Мы ошибались: первыми объектами, попавшими под обстрел и бомбёжку, были больницы и школы.

Месяц под обстрелами — и наши дети тоже стали задумываться об отъезде. Мы возражали и отговаривали, дети колебались — ехать с маленьким ребёнком в неизвестность, жуткая, смертельно опасная дорога — страшно. Но оставаться было уже невыносимо. Сашина машина — старенькая иномарка, понятно, что «Боливар двоих не вывезет». Дети, — трое взрослых и Дианка, — могут взять ещё кого-то, но чтоб повесить им на шею бабушек — об этом не может быть и речи! Мы уверяем их, что с нами ничего не случится, мы будем стеречь дом от мародёров, «всё, что нажито непосильным трудом», сбережём и сохраним!»

И начались сборы. Первым делом была нарублена гора дров — все вместе рубили 3 дня. В перерывах между обстрелами все носят воду — заполняем все ёмкости. Нас потом этот запас круто выручил, были дни, когда стреляли так, что головы поднять нельзя было, а не то что куда-то идти!

Дети стали собирать вещи, 40 раз складывались и разбирались сумки, укладывалось самое нужное и необходимое: уезжали в никуда и, возможно, навсегда. Нужно взять вещи на предстоящую весну и лето, а ночью ещё минусовая температура, куртки, шапки, сапоги, скороварку, термос. Целый день мы варили и жарили — еду с собой и поесть сразу по приезде. Аптечку, подушки, одеяла. Ложки, пластмассовые чашки, железная кружка, кипятильник. Сахар, соль, банка варенья. Отъезд назначен на 22 марта.

В день отъезда мы с Серёжей, чтоб не болтаться у детей под ногами и не давать раздражающих советов, до последнего сидели у себя в комнате. «Ну, — сказал, зайдя в комнату, Саша, — выходите, побудьте ещё пару часов с нами». Эта фраза звучит у меня в ушах до сих пор, сказал, как попрощался навсегда. Когда же мы вас снова увидим, обнимем... Время прошло быстро, всё уложили, дождались конца комендантского часа. Вышли на порог прощаться. Обнялись.

Плакать нельзя. Надо улыбаться и излучать уверенность. Нельзя, чтоб дети волновались, переживали, что оставили нас одних — они неделю нас уговаривали ехать вместе. Теперь уже нельзя. Они должны вырваться. Они должны уехать, доехать, устроиться на новом месте, у них на руках маленький ребёнок. Мы не пропадём. Мы ничего не боимся, мы выживем, с нами ничего не случится. Вышли их проводить

бабушки. Машина тронулась, поехала, чиркнув дном о порог гаража. Улыбаемся и машем! В добрый путь.

Бензина так мало, что его хватит только до Бердянска. Миша, Сашин друг, уехавший пару дней назад, по телефону обещает вывести наших детей из города так, чтоб не нарваться на блокпост и влиться в поток машин на трассе. Уже в самом Бердянске Саше нужно купить бензин, чтоб ехать дальше — Миша договорится со знакомыми, ему продадут. Дети едут, а мы смотрим на часы. Мобильная связь дома не работает, ближайшее место, где она есть — перекрёсток пр. Строителей и пер. Днепропетровского, напротив 26-й школы, весь Приморский район ходит туда, там — место встреч: туда стекается вся информация, там можно узнать, кто где и передать что-то знакомым о себе. Туда спешат сообщить, если кого-то завалило в частном доме, чтоб откопали соседи или родня. Там узнаём цены на место в машине и где найти попутку.

Дождавшись 14:00, идём туда и мы. Звоним. Пока идёт соединение, время перестаёт двигаться, сердце стучать, в голове останавливаются мысли, а в горле — воздух. Звонок, ещё один, дозвонились — они в Бердянске. Блокпост проехали, их обыскивали, раздевали, выворачивали сумки, но пропустили, и они уже в Бердянске. Он оккупирован русскими, но там не стреляют!

— Мама, — говорит Сашик, — так тихо, что в голове звенит! Мы переночуем и с утра дальше.

Дальше — Винница, Миша ждёт их там, там есть жильё, они будут все вместе. Теперь задача — купить бензин, он в Бердянске есть, дальше в Украине бензина нет. Его просто нет — в первые дни русьня разбила нефтебазы и нефтеперегонные заводы, Кременчугский в том числе, цена доходила до 60 гривен, на заправках жуткие очереди, продают по десять литров на одну машину. Официальная цена бензина в Бердянске — 25 гривен, продают его с рук по 100–200 гривен. Саша купил по 200 грн. за литр на 3000 гривен — их чудом не отняли при обыске, до Винницы должно хватить.

Утром дети снова едут. Когда они добрались до Запорожья — позволили, это было большое облегчение знать, что они в Украине! Среди своих, на нашей земле. Но выдохнули мы только тогда, когда ребята добрались до Винницы.

И мы остались одни. С бабушками на руках, в доме без стёкол, но дети были в безопасности. Начали осваивать подвал — бомбить стали всё сильнее, положили у входа топор и лопату — отбиваться от «орков» и поклонников русского мира: участились случаи грабежей. Перешли

в комнату, где спали дети — она внутри дома и лучше защищена от осколков. Сделали переучёт продуктов — негусто, но на какое-то время хватит, спустили в подвал, опять же от осколков. И стали дальше жить — надо, а куда деваться: кухню никто не отменял — старушки есть хотят, у них аппетит хороший.

В первых числах апреля взорвали телевышку, и мы остались без связи. Телефон замолчал, новостей ждать было неоткуда. Стало совсем плохо.

ПИСЬМО 7. АПРЕЛЬ

Солнца стало больше, оно светило ярче, а обстрелы вошли в нашу жизнь, став привычной и обыденной данностью. Теперь в круг наших обязанностей вошла ежедневная уборка двора как от самих осколков снарядов, так и от результатов их попадания: собрать и вынести битое стекло, спилить повреждённые ветки деревьев, чтоб не упали на голову, укрепить сбитый с крыши шифер.

Апрельское солнце согрело землю, и в палисаднике вылез зимний чеснок, зацвели деревья. Зацвела черешня, стояла вся белая, усыпанная множеством душистых букетов, красивая и чистая, а через неё проглядывало синее небо, такое высокое и яркое, что в голове не укладывалось понимание того, что вот эта черешня, это небо с облаками — вот это настоящее, а взрывы, снаряды, искорёженные куски кровельного железа с крыши и обломок печной трубы в огороде — это всё не взаправду, сморгнёшь — и нет этого. Только сморгнуть почему-то не получается.

Вспомнив рассказы из школьных книжек для внеклассного чтения о ленинградской блокаде, я, в ужасе от вполне реальной перспективы голода, решила посадить картошку, в качестве посадочного материала используя очистки. Моя сваха, так и не сумевшая выехать из Мариуполя, осенью выкопала несколько кустиков. Ну, что ж, я проверила — работает, получилось у ленинградцев, получилось и у меня, спасибо книжкам.

Вода, запасённая перед отъездом детьми, израсходовалась, и вопрос её доставки опять был на повестке дня. И тут в гараже неожиданно нашлась «кравчучка», от прежних хозяев осталась. Крепенькая, металлическая, эта тележка на маленьких колёсиках в мирное время была первым определителем и показателем того, что человек, упорно тянувший её позади себя, — обычный среднестатистический пенсионер. Его нагруженная доверху повозка может ввести в заблуждение только ино-

странца, нашему же человеку ясно и понятно, что гражданин с грузом совершенно никуда не переезжает, он просто сходил «на маркет». До войны я часто думала, что даже если стану совсем старенькой старушкой, то ни за что и никогда не стану ходить на рынок с этим устройством, не позволю себе, не дойду до того, что мне будут уступать место и говорить: «бабушка, проходите».

Найдя «кравчучку» среди различных гаражных достопримечательностей, мы были безумно рады: это ж сколько воды можно за один раз принести, — ахали мы, понимая, что каждый поход на источник мог оказаться последним. Тележка была мгновенно модернизирована: найденный на свалке возле магазина пластмассовый ящичек был накрепко приторочен к продолговатой маленькой полочке и моментально стал гарантом того, что на этом чудо-устройстве можно будет привезти... всё что угодно, как сказал бы Винни-Пух! Во всяком случае двадцатилитровую баклажку с водой уж точно. Один из нас легко сможет выкатить на горку, довольно крутую и протяжённую, с выбитыми колёсами больших и маленьких тачек разнообразными ямами, то тут, то там присыпанными щебёнкой, — целое море воды, тогда как другой сможет притащить ещё аж десять литров в двух руках! Мы были счастливы и, дождавшись затишья, ринулись к роднику.

Бивший из-под земли источник, дававший свежую, чуть солоноватую, холодную в любую жару воду, стал местом паломничества жителей всего Приморского района. Здесь узнавали последние новости по городу и по стране. В основном это были разговоры о том, кто и куда стреляет. Слухи с комментариями, сплетни, мнения, обсуждения нередко были и конструктивными, но чаще всего сводились к тому, что Мариуполь обстреливает ВСУ, и, конкретно, полк «Азов», защищавший город. А поскольку ни «азовцев», ни русских на тот момент никто в глаза не видел, то дискуссия велась по принципу: «сестре моего кума звонила соседка, так её зять сам видел»!

Район завода им. Ильича был оккупирован в первые дни и находился под контролем российских войск, на Восточном бесчинствовали кадыровцы. Войдя в город, они с первого же дня расстреливали людей на улицах, в домах и квартирах, отправляли в пыточные — это называлось «бросать на подвал». Пыточные подвалы стали обычной практикой в тех частях Донецкой и Луганской областей, объявленных Путиным территорией «молодых республик ДНР и ЛНР». Мне приходилось сталкиваться с людьми, выбравшимися из таких подвалов, активно функционировавших все эти годы.

Чего хотели от пленников в Донецке, Горловке и других, больших и малых городах «серой зоны»? А чего могут хотеть бандиты? От бизнесменов — денег, людей выкупали родственники, друзья. Тех, кого выкупить не получалось — убивали, показательно изуродовав тела и выбросив для устрашения. Военных, проукраински настроенных полицейских, не захотевших присягать шантрапе и служить под началом у бандюков и урок, месяцами держали в подвалах «для науки», хотя их тоже неплохо меняли и выкупали. Из рассказов освобождённых мы многое узнавали об ужасах этих застенков, но кадыровцы по уровню жестокости превзошли самые жуткие рассказы. Они резали живых на глазах у родственников, насиловали детей в присутствии родителей или бабушек, отрезали части тел, выжигали клейма.

Убивали семьями, расстреливали показательно прямо во дворах многоэтажек всех кого схватили. Вывозили за город и сжигали, обкладывая шинами, чтоб горело лучше. Но трупы сгорали плохо, медленно, и тогда из России прибыли 12 передвижных крематориев — очень удобно. Но то ли мощности этих устройств не хватало, то ли из-за каких-то других причин, но данная стратегия себя не оправдала. Выход, конечно же, был найден, и на полях, примыкающих к городу с восточной стороны, стали сооружаться старые добрые братские могилы с трупами, предварительно засыпанными известью.

Ирония Провидения заключается в том, что под кадыровский каток попало именно население заводских районов, вследствие многолетнего интенсивного зомбирования совершенно искренне желавшее братания с Россией, а лучше всего — возврата СССР. Именно «ватники», совершенно искренне поддерживающие политический режим современной России в его внешнеполитической реализации, — были уничтожены путинскими войсками. Именно они ощутили на себе удушающую силу братских объятий, в которые мечтали попасть. Булгаков был прав, «бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться».

Сообщение между городскими районами практически отсутствовало. Добраться из одного конца города в другой было крайне затруднительно — Мариуполь растянут широкой полосой вдоль моря, основные бои велись в центре, на пр. Ленина, на окраине — 23 микрорайон, ул. Куприна и ул. Краснофлотская. Передвижение по городу — задача непростая, проход из одного района в другой был возможен лишь при наличии спецпропусков, которые выдавались какими-то комендатурами. Время пешего перехода весной 2022 года с завода им. Ильича

в Приморский район, с учётом пережидания бомбёжки, обхода блокпостов, непроходимых дорог и взорванных мостов, составляло двое суток, тогда как доехать в мирное время с Восточного в Черёмушки можно было за два часа на обычной городской маршрутке.

Людей на улице видишь редко, уехали многие, а те, кто остался — сидят дома, даже во двор не выходят. С тех пор как взорвали телевышку, отсутствие связи стало угнетать, давить на психику, доставляя почти физические страдания. Телефон молчал, официальных новостей ждать было неоткуда.

Шла первая неделя апреля. Жизнь стала подгонять под себя людские судьбы, кто-то своё мировоззрение поменял, кто-то — нет. Кому-то его картина мира спасла жизнь, а кто-то за свои заблуждения заплатил по полной.

ПИСЬМО 8. «НАМ НАДО ПОСПАТЬ...»

А природа жила в своём режиме и не знала, что идёт война. Её вечный распорядок был незыблем. Под ярким солнцем зацвели яблони, у нас их две, за ними подтянулись сливы. Появились первые пчёлы. Ярко-розовым зацвёл персик, на нём висел огромный, искорёженный лист кровельного железа, внося мерзкий грязный диссонанс в чистоту и нежность весеннего сада. Он так и остался там висеть, возможно, упадёт сам. Достать его было невозможно: легко можно было пораниться, а в условиях жутчайшей антисанитарии и при полном отсутствии каких-либо лекарств даже незначительная царапина могла привести к сепсису. Медиков в городе не было, народ практиковал самолечение: загноившийся палец отрубали топором, предварительно напоив клиента — если было чем.

Через забор заглянула незнакомая женщина.

— А вы — Сашины родители? Я — Неля, я ваша соседка справа. Возьмите мои документы, мне надо сходить родственников проведать в другой район. У меня мама лежачая, Наташа (другая соседка) за ней приглянет, а документы пусть у вас будут.

Вернулась Неля через три дня, уставшая и измученная, рассказала, что и где сгорело, как выглядят знакомые места, что передаёт «сарафанное радио». Из отдельных разрозненных сведений мы попытались составить картинку. Получалось так: русские в Мариуполе находятся в Левом, Восточном и в Ильичёвском районах, центр города — так называемая «серая зона», т.е. не их и не наш. В Приморском районе ДНРовцы и мариупольские менты, перешедшие на сторону врага. Го-

род изо всех сил защищают «азовцы», и это вселяет надежду. А ещё выступал Зеленский и обещал Мариуполь не сдавать и в помощь жителям прислать гуманитарную помощь.

«Азовцы» уже освобождали Мариуполь в 2014 году, имели свою базу в посёлке Урзуф и были силой, которой реально боялись все, начиная от местных сепаратистов-ватников с депутатскими значками до маргинальных личностей всех «мастей», невзирая ни на их количество, ни на заявленную депутатскую «крышу»: коммунисты на тот момент ничем не отличались от «регионалов», все ждали Россию. Ну, что ж, «Азовцы» — это хорошо, получилось тогда — получится и сейчас. Тем более, что сейчас же у нас новый Президент, он — честный парень. Тогда, при Порошенко, было гораздо труднее — сейчас-то мы это хорошо понимаем. То, что происходит сейчас, началось ещё тогда, в 2014-м...

Шла первая неделя апреля, война набирала обороты. Обстрелы учащались и становились всё более интенсивными. Люди по-прежнему правдами и неправдами выбирались из города: плановая эвакуация, объявленная городской властью, захлебнулась буквально в первые недели оккупации, а внезапные отъезды, организованные отдельными волонтерами, мало что меняли в жизни горожан. Дело спасения «утопающих» по-прежнему оставалось в их собственных руках, а точнее — в ногах: кто мог — уходил из Мариуполя просто пешком, с маленькими рюкзачками на плечах, толкая перед собой тележку-«кравчучку», детскую коляску с ребёнком, с бабушкой-инвалидом.

Самолёты теперь летали практически всю ночь. Су-25, штурмовики с полу-тонными и тонными бомбами. Мы научились различать их приближение по тяжёлому гудящему звуку. Они шли низко, и я всё время боялась, что бомба может просто сорваться с крепежа и упасть прямо на нас. Случайно. Что такое может быть, я вполне допускала. Всё дело в том, что военная специальность моего мужа — авиационный техник. В своё время он, выпускник Харьковского авиационного института, получив после успешного его окончания лейтенантские погоны, два года отслужил в настоящей воинской части. Я, как верная жена, поехала за ним и тоже получила свою толику жизненного опыта, а потому про техническое состояние советской авиации я уже тогда знала многое. Вряд ли за столько лет оно могло улучшиться, самолёты ведь уже тогда были, мягко говоря, не новые! Потеря «изделия» (как назывались бомбы в закрытых отчётах Минобороны СССР) в процессе учебного бомбометания — была явлением заурядным.

То, что сбросить бомбу могли на нас целенаправленно, я тоже понимала, но больше боялась, что она упадёт случайно, почему-то меня это пугало гораздо сильнее.

Как правило, весь световой день мы были на улице — дрова рубили, виноград подрезали, мусор убирали — дел хватало. Напротив входа в дом у нас маленькая площадочка, такое себе «патио» с навесом из оцинкованного железа, создающим летом тенистую зону, и двумя старенькими советскими ещё диванами с высокими спинками. Если обстрел заставал нас во дворе, от летящих осколков мы прятались под этим навесом — как будто он от чего-то мог защитить! Рядом упал снаряд — я бросилась на присевшего на диван Серёжу, закрывая его собой, — инстинкт, рефлекс. И всё время следила, чтобы со двора было убрано всё, что может быть повреждено осколками: пластмассовые бутылки, баклажки, вёдра, тазы, кастрюли — посечёт осколками, в чём воду носить, хранить; лопаты, пилы, топоры, ломы, отвёртки — украдут, работать будет нечем.

«Азовцы» в содружестве с мариупольскими пограничниками всю весну сражались героически. Вышедшие из окружения одесситы — подразделение 36-й отдельной бригады морской пехоты — влились в состав полка «Азов», усилив боеспособность наших защитников. Кроме того, отступив на территорию завода «Азовсталь», бойцы объединённого подразделения взяли на себя защиту и охрану жителей Восточного и Левого берега. Наши военные горожан кормили, лечили и оберегали. Говорили, что гражданских там было до 2,5 тысяч человек.

По «Азовстали» ведутся интенсивные обстрелы, только за ночь мы насчитываем 20–25 вылетов, в том числе сверхтяжёлыми бомбами с трёх стратегических бомбардировщиков. Самолёт — днём или ночью — прилетает из Ейска, делает первый заход над морем, потом бомбит порт, бросает несколько бомб на жилые дома в Приморском районе и начинает смещаться к «Азовстали»: всё, можно выдохнуть. Днём страх проходит довольно быстро, и можно жить дальше по режиму. Ночью очень страшно, гораздо страшнее, чем днём: дом вздрагивает, подпрыгивает и шатается, угрожая упасть. Нужно также следить за тем, чтоб не пропустить начавшийся пожар на крыше или в дальней комнате — сидя в подвале, нелегко понять, горит дом или нет, гарь висит в воздухе постоянно, город горит не переставая. Тьма усугубляет ужас происходящего, и подвал дома, бывший днём крепким и надёжным убежищем, ощущается тесной, холодной и одновременно душной могилой, западнёй, ловушкой: потолочные балки мы вдвоём вряд ли поднимем с крышки

люка, а ждать соседей бессмысленно — входная дверь заперта, бабушки соседей не знают — мы же здесь «в гостях», да и ходят они с трудом... Но если повезло и дом выстоял, не нужно сметать или стряхивать с постелей упавшую штукатурку, битое стекло и заколачивать выбитые окна, — можно пару часов поспать. Работает ствольная артиллерия, ухают танки, миномёты, прицельно стреляют снайперы, пехота пытается штурмовать какие-то дома — мы не обращаем на эти мелочи уже никакого внимания, мы спим. Самолёты бомбят «Азовсталь», это далеко, это не нас, мы пока живы, и нам надо поспать — мы спим.

ПИСЬМО 9. 43-Й ДЕНЬ ВОЙНЫ

Апрель для меня месяц особенный, в апреле мой день рождения. В блокнотике мы от руки нарисовали календарь, и каждый вечер Серёжа, как Робинзон, зачёркивал прожитый день, сообщая «Пятнице» его номер. После чего вечер переходил в свою заключительную стадию — разгадывание кроссворда.

7 апреля был 43 день войны. В этот день снаряд первый раз попал прямо в дом.

Накануне мы сварили борщ. Обрезанная кожура от сала была хорошо проварена и дала навар и вкус, картошка, полморковки, лук, остатки томатной пасты, борщ был восхитительный и на вкус, и на цвет. Но главное — фасоль! Жменька, горсть, пригоршня — полстакана крупной прошлогодней фасоли с фиолетовыми пятнами! Борщ с фасолью — любимое блюдо моего мужа, то-то завтра полакомимся!

Бабушки никак не могут понять, почему такой скудный рацион и почему мы не вовремя — в 7 утра! — подаём завтрак, они ж с 6 уже не спят! А потому борщ был сварен ещё с вечера. Полторы кастрюли. Чтоб бабушек сразу с утра покормить, самим поесть, дрова сэкономить, да и других дел, кроме кухонных, много.

Да... «Не как я хочу, а как Господь управит!» — меня так одна монашенка научила.

Всю ночь на 7 апреля мы просидели в подвале, спускались туда раза 4 и до того устали, что утреннюю бомбёжку просто проспали. Проснувшись утром в начале седьмого, мы даже удивились неожиданной тишине. Было непривычно тихо и спокойно, в ногах, свернувшись клубочком, сопел кот Мурзик. Внезапно он вскочил и мячиком скатился под кровать — он уже знал! Через минуту медленно, как в киноповторе, мимо меня пролетела оконная рама, обрамлённая кружевной шторно-гардинной конструкцией. Рама бухнулась на пол, стекло брызнуло на

ковёр — хорошо, что не в лицо! Выбравшись из-под одеял, мы решили осмотреться.

Взрывом снесло крышу с двух комнат дома, оторвав печную трубу. От взрыва, не выдержав, рухнула стена, открыв нам живописный вид на соседский двор, сплошь заполненный битым стеклом, искорёженным железом, деревянными частями каких-то конструкций, тряпьем, в котором с трудом угадывались дорогие шторы-гардины и горы кирпича, в недавнем прошлом составлявшие большой гараж. Груда шлакоблоков, бывшая ещё полчаса назад стеной нашего дома, погребла под собой новенькую газовую печку, на которой ещё с вечера стояли, удобно разместившись, прикрытые для надёжности от кота Мурзика массивными чугунными сковородками, две кастрюли борща! Как иллюстрация к идиоматическому выражению «всё пошло прахом»: ни кусочка, ни горошинки вчерашнего борща из сплошной пыли не смог выловить даже проныра-Мурзик. Сковородки и кастрюли превратились в бесформенные металлические блины кружевной структуры, образовавшейся от множественных осколочных пробоин. Серо-розовые пятна под кухонным столом отдаленно напоминали банки с томатом, маринованным перцем и абрикосовым повидлом. Из раскрытых створок старого бабушкиного буфета выпала посуда — салатницы, чашки, рюмки, у новенького современного буфета дверцы были вырваны «с корнем» и беспомощно валялись посреди кухни. Картина маслом. В добавление ко всему, «бордовой шляпкой накрылась» ванна — она полностью была завалена битым камнем, смешанным со стиральным порошком и мылом, по разноцветным щепкам можно было угадать Дианкиных пластмассовых уточек и другие туалетные принадлежности.

«Не приходя в сознание... приступил к работе» — был такой советский анекдот времён застоя. Так и мы, не выходя из шока, начали сгребать разлетевшееся стекло, сдвигать каменные глыбы, чтобы между грудой битого шлакоблока проделать дорожку и пройти к печке. Камнями засыпало дверь в комнату бабушек, её нужно расчистить, чтоб дать им возможность выйти. Надо срочно освободить от строительного мусора и выяснить, цел ли унитаз — пожилые люди, у них же особый режим. Таскаем камни, с потолка снимаем отставшую штукатурку, чтоб на голову не упала, и вдруг из комнаты, где живут бабульки, слышим отчётливый голос свекрови:

— Я не поняла, чё они себе думают: кормить нас сегодня будут?!

Они взрыва не слышали, и пока не увидели — не поняли, что произошло!

Вечером Серёжа зачеркнул в календарике семёрку так, что её стало практически не видно. Недобрый день был...

ПИСЬМО 10. СОСЕДИ

Ещё в середине марта все большие помещения города были раскрыты и использовались жителями как убежища. В гастроном «Ширий кум» в переулке Республики сносили и складывали трупы. В подвалах Драмтеатра жители Центрального района стали прятаться от бомбёжек. 16 марта русский самолёт сбросил авиабомбу на здание драмтеатра. По слухам, там находилось до 600 человек — старики, дети с мамами, военных там не было. Погибли все. Осенью 2022 года подвалы с трупами были залиты бетоном, а здание Драмтеатра русские стали демонтировать.

Рано утром 9-го апреля пришла заплаканная соседка Неля и сказала, что умерла её мама. Хоронить её решено было прямо на подворье, на участке, свободном от деревьев и битого шлакоблока. Два соседа согласились вырыть могилу, а нас Неля попросила сварить пшённую кашу, чтоб помянуть. Скорбные заботы заняли пару часов.

— Вот, — сказала Неля, показывая нам свой дом, — теперь я здесь совсем одна осталась, дом крепкий, места много, если надо — приходите, вот один диван, вот второй, а там ещё есть спальные места. Я здесь находиться пока не могу, тяжело, побуду пока у дочки Наташи: там печка есть, чаю попьём. Вы сможете вот здесь бабушек разместить, у меня туалет целый ...

Мы покивали головами и пошли к себе — ни о каком переселении никто и думать не стал. Мы вернулись к себе в дом, постепенно отстраняясь от грустных мыслей о чужой жизни. Наша жизнь, несмотря ни на что, будет радостной — ведь сегодня мой день рождения!

Но уже в 3 часа пополудни начался такой жуткий артобстрел, что наш дом стал рушиться, рассыпаясь и разваливаясь на куски. Все усилия вчерашнего дня, направленные на то, чтоб перекрыть дырку в потолке, пошли насмарку: два прямых попадания снесли остатки крыши, оставив полдома безо всякого ограждения вверху. Рухнула оставшаяся часть стены, и дом приобрёл очертания театральных подмостков — три стены, и мы внутри. Я даже не стала ждать прекращения обстрела, бежала под градом осколков, обхватив еле живую от страха маму за плечи, увлекая её за собой и подгоняя — быстро передвигаться сама она не могла. Таким же способом в Нелин дом была переведена и свекровь. Разместив старушек по диванам, мы занялись переноской необходи-

мых вещей — одеял, подушек, обуви, пальто. Устроившись, мы вернулись в свой дом к печке — война войной, а обед-таки должен быть. Не в тім річ, що у хаті піч, а в тім діло, щоб у печі кипіло...

В первую ночь в Нелином доме мы были одни, бабушки осваивали новое жизненное пространство. Мы раз сорок бегали в свой дом — то за свечкой, то за таблетками, то расчёска нужна, то тёплый платок — в голову дует. Улеглись, забаррикадировав входную дверь от шляющихся по улицам пьяных «освободителей», соседей-мародёров (были и такие), одичавших от голода собак. А на рассвете от авианалёта полёт и Наташин дом — разбило крышу, выбило окна, сорвало входную дверь. Неля привела и их в свой дом, и стали мы жить всемером: Неля, наши бабушки, мы с Серёжей и Наташа с сыном Эдиком — трижды судимым беззубым тридцатипятилетним алкоголиком.

Для сна было выбрано самое безопасное место в доме. Это была маленькая проходная комнатка, и её главное достоинство заключалось в том, что она была внутри дома и не имела окон. Мебельный гарнитур, состоявший из колченого советского дивана и подростковой кровати, немедленно был дополнен совершенно неподъёмным креслом-кроватью периода развитого социализма с красной ситцевой обивкой и постоянно вываливающейся из пазов деталью дна. Какое ж оно всё было тяжёлое! Руки отрывались от плеч, пока мы перетаскивали его из нашего дома в спальню к Неле. Дно кресла кое-как починили, подростковую кровать расширили двумя приставными стульями. Питьевая вода, лекарства, носовые платки, будильник, свечи — всё строго на своих местах, чтоб в темноте взять на ощупь, лишь протянув руку.

Утром нового дня, когда были выметены стёкла из-под ног, заколочены досками выбитые окна и Серёжа водрузил на прежнее место вырванную с петель входную дверь, мы снова почувствовали себя разумными существами. Мы с трудом вживались в роль угловых жильцов и были довольны, что можем быть полезны нашему общежитию.

— Товарищи, — строго, как на педсовете, сказала наша хозяйка Неля, обращаясь к нам с Серёжей, — за вами — горячий чай, дважды в сутки, это — обязательно!

Мы переглянулись и честно признались, что продукты у нас практически все вышли. Оказалось, что, произнося слово «чай», Неличка имела в виду именно его, проще говоря, кипяток.

Пересчитав общие запасы, мы выявили изрядные резервы лука — сетку и лукошко, три морковки, свёклу, её было штук пять, четыре ма-

ленькие, с два кулачка, головки капусты, пару банок варенья, немного сахара и пачку соли — роскошь! Никогда не кладите все яйца в одну корзину, гласит поговорка: в сетке лука, висевшей на гвозде, после очередного взрыва осталась одна шелуха, лук исчез, разлетевшись брызгами, но оставив от себя немного запаха. Лукошко, стоявшее в гостиной под стулом, сохранилось.

В погребе у Наташи осталось немного прошлогодней картошки, в буфете — немного муки, у нас в гараже, за семью замками, от Мурзика, хранился кусок сала! Снова засветило солнце, и жизнь наша стала налаживаться.

С 9-го числа мы перестали отмечать дни в календаре: «Не к добру это, — решил Серёжа, — поживём без календаря, может, тренд поменяется». Не помогло.

11 апреля русская армия использовала против мариупольцев какое-то ядовитое вещество, вызывающее сбой в работе сосудистой системы тела, так называемый вестибуло-атактический синдром, проще говоря, нарушение координации в пространстве из-за проблем с вестибулярным аппаратом, тошнотой и проч. Его сбросили с российского БПЛА — беспилотного летающего аппарата. Химическую дрянь распылили над катакомбами завода «Азовсталь», надеясь выкурить оттуда «азовцев» и горожан. Никто не вышел. Мировая общественность выразила глубокую озабоченность.

В Мариуполе военные РФ взяли в заложники членов экипажей сухогрузов «Azburg» и «Lady Augusta», которые шли под флагом Доминики и Ямайки. Теплоходы грузили металл, русские решили его просто украсть. Суда обстреляли из миномётов, в машинное отделение попал снаряд и взорвался, начался пожар. Наши пограничники пытались помочь, но не смогли: 12 наших моряков и экипаж сирийцев русские взяли в плен и вывезли в Донецк. Говорили, что моряков потом выкупили, их, собственно, для этого в плен и брали, чтоб потом получить выкуп — обычная практика ДНРовцев.

ПИСЬМО 11. ГУМАНИТАРКА

Вести о жизни в осаждённом Мариуполе разносились средствами «сарафанного радио», слухами жили, слухами живы были. Одна баба сказала другой, та — третьей, дошло и до нас: дают гуманитарку!

То, что кое-кто из жителей не только симпатизирует «освободителям», но и, как говорил Остап Вишня, «вступает с ними в соприкосновение», а взамен получает продукты и выпивку — мы знали с первого

дня войны. Люди открыто говорили о своей ненависти ко всему украинскому, с восторгом ждали прихода русских войск, свято веря, что оккупационная власть позволит им получить власть и обогатиться. «Вот придёт Россия, выгонит нациков, наведём порядок!» Какого порядка им не хватало? Возможности заниматься рэкетом, крутить напёрстки на рынке, обирать пьяных?

Связь этих приверженцев «русского мира» с российскими солдатами была очевидна: перед налётом, едва не стоившем нам жизни, несколько соседей исчезли и появились через три дня сытые и спокойные. На вопросы отвечали путано, но стало понятно, что некто предупредил их о готовящемся обстреле, указав время и продолжительность акции. Эти «ждуны» совершенно не скрывали свою позицию, фамилии их всем известны.

Как именно эти граждане проявляли свою лояльность, я сказать не могу, но в то время, когда большинство соседей голодало, в их домах были и выпивка, и закуска. То бишь, продукты в городе были, наши, украинские.

Ну, а дальше, как и положено по закону жанра: появились продукты — появился «чёрный рынок». Продукты меняли и продавали, хотя деньги воспринимались как нечто архаичное, процедура обмена была понятнее и проще: 20 спичек — 1 луковица, обмылок мыла — полсигареты, полсвечки — 3–4 сухарика. За рытьё могилы денег не брали, брали продуктами и сигаретами. Нестарые бабёнки тоже пользовались популярностью, особенно у ДНРовцев, им платили тушёнкой, крупами и мукой, муки у военных было много и что с ней делать, они не знали, они привыкли к готовой пище: с 2014 года боевики ДНР и ЛНР получали из России не только оружие, но и продовольствие — в Мариуполе на рынке резко увеличилось количество русских товаров. Да и Ринат Ахметов всю войну их хорошо финансировал. Порошенко организовал беспрепятственный проезд в ОРДЛО — составы с металлом, углём, продуктами шли под охраной прокуратуры и милиции. За чёткость продвижения наркотрафика отвечало начальство СБУ.

Добровольцы из «Донбасса-1» и «Торнадо» как могли противостояли этому: организовывали блокпосты, приваривали поезда к рельсам, дошло даже до стрельбы, но наркотики традиционно, ещё со времен СССР, считались сферой влияния КГБ, Авакову Порошенко не позволил разрушить эту схему и на добробатовцев цыкнули, а особо неугомонных посадили. Бизнес набрал обороты, финансовая афера «Роттердам+» была вершиной этого гешефта. Таковы были реалии правления

президента Порошенко, народ его люто возненавидел и избежался, как только представилась возможность, проголосовав за Зеленского.

Гуманитарка — это слово в апрельские дни 22 года будоражило воображение и вселяло надежду, интересовало только, где и как получить? И вот сенсационная новость — выдают гуманитарную помощь не только российским прихвостням, но и другим людям, выдают продуктовые наборы и средства гигиены. Целых 10 килограммов в одни руки, такое богатство! Мы воспряли духом, но «приписка мелким шрифтом» накал нашей радости существенно поубавила: получение по предъявлению документов и лично, и в порядке живой очереди! Выдача для Приморского и Жовтневого районов — возле Порт-Сити, идти нужно пешком.

Решено было пустить «пробный шар» — Эдик, растолкав по карманам документы и взяв сумку-«кравчучку», выдвинулся в поход ещё затемно. К двенадцати часам дня он вернулся, отстояв в очереди 10 часов и добыв 2 продуктового набора. Каждый содержал: 2 пакета крупы по 900 грамм, 1 пакет макарон — 850 грамм, 1 кг сахара, 1 кг соли, 2 коробки рыбных консервов, 1 — говяжьей тушёнки, 1,5 литра воды, флакон 450 мл шампуня, 1 упаковку салфеток и упаковку детских подгузников № 3. Такую помощь выдали на месяц. Радости нашей не было предела. Эдику как герою-стахановцу была на треть увеличена порция супа, а draniki разрешено было брать без счёта.

А на следующее утро Эдик с загадочным видом улизнул со двора и появился к обеду с буханкой белого хлеба. Мы обомлели! Как, где?.. Эдик, не вдаваясь в подробности, сказал, что «встретил друганов, они мне кое-что должны были».

Буханку разрезали острым ножом сразу на кусочки и по одному ломтику раздали к обеденному супу. Вкус у хлеба был потрясающий, мы вдыхали его аромат и не могли надыхаться! Оставшийся хлеб надёжно спрятали от бабушек в буфет и стали жить дальше.

У Наташи обнаружился малюсенький, с ладошку величиной, радиоприёмник. Каждый день после обеда Серёжа прикивал ухом к этой чёрненькой штуквине, и все замирали: если была связь, то можно было услышать что-то о том, что происходит на Большой Земле. Серёжа слушал долго, а потом в двух-трёх словах говорил самое основное. Киев наш, Харьков, Чернигов, Сумы и Одессу сильно бомбят, но они не сданы. Бомбят Львов, 7 человек убито. В Мариуполь направляется подкрепление, наши западные партнёры обещают выделить нам самолёты. Сквозь треск и помехи до нас долетели слова о том, что «наши лётчики уже проходят обучение и через некоторое время будут летать

на самолётах F16». Радости нашей не было предела... (Прошёл почти год — самолёты нам не дали до сих пор).

Гуманитарная помощь в Украину из-за границы в то время уже шла составами. И действительно, бесплатная помощь нуждающимся пришла, но не к нам: русские войска обстреливали любой транспорт, шедший в сторону Мариуполя, рассчитывая, что жители осаждённого города поднимут бунт против руководства страны и объявят о присоединении к России. Просчитались.

...Уже в самом конце апреля на нашей улице появились русские военные на грязной легковой машине. Они остановились прямо напротив нашего дома, и один из них пошёл к соседям, известным своими пророссийскими настроениями. Заслышав голоса, Наташа по привычке открыла калитку, следом на улицу вышли бабушки. Увидев наши перепуганные лица, русские военные объявили, что «теперь уже бояться не надо, мы по вам больше стрелять не будем».

— У вас тут природа похожая на нашу. Мы с Дальнего Востока, десантно-штурмовая бригада... ха-ха-ха... была, 80 процентов теперь нету! Ваши нацики нас сильно покрошили, — говорил он, улыбаясь. Мы стояли молча, холодея от страха.

Весёлые и brave парни-дальневосточники привезли продукты в соседний с нами дом своим симпатизантам: хозяйка получила две буханки хлеба, пакеты с мукой, сахаром, консервы, шестилетнему внуку вручили шоколадку.

Нюта, ты когда-нибудь просила милостыню, стояла с протянутой рукой? Нет? Тогда тебе будет трудно понять то внутреннее состояние, в котором мы пребывали в тот момент. Мы голодали уже не первый день. Увидев оккупантов, мы, видимо, должны были вести себя иначе, но голод как-то смешал все те чувства, что охватили нас тогда: любопытство и полное отсутствие информации вытолкнуло нас на улицу и мы торчали там, не в силах оторваться от происходящего и зайти в дом; мы боялись и ненавидели этих солдат, одновременно презирая коллаборантов-соседей и откровенно завидуя им, ничтожным, подлым людишкам. Мы презирали себя, ощущая униженность до последней степени. Мы забыли о своих социальных статусах, о двух высших образованиях, кандидатских званиях и иностранных языках «свободно и со словарём». Оглянувшись вокруг и увидев согбенных старух с землистыми лицами, мы обступили машину, и сперва еле слышно, а потом чуть громче стали говорить:

— Мальчики, дайте хлеба... Мальчики, хлебушка дайте.

Они молча стояли рядом, безразлично глядя в сторону, слегка начинающая раздражаться.

Трудно сделать первый шаг, трудно сказать первое слово, дальше идёт легче. Нас уже было не остановить, мы просили и плакали, не вытирая слёз с лиц.

— Мальчики, дайте хлеба... Мальчики, хлебушка дайте.

И нам дали! Буханку чёрного хлеба и буханку белого! Нам дали ещё две банки мясных консервов и пакет пшённой крупы. Мы прижимали к себе выплаканные продукты и почему-то не уходили к себе во двор, так и стояли, обступив чужую грязную машину. Русские резво впрыгнули в машину и уехали, а мы всё продолжали стоять посреди улицы, зарёванные и опустошённые, трепетно обнимая пакеты и банки. Очнувшись, все зашли во двор и стали ещё раз переживать только что произошедшие события, пересказывая друг другу увиденное и пережитое. Я ещё долго не могла успокоиться и практически весь день проревела: от горя войны, от обиды и унижения, от пережитого страха непосредственного контакта с этими людьми, которые были суть нашими врагами, а судя по тому, что стало с городом, вполне могли покалечить, застрелить.

Работали в эти дни много и достаточно тяжело, еда была мизерная и некалорийная, но силы были. Адреналин. Экстремальные условия нашего существования способствовали выработке адреналина в таком количестве, что он заменял всё остальное в организме. Энергии было много, настроение было практически ровное — истерик, кроме све-крови, никто не закатывал, мы почти не спали. Мы стали следить друг за другом, напоминая, что следует выпить кипятку, поесть, отдохнуть. Серёжа стал «пасти» меня с удвоенным вниманием — я могла принести еду с нашей печки в Нелин дом, уйти за чайником и забыть сестру самой за стол...

Первая была Неля. Она исправно пила кипятков — скорее по привычке, чем по желанию, а есть стала намного меньше и всё норовила забиться куда-нибудь в уголок и поспать. Однажды сильно испугала нас, когда во время очередной бомбёжки вдруг исчезла. Мы искали её, заглядывая во все закоулки и схованки, звали, срывая голоса и холодея от ужаса. Нашлась она неожиданно. Она присела отдохнуть во дворике нашего дома и потеряла сознание, потому и не откликнулась.

После этого случая мы стали более внимательно приглядывать ещё и за Нелей, она с трудом передвигала ноги: многократные еженощные бомбёжки, сотрясавшие дом, беспрерывно падающая на голову штука-

турка, холод, шедший из всех дыр и щелей разбитых окон, голод и постоянные, сверлящие мозг мысли о том, чем питаться завтра, не способствовали ни хорошему самочувствию, ни хорошему состоянию. Её подавленность была ещё и результатом личных переживаний — после смерти мамы прошло только 9 дней.

Неля находилась в состоянии тяжелейшего стресса, но природная интеллигентность и привычка быть старшей в семье — решать чаще чужие проблемы, чем свои — была решающим фактором того, что она выбрала форму существования, которую психологи, специализирующиеся на ПТСР, называют «избегание». Ну, психологам проще — они имеют дело с чужими людьми, а мы забеспокоились всерьёз и старались не выпускать Неличку из поля зрения, контролируя что и сколько она ест — необходимость есть суп даже в это голодное время требовала от неё личного душевного подвига и воспринималась ею как кармическая расплата за грехи всего рода! До войны Неля ещё со студенческих времен вела несколько замкнутый образ жизни: имея несомненный многолетний авторитет в педагогическом коллективе, неисчислимый сонм родственников и плеяду различных приятельниц, всегда оберегала своё личное пространство и приватность. Эту черту её характера мы поняли достаточно быстро и потому глаз с неё не спускали.

Полный дом чужих людей, совместная еда, сон, общая посуда — это всё переживалось Нелей стоически. Но себя не переделаешь. Посуду Наташа мыла старательно, но представить себе, что тебе предстоит облизывать ложку, которая недавно побывала в чужом рту, Неля не могла — она завела себе индивидуальную посуду: большую чашку и ложку, которые постоянно носила с собой. Именно в эту чашку ей Наташа наливала суп и насыпала кашу. И если объём нашего завтрака составлял примерно 250 граммов, то в Нелину чашку помещалось меньше 200. Адреналин гасил аппетит, и силы убывали незаметно — Неля пряталась, и мы взяли за правило среди дня проводить её, выманивая из спальни под любым предлогом на улицу, на солнце.

В разговорах и заботах жизнь была сносной, и день проходил, минуя привычные уже житейские повороты. Ночью наваливались страх и тоска, шла война, мы были в оккупации, мы были в блокаде.

*Такая ночью берёт тоска,
Как будто беда близка.
И стоит свет погасить в квартире —*

*Как в город группками по четыре
Заходят вражеские войска.*

*Так ночью эти дворы пусты,
Что слышно за три версты, —
Чуть обнажив голубые дёсны,
Рычит земля на чужих как пёс, но
Сдаёт безропотно блокпосты.*

*Как в объектив набралось песка —
Действительность нерезка.
Шаг — и берут на крючок, как стерлядь,
И красной лазерной точкой сверлят
Кусочек кожи вокруг виска.*

*Под бок придёшь к ней, забыв стрельбу.
Прильнёшь, закусив губу.
Лицом к себе повернёшь — и разом
В тебя уставится третьим глазом
Дыра, чернеющая на лбу.*

Эти стихи Веры Полозковой о другом, но я читаю их об этом, о том нашем состоянии в те дни апреля 2022 года. Мы жили в какой-то беспросветной бесперспективности, в окружении пророссийских соседей, в ожидании чужого стука в окно, ареста, грабежа, расстрела — случиться могло что угодно, война затягивалась, ждать освобождения с каждым днём становилось всё тяжелее.

Шел 54-й день войны. Мы стали задумываться об отъезде.

ПИСЬМО 12. ПОДГОТОВКА

Мы с Серёжей изредка выходили в город — хотелось посмотреть на наше жильё, возможно, встретить знакомых. Но основной нашей целью была подготовка к отъезду, следовало собрать вещи, которые нужны будут в чужом городе, в чужом доме.

В один из таких походов мы встретили своих соседей по дому, Андрея и его жену Лену. Они перебрались к маме на 17 микрорайон (возле кинотеатра «Савона»), жили там вместе с мамой, сестрой и её мужем. Снаряд прилетел в дом, когда Андрей был на улице. Мама, сестра и её муж погибли под обломками, Лена не пострадала — была в другой комнате.

В свою квартиру мы попасть не смогли — замок заклинило, надежды взять ещё какие-нибудь вещи уже не было. С каждым днём становилось теплее, а мы ушли из дому в зимнем, в спешке под обстрелом о вещах не думали, брали документы, постель, продукты. Кроме того, дома оставались кое-какие продукты — банки с закатками, специи, соль, но добраться до них мы уже не смогли. Позже нам рассказывали, что нашу квартиру вскрыли русские военные, «болгаркой» срезав дверные петли — искали «азовцев», тогда это так называлось. Разгромив квартиру, «освободители» забрали старенький компьютер, телевизор из кухни и мамину перину...

Квартиру старшего сына завалила тяжеленная металлическая дверь от соседней квартиры, туда попасть мы тоже не смогли.

Не смогли мы попасть и в жильё свекрови. Пятиподъездная трёхэтажка-«сталинка» сгорела вся, остались лишь стены, сквозь выгоревшие окна была видна противоположная сторона улицы. У людей погибло всё: посуда, вещи, мебель, холодильники, телевизоры, ковры, люстры. Сгорели книги, блокноты с рецептами, медицинские карточки, фотографии детей и внуков, умерших дальних родственников и мужей. Вышитые собственноручно картины и скатерти, искусно связанные шали и свитера, пропало всё, что составляло память и что было отложено на похороны, на чёрный день и на праздник.

Погорельцев приняли на постой соседи из ближайших домов, в квартирах жили по 12–15 человек вместе с хозяевами. Без разрешения собственников никто пустующее жильё не занимал.

В соседнем доме взрывом был разрушен целый подъезд, там была квартира нашего приятеля, ещё в начале войны выехавшего из города. Теперь вернуться ему будет некуда. 16 квартир хрущевской четырёхэтажки — чистенький подъезд с цветами на подоконниках, с поздравительной новогодней стенгазетой — стали в одночасье грудой строительного мусора.

На следующий день мы с Серёжей опять «вышли в город», на этот раз решено было «проведать» нашу машину, старенькую «Волгу» ГАЗ-24, 1981 года выпуска, стоявшую в гаражном кооперативе. Перед походом в гараж мы с Серёжей стали уговаривать друг друга, что после увиденных разрушенных наших и соседских домов мы воспримем — что бы ни увидели — как данность и не будем расстраиваться, а что не сможет — тот слабак и пусть пьёт валерьянку! Валерьянки оставалось 9 таблеток, и они были для экстренного случая.

Увиденное повергло нас в шок: гаражей больше не было. Из 5 улиц гаражного кооператива целой осталась одна. Мы шли привычной дорожкой и ужасались: там и тут из асфальта торчали неразорвавшиеся снаряды и огромные осколки, зияли воронки, рядом с ними асфальт вздыбился, образовав бугры, и на месте ухоженных шлакоблочных домиков лежали груды строительного мусора и заваленные обломками шлакоблоков изуродованные машины.

Практически все гаражи были разбомблены, те, что остались целыми, были вскрыты и разграблены. На полу, под штукатурной пылью и битым камнем валялись шлиф-машинки, дрели, гаечные ключи вперемешку со старой обувью, пустыми и полными пластиковыми канистрами, строительными инструментами и прочим домашним скарбом. Орки воевали с гаражным кооперативом! Немногие целые гаражи были пусты, каждый был вскрыт и подвержен обыску — говорят, они искали там засевших бойцов ВСУ.

Всё, что подходило «освободителям», было украдено. Большую ценность представляли аккумуляторные батареи и бензин. Голозадые «победители», экипированные командованием по принципу: «нужное добудешь в бою», ещё с 2014 года забирали у дончан машины, вывозили со дворов всё, на что падал взгляд. Ещё до горячей фазы войны обворовали и нас. Тогда из строящегося дома среди бела дня, вырвав створку забора грузовиком, забрали генератор, 70 листов только купленного водостойкого ДСП, шуруповёрты и другие строительные устройства. Кроме нас, воры, не скрываясь, несколько дней подряд рыскали по всему посёлку. Милиция заявление приняла, но никаких следственных действий не проводила, из чего мы сделали выводы, что они злодеев уже определили, но ловить их не станут:

Свою машину мы обнаружили на улице, перед входом в свой гараж. «Освободители» чем-то тяжёлым, скорее всего БТРом, вырвали ворота, выкатили машину на улицу, видимо, собирались угнать. На тот момент наша «Волга» была не только уже старенькой, 1981 года выпуска, она «от рождения» имела ряд специфических особенностей и ездить на ней надо было, зная эти нюансы. Серёжа и дети секреты семейного транспорта знали, но в чужих руках сей аппарат оставался холоден и недвижим, представляя собой музейный образец отечественного автомобилестроения. За что и поплатился: русские отчаялись машину завести и в отместку снесли кувалдой замок зажигания, перерезали бензо- и маслопроводы, слили масло, бензин, сняли аккумулятор, карбюратор и бросили за ненадобностью, разбив на прощание лобовое

стекло. И конечно исчез портфель с ключами, отвёртками, «очень нужными приспособами и штучками», имманентно присущими любой советской машине. Державшийся до сих пор молодцом муж заметно приуныл: ключи и штучки собирались всю жизнь, я незаметно сунула флакончик с валерьянкой ему в карман. Найденная в багажнике почти полная бутылка газированной воды сохранила остатки двуокси углерода, и несмотря на тепло была холодной и вкусной. Сделав по глотку, мы помянули нашу прежнюю жизнь, символом которой была «Волга», и побрели домой. Второстепенные мысли в тот момент у нас были разные, но главная — была одной на двоих: на чём же ехать.

У нас, правда, была ещё одна машина, «Жигули», такие же древние, к тому же уже побывавшие в руках у младшенького в качестве некоего симулякра — «псевдовещи, замещающей реальность»: наша «двочка», ВАЗ 2102 1982 года выпуска, машиной могла считаться лишь с некоторым допущением. Она временами даже ездила, но настолько часто ломалась, что в ряду больших бытовых агрегатов приобрела статус действующего учебного макета — ну надо же парню на чём-то тренироваться ездить, да и интересно ему, как любому инженеру: что у машины там внутри!

Вернувшись из гаража, мы взяли две «кравчучки», сумки, пластиковый мешок и побежали обратно — спасать то, что осталось недограбленное. В ситуации полной неопределённости ценность представляло всё, от мотка верёвки до старенькой ржавой канистры. Мы и собирали всё, понимая, что второго похода может не быть, может убить по дороге осколок снаряда или застрелить из автомата проезжающие мимо оккупанты. Пока мы вдвоём — надо брать побольше, одному будет тяжело. И мы взяли. Кувалду, лом, тиски, домкрат. Нашлась пластиковая канистра, наполовину заполненная каким-то моющим средством, старинная пачка кальцинированной соды, в машине под сиденьем оказался электронасос. Но настоящим сюрпризом был атлас, самодельный, ксерокопированный атлас по ремонту жигулей, лежавший где-то в недрах гаражных залежей и вследствие произведённого погрома оказавшийся прямо под ногами!

Нагрузившись различными «нужными вещами», как два верблюда, идущие в Багдад, мы поползли, преодолевая полуденную жару яркого апрельского дня, мимо осколков и воронок, мимо кирпичей и искорёженных кусков железа, объезжая непроходимые места и непрерывно останавливаясь, чтоб дать отдохнуть немевшим от напряжения рукам, снять с себя кофты и жилетки. Мы были опустошены и раздавлены

случившимся, шли и тащили свой драгоценный скарб «синим солнцем палимы, мира и горя мимо, ...голодны, полуодеты, ... с глазами, что полны заката, с сердцами, что полны рассвета».

ПИСЬМО 13. МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВЕННЫХ ИДЕЙ

Перед тем, как что-то в машине отремонтировать, надо добраться до её внутренностей, ибо для настоящего автолюбителя автомобиль ценен не внешним видом — хотя и это немаловажно. Серёжа с трепетом относился к старушке-«двочке». Ещё бы, это наша первая машина, купленная в самом начале 90-х на первые бизнесовые деньги. Вся жизнь прошла на её колесах. Первые поездки по городу, первые поездки за город — на Белосарайку: её загружали детскими колясками, кулками и сумками, банками с вареньем — она исправно всё везла и почти не ломалась. Её у нас угнали, когда мы по молодости почувствовали себя крутыми и решили посетить кинотеатр, приехав как взрослые, на своей машине. Фильм оказался дрянным и мы, не досидев до конца, ушли. Домой мы уже шли пешком.

Но машина нашлась: её обнаружили ППСники Жовтневого района в одном из дворов, и, опознав по ориентировке, сообщили коллегам из Приморского. Машину спёрли пацаны, чтоб покататься, и бросили за несколько кварталов от кинотеатра, никакого вреда не причинив, лишь насовали в пепельницу фантиков от конфет. Получили свою машину мы уже в Приморском РО, обглоданной до обшивки. Менты сняли всё: новые колёса, поставив взамен такую «лысую резину», что ездить на ней было опасно. Забрали аккумулятор, и чтоб выехать с муниципальной двора, нам пришлось вручную тащить другой, одолженный у соседа. Из багажника «ушёл» весь инструмент, насос и запаска. Кроме того, нам велели купить 2 бутылки коньяка и 3 бутылки водки — оплата за работу. Расчёт был точный: мы были рады и счастливы, у нас опять была наша машина, конечно, никто ни на что не жаловался.

Долгое время мы ездили на «Волге», которую отдал мне отчим, «двойка» перешла к сыну, и вот теперь мы опять вернулись к ней, а она вернулась к нам. Серёжа, вооружившись ключами и сверяясь со схемами в атласе, проходил все узлы и соединения. И они, откликаясь на его усилия, замигали лампочками, зажужжали и загудели. Основные свойства двигателя — безотказность, долговечность, ремонтпригодность и сохраняемость — были налицо. Мотор, пару раз чихнув, залязгал и зарычал, как бы подтверждая, что можно от стендовых испытаний переходить к эксплуатационным. Но тут-то как раз и был подвох:

у нас не было бензина. Ни в Мариуполе, ни на заправках за городом бензина не было.

В гараж мы ходили ещё пару раз, в надежде разыскать то нужную отвёртку, то кусок провода, то ещё что-нибудь. Каждый раз проходя мимо соседских домов, с надеждой заглядывали в просветы штакетника — вдруг кто-то есть из знакомых. Как правило, на заборах и дверях домов уехавшие оставляли записки, написанные мелом: «мы уехали, о нас знают в доме № ..».

В один из таких походов мы встретились с родителями моей ученицы, жившими с нами по соседству. Нашей радости не было предела! Олег с Наташей спасались от войны в пансионате на побережье и иногда приезжали домой. Следующий приезд этих наших соседей был намечен через неделю: по Серёжиным прикидкам, он должен был к этому времени окончательно починить машину, и если нам привезут пару канистр бензина — мы сможем уехать.

Заручившись поддержкой, мы побежали домой. В конце тоннеля снова забрезжил свет. К тому же Наташа, жена Олега, поделилась с нами продуктами: нам подарили несколько банок консервации, несколько морковин, большую тыкву, баночку мёду и несколько пакетов крупы. Но главное — нам дали засоленную баранью ногу — то было немыслимой роскошью, огромным богатством.

Отрезав кусочек величиной со спичечный коробок, я, как научили меня Олег с Наташей, вымыла её от соли и настрогав остреньким ножиком на тонкие прозрачные ломтики... засунула себе в рот! Я в мирное время баранину не ела, у нас в семье она была не в ходу, но сейчас вкус этого мяса казался мне божественным! Сырое баранье мясо, жестковатое от соли и солёное — воды в доме почти не было, а идти специально за водой мы не успевали, вот-вот должен был начаться обстрел... вкуснота! Я ела сырое баранье мясо без хлеба, накрыв большую его часть большим тазом — одна фрамуга в кухонном окне была цела, и потому её могло внезапно выбить, засыпать всё осколками! Руки сами совершали нужные действия.

Мы с Серёжей обдумывали отъезд — как всё устроить. На одесском языке это называется «вам уже надо начинать торопиться». Я знаю за собой одну особенность: если я чего-то сильно хочу, то обязательно надо сделать вид, что я этого не хочу вовсе. Мысли об отъезде неотвязно сверлили мозг, они заседали — я их гнала. Обманывая саму себя, я решила просто навести в доме порядок, сложив всё, что было под ногами «по родам и падежам», и между делом отобрать нужное. Попасть

домой мы уже не можем, так что одежду себе и Серёже нужно брать ту, что есть у детей — какая целая и подходит по размеру. Календарь бесстрастно показывал 28 апреля, со дня на день должен был приехать Олег. Машина заводилась и гудела, но всё-таки следовало её обкатать. Мы ждали бензин.

Нелю решено было брать с собой, она фактически спасла нас, предоставив вполне сносные условия в своём доме, и теперь навсегда стала членом нашей семьи. Вместе с бабушками нас как раз было 5 человек. Нашему предложению Неличка страшно обрадовалась, моментально собрала свои сумки и перетасила в наш дом. Наташе о предстоящем отъезде мы ничего пока не говорили, боялись: как бы Эдик не проболтался соседям-коллаборантам: наверное, на наш отъезд это бы никак не повлияло, но тогда мы «дули на воду».

Накануне прошёл дождь, уцелевшие вёдра и кастрюли наполнились водой. Вода была двух сортов — светлая и ржавая. Светлая вода была пригодна для кухни, она была нейтрального вкуса, в отличие от солёной, родниковой. Рыжая дождевая вода для приготовления еды не годилась и её было решено использовать для мытья: перед отъездом мы надумали помыть головы: из воспоминаний о войне я знала, что кроме голода, нас подстерегает ещё одна беда — вши. Мыла почти не было, я прокипятила золу в кастрюле и процедила, образовавшаяся жидкость смывала грязь с рук, и значит, годилась для мытья.

Апрельские дни становились всё жарче, и платки хочешь-не хочешь надо было снимать. Увидев меня без платка, мама заплакала — вместо шапки чёрных кудряшек она увидела совершенно седую, абсолютно белую сбившуюся паклю. От мытья ржавой дождевой водой она стала отливать желтизной, но от этого стало ещё хуже. Однако эстетика уступила место здоровому прагматизму: нам предстоит дорога, жизнь в неизвестном месте и непредсказуемых обстоятельствах, когда ещё представится возможность помыться.

29-го Олег привёз нам бензин и продукты, которые по нашей просьбе купил для Наташи и Эдика. Мы совершили тренировочный проезд по ближайшим улицам, и Серёжа объявил окончательно, что ехать можно — машина на ходу. Пришло время собираться в дорогу. Отъезд был назначен на 1 мая.

ПИСЬМО 14. ОН СКАЗАЛ: «ПОЕХАЛИ!»

Первого мая мы с самого раннего утра сварили чугунок картошки, оставшиеся пять яиц и принялись паковать вещи. Стараясь ничего

не забыть, мы с Нелей стали заталкивать в машину тюки с вещами, заполняя всё её пространство одеялами, подушками, обувью, зимними и летними вещами. Потеряв бдительность, Серёжа пропустил момент, когда количество мешков и пакетов превысило разумное количество и машина из легковой стала превращаться в грузовую. Всё содержимое было вынута, и начался досмотр и торг! Неля робко возражала, но слушалась и вынимала, перекладывала, упаковывала заново. Я стояла насмерть и почти всё, что считала нужным, оказалось в машине. В результате переборок мы забыли пакет с лекарствами, Нелины летние вещи и сумку с крупами, мёдом и постным маслом. Дома осталась вся летняя обувь, демисезонные вещи, зонтики, и ещё много из того, что нужно человеку в обычной жизни. Погода была неустойчивая, мы не знали, где будем ночевать и просто жить, потому все ехали в тёплых куртках, бабушки ехали в зимних пальто, платках, ботинках.

Собирались мы секретно, а потому до последней минуты никто не знал о предстоящем отъезде. Когда машина уже была сложена и обвязана белыми лентами, мы вывели бабушек из дома и велели садиться в машину. Только тогда сказали Наташе и Эдику, что уезжаем. Мы отдали им все продукты, какие у нас были, обнялись, попрощались и тронулись в путь.

Ехали мы вместе с Олегом и его женой Наташей: ребята согласились показать путь из города, так как почти все дороги, ведущие из города, были или разбиты, или заминированы. На оставшихся выездах стояли российские блокпосты — машины останавливали, людей и поклажу обыскивали, забирали ценные вещи, деньги, компьютеры, телефоны и т.д.

Выезжали мы через Черёмушки, на старый аэродром. Черёмушки разбомблены, как и весь город, особенно пострадали многоэтажки на ул. Новороссийской, «пяточок», квартал «Азовье». Частный сектор пострадал выборочно. Мы выехали на «бетонку» — эту дорогу когда-то сделали из плит, которые покрывали взлётную полосу старого аэродрома — она почти не пострадала, больших воронок не было. Покружив ещё немного, выехали из города на трассу. Наша задача — объехать Мангуш: там расквартированы русские войска, оттуда они стреляют по Мариуполю, по другим местам, на трассе через каждые два километра стоят блокпосты, туда ехать опасно!

Мы ехали за иномарочкой Олега не очень быстро — нагруженная машина, покрышки старые. Вдруг нас обгоняет какая-то машина

и сигнала, останавливается. Из машины выскакивает молодая женщина и бежит к нам. Это моя ученица Ирочка. Мы обнимаемся, плачем, прощаемся.

— Дайте мне слово, — сквозь рыдания говорит Ирочка, — что вы вернётесь! Вы ещё мою дочку музыке должны учить! Я только вам доверяю, мы хотим учиться только у вас.

Я обещаю. Мы обе знаем, что сейчас что-то обещать бессмысленно, идёт война и она только набирает обороты. Мы плачем и обнимаемся, что-то говорим друг другу и снова плачем. Но надо ехать дальше — она тоже уезжает из города, недалеко, в пансионат на побережье. Мы — неизвестно куда и на сколько, при условии, что доедем.

И мы едем дальше. Вдруг мне приходит в голову остановиться, ну, надо, машина как-то не так пошла. Серёжа открывает капот и ахает: трубка топливо-провода выскочила и бензин льётся ручьём. Как всё не вспыхнуло... Завидев, что наша «божья коровка» остановилась, Олег возвращается. Ремонт в пути — это испытание не только для водителя, но и для пассажиров: все нервничают, а сказать ничего нельзя! Сидим в машине, разговариваем на отвлечённые темы, а у самих мысли угрюмые... Но обошлось, починились быстро и поехали.

*Таков был май:
угрюм и сед,
и пахло мёртвым и горелым,
и были только «да» и «нет»,
и только чёрный цвет и белый,
и только звук взлетал и гас,
пустое зеркало в простенке —
и чёрно-белое «сейчас»,
не допускавшее оттенков.
И всё, что высь, и всё, что дно,
и всё, что глухо и невнятно,
явилось так обнажено,
и потому так беспощадно
слова не те, цвета не те
сгорали, гибли,
и до срока
вставало горькое «езде»
в своей двуцветности жестокой,*

*и бесконечное кино —
вот с этим мёртвым и горелым —
белым-бело,
черным-черно —
крутил механик ошалелый*

Евгения Босина

Доехав до заправки, мы с нашими друзьями расстаёмся. Обнявшись, мы распрощались, дальше мы поедem сами. Теперь мы снова одни: мы в старенькой, металлоломного вида машине, с нами две старушки, пожилая дама и куча вещей. Мурзик остался дома: накануне он присмотрел себе приличного вида подружку и, видимо, пойдёт «в приимы», авось не прогонят.

На трассе машин практически не было ни за нами, ни навстречу. Нас остановил только один блокпост: 1 мая, они, видимо, праздновали, потому что, заглянув в машину и проверив у Серёжи документы на машину, разрешили ехать дальше. Разрешили... позволили... нам, на нашей земле... дожили...

Часа через полтора — снова блокпост. Тут перекрёсток, поворот на Бабах-Тараму. По побережью — 27 километров, даже если ехать очень медленно — через час будем в Бердянске. Не кажи «гоп»... На блокпосту нас завернули — туда нельзя! Мимо нас на большой скорости проехали русские танки — понятно, почему нам туда нельзя, там расположение их части. Мы двинулись в объезд, но выезжать на трассу не стали, так нам посоветовали люди на заправочной станции, поехали послушно по грунтовой дороге. Тише едешь, дальше будешь, и это-таки правда. На скорости 40 км\час мы двигались между полей, пересекали посадки и объезжали большие лужи.

Машина вписалась в глубокую колею, пропаханную грузовиком и выехать из неё уже не могла. Серёжа, боясь, что мы перевернёмся, командовал: «влево, вправо» — и мы послушно валились в нужную сторону. Перед крутым поворотом мы с Нелей из машины выходили и обходили это место, догоняя машину на ровном участке. На одном таком проблемном участке дороги — слева и справа крутые подъёмы, а посередине большущая лужа, в которой мы гарантированно увязнем — нам пришлось не только выйти всем, но и выгрузить часть вещей, стащив тюки с багажника. Приняв влево, Серёжа стал медленно подниматься на косогор, а мы с Нелей «страховали» машину, чтоб она не перевернулась, упираясь в неё руками и подталкивая. Интересно,

смогли бы мы удержать машину, если бы она пошла юзом или стала переворачиваться? Думаю — смогли бы. Мы тогда всё могли...

Мы пробирались грунтовой, ориентируясь по солнцу — карты у нас не было — объезжая разбитые машины. Их обгорелые остовы — с пробитыми крышами, с торчащими осколками снарядов в лобовых и задних стеклах, в белых лентах и с табличками: «Люди! Дети!» — стояли прямо на дорогах и в полях. Рядом валялись большущие куски искорёженного, рваного железа, трубки-гильзы и другие опознавательные знаки горя. Мы очень хотели выбраться и надеялись, что пока будем ехать — ничего не свалится нам на голову. Высоко в синем небе кружился самолёт-разведчик, но на наше счастье штурмовики сегодня тоже отдыхали. Не слышно было и артиллерии. Только звук нашего мотора. Так мы доехали до указателя «Бердянск — 5 км» и свернули по стрелке.

Проехав минут десять, мы увидели вереницу машин. Остановились. Блокпост. Ждали мы больше 3-х часов. Перед нами было больше 40 машин, от скуки мы их пересчитали. На блокпосту был обед, потом пересменка, и только после того, как заступила новая вахта — начали пропускать, но лишь после тщательного досмотра и обыска. Русские чувствовали себя полновластными хозяевами наших жизней и их совершенно не смущала длинная вереница машин. Был поминальный день, и многие возвращались с кладбища, водители и пассажиры в основном были пожилые люди. Машины, мотоциклы, минивэны — досматривали всё и всех, заставляли выгружать вещи, распаковывать, вытягивать из упаковок. Старшие патрульные вальяжно, широко расставив ноги, восседали на креслах, изъятых из чьих-то домов и приспособленных для своих нужд. Молодые мародёры выбирали в багаже понравившиеся вещи и молча откладывали в сторону: нравились в основном хорошие телефоны, ноутбуки, украшения и деньги. Люди молча отдавали, так как спорить с вооружёнными безоружным непродуктивно, можно и пулю схлопотать!

Людей заставляли раздеваться, снимать всё до белья. Мужчин заставляли опускать брюки, поднимать майки — искали характерные потёртости от кобуры. Женщин при нас не обыскивали, но мы этого не знали и морально готовились.

Машины в очереди двигались очень медленно, и мы вдруг почувствовали, как сильно проголодались. Я раздала часть варёной картошки, яйца и мы, передавая друг другу баночку с солью, съели всё в одно мгновение. Подкрепившись — вышли из машины на свежий воздух.

А воздух был такой... такой... Бердянск, как и Мариуполь, стоит на Азовском море. Весной, как только сходит снег, мариупольцы ходят «на море» — на пляжи, которые ещё не ухожены и безлюдны. Водным процедурам предаются только редкие энтузиасты, ещё очень холодно для купания, но мариупольцы, погадав, когда выдастся тёплый погожий денёк, уже с марта обязательно ходят к морю. Они ходят подышать. В этом году, понятное дело, никто никуда не ходил, а потому, когда, выйдя из машины, мы ощутили дыхание моря, этот ни с чем не сравнимый запах моря — душу охватила жгучая тоска. Господи ты Боже мой! Мы лишились всего, и даже море, наше море у нас отняли эти гады!

Мы стояли и не могли надышаться. Это был запах наш и одновременно немного другой: в нём не было ноты дыма, которая всегда есть в мариупольском воздухе из-за работающих заводов. Но это не смущало. Этот морской воздух вызвал приступ неодолимой и неутолимой тоски: вот завтра мы уедем, и кто знает — когда вернёмся домой снова. И море останется без нас, а мы — без моря. И изменить ничего нельзя.

В длинной очереди за нами уже стояли другие машины. Люди, так же, как и мы, выходили из машин размяться, подышать, поговорить. К нашей машине подошла женщина.

— Вы беженцы?

— Да. А как вы поняли?

Странный вопрос... Я стояла перед ней в тяжёлых осенних туфлях, мужских тонких полотняных брюках, футболке с длинным рукавом, поверх которой была надета тонкая шерстяная кофточка с коротким рукавом, доходившая мне едва до пояса. Довершал наряд большой кухонный фартук, ярким жёлто-рыжим пятном эффектно выделявший меня из толпы. Фартук имел три больших кармана, в которых было всё, что могло потребоваться в дороге и вообще: две пары строительных перчаток, себе и Серёже — это если придётся машину ремонтировать, свечка, спички, фонарик, тряпка, заменявшая кухонное полотенце и носовой платок, рулончик туалетной бумаги — для мамы, свекрови, чтоб не искать, перочинный ножик и пластинка корваллента — это мне. Я ещё долго ходила в таком виде...

Женщина оказалась местной, жительницей Бердянска. Я попросилась на пару дней на квартиру, и нас взяли. Мы даже о цене не договорились, сейчас деньги не главное. Главное — на сегодня у нас будет нормальная постель, мы не будем ночевать в поле и не стреляют! У нас осталось ещё немного варёной картошки, если же нам дадут и кипят-

ку... Людмила Гурченко вспоминала, что у её отца была фраза, которой он её утешал в моменты жизненных невзгод: «Хорошего человека судьба пожмёт-пожмёт да и отпустить!» Может, и правда? Может, вот это — начало нового этапа, нового времени нашей жизни? Мы выбрались, значит, нам назначено ещё пожить?

Конец I части.

Окончание — в следующем номере

ОБ АВТОРЕ

Ольга Гриценко родилась и выросла в Мариуполе. Закончила музыкальное училище, Харьковский институт искусств им. И. П. Котляревского. 10 лет отработала в музыкальной школе. После этого с мужем занялась бизнесом. Окончила бухгалтерские курсы. Стала риелтором.

Возвращение к музыке ознаменовалось, в конце концов, защитой кандидатской диссертации о творчестве современного украинского композитора Валерия Антонюка.

До 1 мая 2022 года с семьёй жила в Мариуполе, а вот уже больше года как в Бердянске — под оккупантами. Выехать отсюда нет никакой возможности — кругом идут бои.

Писать Ольга Гриценко стала, чтоб преодолеть ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство). «Письма Нюте» — первое большое произведение автора.

Михаил ДУБИНЯНСКИЙ
НЕНАВИСТЬ НА ЭКСПОРТ

Плохие русские и хорошие русские; гибель случайного российского релоканта в Хургаде и рассуждения Алексея Арестовича о расчеловечивании; сетевые перепалки между дегуманизаторами и гуманистами...

Чем дольше длится большая война, тем активнее разгорается внутриукраинская дискуссия о ненависти к врагу. И не нужно быть Нострадамусом, чтобы спрогнозировать, куда она приведет в конечном итоге.

Рано или поздно в наших соцсетях вспыхнет спор о том, следует ли радоваться гибели малолетних российских детей.

Условные гуманисты будут настаивать, что дети не виновны в преступлениях взрослых, и что злорадство из-за смерти любого ребенка — это варварство. А условные дегуманизаторы будут доказывать, что ребенок врага — это будущий враг. Что чем раньше его не станет, тем лучше для сотен тысяч украинских детей. Что в силу генетических, исторических и культурных факторов ни один российский ребенок не может вырасти хорошим человеком.

Дискуссия о российских детях неизбежна, поскольку она окончательно очертит два альтернативных формата украинской ненависти: политико-идеологический и этнонациональный. Заодно станет ясно, какой из этих форматов возобладает внутри страны и станет визитной карточкой Украины за рубежом.

Либо мы воюем с Россией как с государством: и тогда ненависть зависит от поступков российских граждан и степени их лояльности к этому фашистскому государству.

Либо же мы воюем с русскими как с этносом: и тогда национальная принадлежность становится абсолютно самодостаточным основанием для ненависти.

«Каждый русский — враг, потому что он русский», — эта точка зрения озвучивается в Украине все чаще. Более того, часть нашего общества убеждена, что эту точку зрения следует активно транслировать и на Западе.

В таком подходе мало оригинального: он практиковался во время большинства войн недавнего прошлого, в 1990-х. Каждый армянин/азербайджанец — враг, потому что он армянин или азербайджанец. Каждый хуту/тутси — враг, потому что он хуту или тутси. Каждый серб/хорват/босняк/косовский албанец — враг, потому что он серб, хорват, босняк или косовский албанец.

Что роднит приведенные примеры? Хотя ксенофобия сопровождала все крупные войны конца XX века, экспорт собственных ксенофобских взглядов не удавался ни одной из воюющих сторон. И нет оснований считать, что в XXI веке Украина станет исключением из правил.

«Не существует хороших русских», — вот искреннее убеждение, которое многие из нас пытаются экспортировать на Запад. Но там оно сталкивается с фундаментальным убеждением современного западного общества: «Не существует плохих народов». С убеждением, которым Европа и США особенно дорожат, поскольку за него была заплачена страшная историческая цена.

Коллективному Западу потребовались две кровопролитные мировые войны, чтобы изжить подход, распространенный в первой половине XX века: каждый немец/француз/англичанин/еврей — враг, потому что он немец, француз, англичанин или еврей.

Представление о плохих этносах стало цивилизационным табу, а *Ethnic hatred* и *Hate speech* давно вошли в сферу запретного. И наивно рассчитывать, что ради Украины западная цивилизация откажется от своего главного достижения за последние сто лет.

Ксенофобия военного времени в Украине часто воспринимается как сокровенное знание о русских — знание, которым необходимо поделиться со всем миром. Кажется, стоит проявить чуть больше настойчивости, и Европе с Америкой откроется свет истины. Но загвоздка в том, что любой участник войн 1990-х тоже ощущал себя обладателем некоего сокровенного знания. И это не помогало ему легализовать за рубежом собственную ненависть на национальной почве.

Проведем небольшой мысленный эксперимент. Представьте, что вы живете в стране, которая освободилась от многолетнего колониального ига. При колонизаторах ваши сородичи подвергались угнетению,

зато некое национальное меньшинство находилось в привилегированном положении.

Потеряв свои привилегии в ходе деколонизации, многие представители этого меньшинства выехали за границу, создали собственную вооруженную группировку и начали боевые действия против вашего государства. Попытки найти компромисс и заключить мир закончились тем, что самолет вашего президента был вероломно сбит, и глава государства погиб.

В ответ вы начинаете расправляться со всеми представителями враждебного национального меньшинства, которые попадают под руку. С вашей точки зрения вы абсолютно правы. Вы уничтожаете давних угнетателей вашего народа, коварных предателей и убийц вашего национального лидера. Вы знаете о своих врагах больше, чем кто-либо другой на планете Земля. Но для остального мира ваши действия — это геноцид тутси в Руанде. И вам никогда не убедить мир в том, что «хороших тутси не существует», и что каждый из них заслуживал смерти.

Если африканский пример покажется кому-то слишком экзотическим, можно вспомнить более близкий кейс из постсоветской практики. В феврале 2004-го в Будапеште произошло резонансное преступление. Молодой азербайджанский офицер Рамиль Сафаров, участник программы НАТО «Партнерство во имя мира», убил другого участника этой же программы — молодого армянского офицера Гургена Маргаряна.

Проникнув в комнату армянина ночью, он нанес спящему Маргаряну 16 ударов топором по голове и шее. На следствии Сафаров пытался объяснить, что хороших армян не бывает, и что он казнил врага тем же способом, каким армянские оккупанты в Карабахе убивали азербайджанцев.

Адвокаты Сафарова настаивали, что он является представителем другой культуры, и европейцам не понять его мотивов. Избежать пожизненного приговора это не помогло. Правда, в 2012 году орбановское правительство экстрадировало Сафарова на родину, где его встретили с почестями, немедленно освободили и повысили в звании.

Но если в Азербайджане Рамиль Сафаров стал героем, то для западного общества он остался преступником, совершившим жестокое убийство на национальной почве. Вспыхнул международный скандал; освобождение Сафарова раскритиковали и в НАТО, и в Европарламенте, и в Госдепартаменте США.

В Будапеште прошли многотысячные оппозиционные акции протеста под лозунгом «Мы просим прощения у армянского народа и всего мира». Попытка поделиться с Западом азербайджанскими представлениями о том, что хороших армян не существует, предсказуемо провалилась: Запад не отступил от собственной веры в отсутствие плохих народов...

Когда современная Украина экспортирует ненависть к России как к государству, это действительно перспективный информационный продукт. Он хорошо согласуется с фундаментальными западными ценностями и заставляет западного обывателя вспомнить о борьбе с Третьим Рейхом.

Но когда Украина пытается экспортировать ненависть к русским как к этносу, это априори контрпродуктивно. Фактически мы ставим Европу и США перед дилеммой: либо пожертвовать цивилизационными принципами, которые современный Запад просто не может принести в жертву; либо пожертвовать солидарностью с украинцами.

Таким образом, Украина сама подталкивает западный мир к выбору, заведомо невыгодному для нас. Особенно если в будущем мы надеемся стать органичной частью этого мира.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Дубинянский — украинский историк и политический публицист, многолетний автор крупнейшего интернет-издания «Украинская правда».

Олег МАКСИМЕНКО
ИЗБРАННОЕ

* * *

*С неба идёт мультяшный снег, будто
падает анальгин — Обезболивая тысячи,
нет — миллионы лиц.*

ЛенКа Воробей

Время зациклено: маршрутка ... трамвай ... метро ...
Бесконечно, лениво, словно изгиб петли.
Дивергенция бытия ... роза ветров.
Алгоритм отточен, незыблем, неприхотлив.
Коридор событий сужен до крысиной норы.
Степень свободы зажата в одну дугу.
Хайвея обочина. Снулые фонари.
Ты — в потоке, жмёшь себе, прикусив губу.
А в боковом окне мелькают
Дни, словно дождь или мультяшный снег.
Ты забыл своё имя — Авель ли, Каин.
Суета. Не спеши — смерти хватит на всех...
Ты — песчинка в каминных песочных часах.
Песчинка. Время и ты — суть одно и то же.
В воронку событий просыпаются боль и страх.
Ты — песчинка. Ни к чему тебе сущности множить.

КУРУКШЕТРА*

Мой брат сквозь зубы тихо цедит маты.
В них святость исторгается толчком
Крови и хрипа.
Боевые мантры
Рождаются и гаснут.
И по ком
Звонит неслышно колокол на поле
Под Горловкой, Славянском и Снежным?
На поле Куру снова столько боли...
Клубится хаос,
делая смешным

Попытку применить оружие Индры
Или хотя бы выжить в кутерьме.
А брат — бормочет вместо панихиды
Упанишады, сутры... как по мне —
Сплошная чушь... и что-то про Арджуну,
Пандавов, Кауравов — словом, бред...
Патроны — всё.
И текст — одни лакуны.
И, как назло, заклинил пистолет.

Не передать, что мне пришлось изведать —
Как умер от потери крови брат.
Но мне остались —
мне остались —
Веды.
И завещанье Кришны — автомат.

* *Битва на Курукшетре* — легендарная битва между Кауравами и Пандавами, одно из центральных событий, описанных в древне-индийском эпосе «Махабхарата»

Шляпник

Шляпник видит — мир обезумел
И превратился в размытый рисунок.
В сепию, в сумерки, в акварель.
Пробило время потерь, поверь.
Ибо, если безумны все, — то кто нормален?
Каждой твари скользит — по паре. Горизонт завален.

Шляпник пьёт чай, от спирта уже не штырит.
В размытости акварели является Дух, он же Spirit.
Spirit зовут Алиса, он представитель Ада.
И незаметно коварно в чай подсыпает яда.
«Какого ляда!», — думает Шляпник — и выпивает залпом.
Просто чтоб не страдать от похмелья завтра.

В небесах облака выписывают «GAME OVER»,
Возникает Чеширский Кот и шуруется: «Привет, здоро́ва!
Чо за фигня, выдохлые, словно наелись дуста.
А ну, просыпаетесь, без вас как-то скучно и пусто».
Он меняет прошивку, в которой безумие как основа,
Перегружает Игру, и всё запускается снова.

Шляпник видит — мир стал безумно скучен,
Он нынче словно скопление пыльных чучел.
Шляпник смутно помнит что-то про чаепитие.
Алиса так банальна, что тянет прибить её.
Кот Чеширский как коврик, распластан в шкуре.
Вот как без безумия выжить, в натуре?

МОИМ КРЫМЧАНАМ

Зачем мне Истукан, не чтимый мною,
Что сделал из людей слепых менял.
Зачем мне парус, если нету моря,
Зачем мне Родина, предавшая меня?

Как вы могли за миску чечевицы,
За лживый миф плюгавого Вождя
Отдать Сиваш, что до сих пор мне снится
И выжженную степь, что стонет без дождя

Цикад истомой, горечью полыни,
Горячей пылью пройденных дорог?
И склоны гор, достойные картины,
Сейчас следы пятнают берцев и сапог

Чужих солдат чужой страны, когда-то
В теплушках скотских вывезшей народ
С цинично-кратким ярлыком «предатель»
В безвестность страха, смерти, ссылки и невзгод...

Померкла Киммерии акварельность,
Закатных гор отроги и хребты,
Я вспомнил вдруг на бывшей свиноферме
Развалин ракушняк татарской Тахтабы.*

Уже всё было. Было всё когда-то.
Когда-то было. Было и прошло.
В село с оружием пришли солдаты.
Живут в нём внуки депортированных. Что

* *Тахтаба* — заброшенное и разрушенное до основания бывшее поселение депортированных татар в трёх километрах от села Урожайное Советского района АРК. В советские времена на его территории была размещена колхозная свиноферма. Вдумайтесь: свиноферма на месте поселения мусульман.

Здесь бэтээры ваши, вертолёт
На старый лад политику вершат?
Английское словечко «патриоты»
Имеет привкус голенищного ножа.

Вы выбрали свой путь — я выбрал тоже —
К чему лукавство показных бравад?
Осталось только мне молить, похоже:
Не дай нам Бог сойтись у баррикад...

* * *

Метель. Война. И вывихнуто время.
Земля завидует ушедшим в небеса.
Содом. Гоморра. И никто не внемлет
Богам, предпочитая совести тесак,
Трофейный АКМ и потный броник.
На черепахе Мироздания — блокпосты.
Брахман и кшатрий на фейсбуке троллят
Соседа — шудру, вешая посты.
Вразнос истории несётся дилижанс,
Над пропастью беснуется планета.
Но будущему перед Богом дарит шанс
Один катрен нетрезвого поэта.

ТРЁХЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Старлею Уварову

Посмотри, мой Полковник: в наших землянках
Окопался заклятый и подлый враг.
И каким бы светилом не реял флаг,
Но под ливнем он просто гнилая тряпка.
Вновь разведка доносит, что прорван фланг.

Маркитанты ввезли самогон и брагу
Политрук от запоев уже устал,
Капеллан наш внезапно ушёл в астрал,
Каптенармус под бубен мурлычет рагу,
Караульный храпит, позабыв устав.

Мой Полковник, залиты водой землянки.
Привиденья солдатских погибших душ
Исполняют припадки немых кликуш.
Я и сам втихаря принимаю транки,
А иначе безумье попробуй сдюжь!

Все гонцы исчезают туманом в сельве,
Связь со штабом прервалась уже как год,
Нас забыли, как Фирса. Гнилой разброд
Превращает нас в табор, и ржа безделья
Разъедает железо солдат. Так вот:

Диспозиция эта давно знакома
Точно так же, как бесконечный дождь.
По любому раскладу гроза — наш вождь.
Мы в Макондо, Полковник, клянусь, в Макондо.
Понимаешь, в Макондо, ядрёна вошь!

Здесь расстрелы и розги уже нелепы,
Здесь зачистки плодов уже не дают,
Потому что в распутстве есть свой уют,
А в бреду привлекательны даже склепы,
Где подруга с косой распивает брют.

Чтобы солнце удачи вернулось в небо,
Может, хватит, Полковник, дезы и врак,
Мародёрства, разбоя и пьяных драк.
Чтобы флаг стал лекарством, а не плацебо
Нам — кровь из носу — нужен коварный враг!

Чтобы кровью очистить штык-нож и финку,
Чтоб короста сошла со стволов мортир,
Чтобы пулей дырявить чужой мундир,
Так давай же всё сделаем по старинке —
Ты назначь нам скорее врага, командир!

DEAD MAN

*To Jim Jarmusch**

Трёхглазый ворон никогда не спит.
Не помнит зла, не копит обид.
Время течёт. Он делает вид,
Что мир его не касается, не саднит.
Ты здесь лишний, эпоху тобой тошнит.
Nobody, мы с тобой не съели и пуда соли.
Мертвец обычно не чувствует боли.

Любой охотник, жрущий бобы и пеммикан
Знает, что диалог с говорящим камнем
Ведёт в пустоту, где ты гол и нем
И имя твоё «Никто». Став никем,
Ты забудешь о развилках дилемм.
Нам по жизни достались чужие роли,
Мертвец обычно не чувствует боли.

* *Jim Jarmusch* — американский кинорежиссер

Трёхглазый ворон никогда не спит.
Он помнит первой мировой фосген и иприт.
Он летал с камикадзе, он слышал иврит
В предбанниках газовых камер. Скрипит
Ветка в ночи. Планеты сходят с орбит.
Бессилие изменить этот мир лишает воли.
Мертвец обычно не чувствует боли.

Каждый мерзавец, случайно тобой убитый,
Нёс отпечаток греха, словно след от копыта.
Все мы перекаати-поле, друг мой ситный.
Но не всяк перед выстрелом слышит «Иди ты...»
По сценарию здесь нет ладана с миртом.
Ты въехал в драматургию роли,
И тут тебя накрывает волною боли...

И этот трёхглазый ворон, который дремал в тебе,
Взмывает в небо, которое тонет в огне.
И, воплотившись разом в Духа, Сына, Отца,
Ты обретаешь дубовый челнок Мертвеца.

COUNTRY SKETCH

Город мерцает, меняя свой габарит,
Вьедает глаза, забивает туманом уши,
Вживляет мне третий глаз, говорит:
Не умом, а сердцем слушай.
В чернилах ночи бумагой стен
Проявляются гороскопы и мантры —
Бессознательно или умышленно с тем,
Что звучит рок-н-роллом и кантри.
На коленках кошка со всхлипом храпит.
Дрыхнет семантика, обостряя чувства.
Темнота затвердевает в гранит,
Который крошить учусь я.

СТАЛКЕР

Прощальная фраза: «Увидимся в пекле.
Я буду там ждать за четвёртым углом».
Исчезли все звёзды. Состарились дети.
Сожжённая роща. Разрушенный дом.

Кресты на могилах — вот всё, что осталось.
Любить безнадёжно — позволить уйти.
Прелюдия жизни — ничтожная малость
К симфонии «Смерть». Неизбежность пути.

За вихрем из пепла невидимо Солнце.
Развалины квасит постыдаерный дождь.
Кончается Мойры моей волоконце.
Я словно на трупе окопная вошь.

По сути, мы сами — ходячие трупы.
Резину терпенья доколе тянуть?
Я — Демон оживший. И пастырь мой — Врубель.
И пепел Клааса стучится мне в грудь.

Здесь спят в заколдованном сумраке звуки,
И в ржу истлевает калёная сталь.
Здесь нет горизонта. Размыты, упруги,
Бесплодны попытки Смотрящего вдаль.

Болотное марево вспучится вязко
В ответ на безумие — в бездну шагнуть.
Глаза закрываю я потной повязкой,
Хомут патронташа цепляя на грудь.

Кулончик из цинка, где чёрт спорит с богом,
И фляга со спиртом, тротил про запас,
Кривою тропую, что вылезет боком,
Пуškai в Преисподнюю выведут нас.

СТИХИ НА УКРАИНСКОМ

*«Бог досила є ривком у патронник патрон і
Скасову є шосту заповідь»*

Nikolasson

* * *

Смерть — це остаточний твій розрахунок.
Де був проспект — там зараз провулок.
Смерть — то ціна, яку сплачуєш,
Коли чогось досягаєш, а потім втрачуєш.
Коли все шкереберть та впоперек.
Всупереч. Кров липка та слизька на дотик.

Твоє життя — все одно смерть в фіналі,
І ніщо інакше, скільки б воно не тривало.
Пручання та мрії лиш пастка, омана.
Начебто глюк, прихід наркомана.
Доки дихаєш, доки кров пульсує у скроні —
Доти є різниця — вільним бути або в полоні.

Вічність крижинкою тане в долоні.
Людь vs нелюдь. Схід vs Захід.
Господь досилає патрон у патронник
І ставить на паузу шосту заповідь.

ЯНГОЛИ

Малеча на стінах малює янгола.
Кожного разу — іншого.
Крізь стелю бачити небо — крамола.
Бомбосховище. Відчуття найгіршого.
Вищий захист не дається дарма.
Силу янголів відбирає пітьма.

Ніччю янгол потроху зникає в сутінках.
 А той, що заступає на варту, стає донором.
 Життя перевтілюється в смерть, смерть — в життя, нах.
 Без усілякого пафосу, без зайвого гонору.
 Вищий захист не дається дарма.
 Силу янголів відбирає пітьма.

Ранок зі спрагою губ потрісканих
 Та витям охриплих сирен починається
 Та на розмах лупить по писку.
 Черговий янгол обнадійливо посміхається.
 Вищий захист не дається дарма.
 Силу янголів відбирає пітьма.

Все сакральне коїться в темряві або при свічах.
 Надто багато людського відбивається в їхніх очах.

ОБ АВТОРЕ

Олег Максименко *родился в 1964 году. Детство прошло на Волге, в Саратовской области. Когда учился в 6-м классе, семья переехала в степной Крым, в село. От его дома до Сиваша было 3 км.*

Потом — поступление в Киевский политех. Три года отработал технологом на заводе, после — работа в нескольких фирмах, в том числе и на руководящих должностях. В настоящее время — предприниматель.

Писать начал лет десять назад, в основном поэзию, хотя есть и прозаические миниатюры. Шесть лет подряд был в составе жюри международного поэтического фестиваля «Интерреальность». Модерировал выступления поэтов и музыкантов в Киевском военном госпитале. Более трёх лет является соорганизатором зум-проекта «Океанский Мост», объединяющего творческих людей многих стран на нескольких континентах.

С 24 февраля 2022 пишет на украинском.

Андрей ОРЕДЕЖ 202...-Й ГОД

Выходить из дому было страшно. Гришке казалось, что в квартире за железной, довольно дорогой дверью он защищён от напастей современного мира. Но за дверью гнало чувство голода. Гришка до последнего старался не выходить и растягивал свои запасы, чтобы не высовываться как можно дольше. Но сегодня наступил тот день, когда все продукты подошли к концу.

Хотелось омлета, кофе, хотелось сварить борщ, нажарить картошки, приготовить курицу или свинину. Виделся кусочек сала с прожилками мяса на свежем хлебе, присыпанный мелко нарезанным зелёным луком. Или даже просто кусок свежего хлеба с маслом.

В общем, думалось о том, о чём неизбежно думается, когда выгребашь последние крошки еды из шкафов и холодильника.

Конечно, можно заказать доставку еды, но они принесут всё из супермаркета или фастфуда. Дорогое и безвкусное. А хотелось натурального и подешевле, чтобы заpastись надолго и не вылезать потом из дома ещё пару-тройку недель, а то и месяц. Ведь чем реже покидаешь дом, тем меньше риск.

Потому что там, на улице, этот самый риск ждёт на каждом шагу.

Перед тем как выйти из дома, Гришка внимательно и долго смотрел из окна на двор. Убедившись, что опасности нет, тихо прошмыгнул из квартиры на лестничную площадку четвёртого этажа своей пятиэтажки, прислушался. Стараясь не шуметь, запер дверь и, как можно тише ступая по лестнице, начал спускаться.

В подъезде было тихо. Кажется никого.

Но он ошибся. Между вторым и третьим этажами стояли трое парней. Одеты они были в камуфляж, без погон и опознавательных знаков. Стояли молча, словно поджидая того, кто спускался вниз.

— А, жидяра. Куда собрался?

От страха у Гришки закрутило в животе и миг появилась какая-то слабость в ногах. Именно те типы, встречи с которыми он так опасался, и были тут как тут.

— Я, между прочим, русский, — ответил он срывающимся голосом.

— А я, бля, испанец, мать твою.

Гришка остановился на ступеньках. Хотелось рвануть назад наверх, но он понимал, что парни догонят его в три прыжка.

— Куда собрался? — повторил один из них, по-видимому, бывший за старшего. Гришка знал, что тот жил в соседнем подъезде, кажется, на третьем этаже. На прошлой неделе там царило трёхдневное гуляние по поводу возвращения этого парня с войны, то ли насовсем, то ли в отпуск.

— На... на рынок, — ответил Гришка.

— Ага, значит при деньгах.

— Да... какое там... денег в обрез.

— Ладно, ты чё участникам спецоперации жмёшь? Ты вообще патриот?

— Конечно патриот, — горячо заговорил Гришка, показывая рукой на гвардейскую ленточку, приколотую к его старому пальто.

— Ну так и гони пятьсот рэ на пивас, жидяра.

Гришка поспешно сунул руку в карман и достал одну из приготовленных заранее для подобных случаев пятисотрублёвых купюр.

Старший с лёгкостью выхватил бумажку и сунул себе в карман.

— Ладно, ну и вкусного чего-нибудь купи нам на рынке. Не забудь. Мы тут, на районе, целый день. Угостишь ветеранов, жидяра?

Гришка улыбнулся, изображая приветливость, закивал головой, одновременно боком-боком проходя мимо парней, пытаясь убраться как можно скорее подальше от них.

Но как только он повернулся к ним спиной, то почувствовал сильный толчок в ягодицы и полетел по ступенькам вниз.

— Э, эй, Колян, ну ты чего. Он же на пиво нам дал...

— Чего, а я скажу, чего. Ты харю его видел? Это же грёбаный интеллигент. Видел, что у него в глазах? Только страх. Он, бля, от страха тебе эту пятисотку дал. А не от уважения. Он же презирает нас. Мы воевали, а он, бля, презирает.

— Да ладно тебе. С чего ты взял. Эй, жидяра, ты что, нас презираешь?

Гришка, медленно вставал со ступеней. Кажется, всё было цело. Руки, ноги. Дотронулся до головы, которой ударился о ступеньку.

Потрогал рукой больное место, потом поднёс руку к глазам. Крови не было.

— Почему он, тварь, не воевал? Он, по возрасту, вполне мог бы. Он призыва избежал, а я за него должен кровь проливать? Мы вот таких тварей от хохлов защищали, а на хрена спрашивается, если никакой уважухи за это нет. Может, он сам хохол? — не унимался тот, кого называли Колян.

Старший из парней удерживал Коляна за рукав.

— Ладно, ладно, успокойся ты. С чего ты это всё взял. Какой хохол — не видишь, жидяра.

— Вот-вот, может, один из тех, кто гадости про нас писал и оккупантами называл. Бля, иноагент.

— Да уймись ты. Те все давно сидят. Что ты разошёлся...

Гришка, едва немного пришёл в себя, не стал дожидаться окончания их спора. Быстрым шагом, припадая на ушибленную левую ногу, он быстро зашагал вниз и вскоре выскочил из подъезда. Не снижая темпа, пошёл вдоль дома. Хотелось бежать, но боль в колене усилилась, так что он чуть не стонал, при каждом шаге превозмогая боль. На душе было мерзко, но в то же время радостно, что ничего, кажется, не сломано, да и отделался всего пятьюстами рублями.

Дойдя до угла дома, перед тем как завернуть, он оглянулся. Парни вышли из подъезда, но его преследовать не стали, а отправились в другую сторону. Возможно, к торговым павильонам, что стояли возле автобусной остановки.

Гришка доковылял до автостоянки и с облегчением плюхнулся на водительское кресло своего «Рено Логан». Вернее, это раньше его автомобиль был «Рено». На последнем техосмотре, согласно какому-то там федеральному указу, его заставили отправиться в специальную мастерскую, где мастера сняли с решётки радиатора и с крышки багажника ромбики «Рено» и заменили их на логотипы «Москвич». Надо признать, что сделали быстро и недорого. Без этого невозможно было пройти техосмотр и оформить обязательную страховку. Надпись «Renault» на крышке багажника разрешили оставить, хотя знающие люди поговаривали, что в следующем году заставят поменять и их.

Гришка завёл двигатель. И вдруг вздрогнул, увидев, что к его автомобилю подошли какие-то люди, но, узнав председателя парковки и его заместителя, успокоился и, открыв дверь, вышел, несмотря на боль в колене.

— Григорий Семёнович, — поприветствовал его председатель.

— Василий Петрович, Геннадий Кузьмич, — ответил он им.

Василий Петрович держал в руке блокнот.

— С тебя Семёныч, тысяча рублей.

— Я ж платил за этот месяц.

— Это на автопробег. В следующее воскресенье стартуем отсюда в десять утра, выходим на кольцевую и двигаемся до Новоселья, потом назад. Само собой флаг надо купить, если у тебя ещё нет, а ленточек гвардейских сейчас тебе выдадим.

— Ясно, — Гришка сунул руку в карман, затем протянул председателю две пятисотрублёвки.

Василий Петрович что-то отметил в блокноте, а Геннадий Кузьмич извлёк из коробки, которую он держал в руке, пару оранжево-чёрных лент.

— Транспарант можешь сделать на заднее стекло, ну типа, там спецоперация до победного или автостоянка номер сто семьдесят восемь дробь двадцать четыре, за спецоперацию и так далее, ты мужик политически грамотный, разберёшься. Вопросы есть?

— Да нет, всё понятно.

— Молодец, что на «Москвиче» стал ездить, — похвалил Гришку Геннадий Кузьмич. А то вон Калентьев из одиннадцатого дома, гад, продолжает ездить на «Форде». Куда только ГИБДД смотрит?

Василий Петрович, покачав головой, сказал своему заместителю:

— Приклей-ка ему бумагу на стекло, если не переименует машину в течение недели, перережем все шины. Забыл, как «Форд» теперь называется?

— «Волжечка», — подсказал Геннадий Кузьмич.

— Во, во. Мы у себя на парковке этой вольницы не позволим. Ну, бывай, Семёныч.

Председатель и его зам отошли от «Москвича» и двинулись дальше, внимательно осматривая припаркованные автомобили.

Гришка немного пришёл в себя после стычки на лестнице. Сейчас его мысли уже были заняты тем, куда бы уехать на следующее воскресенье, чтобы не принимать участие в дурацком автопробеге. Ведь если увидят, что его машина осталась на парковке, решат, что он против автопробега, а там, не дай бог, недалеко и то, что он против войны. А если донос напишут? Что потом?

Гришка потряс головой, чтобы прогнать дурные мысли.

Выехав со двора на улицу, Гришка двинулся в сторону рынка, разбрызгивая из-под колёс слякоть и обдавая ею соседние машины точно так же, как те обдавали его.

Полицейский седан, едущий за ним, вдруг включил мигалки. Гришка принял вправо, чтобы пропустить полицию, но та упрямо следовала за ним. Он остановил машину.

Офицер вышел из своего «Форда» и подошёл к нему. Козырнув, попросил права и техпаспорт.

Гришка протянул.

— Григорий Семёнович, почему буква Z на заднем стекле отклеилась?

Гришка с ужасом посмотрел назад. И действительно, верхняя часть буквы отклеилась и трепыхалась в воздухе.

— Хотите осквернение государственных символов самому себе инкриминировать? Знаете, какой за это срок?

— Из... извините, я не заметил, когда отъезжал, всё было в порядке.

— Ну и что будем делать?

— Я сейчас всё приклею.

— Это само собой. Но факт нарушения был? Был.

Рука Гришки потянулась в карман и достала две пятисотрублёвых бумажки.

— Может, я штраф заплачу? — робко спросил Гришка.

Офицер ловко выхватил бумажки из его рук и вернул ему документы.

— Устраните неполадку, — скомандовал он и, вернувшись в свой автомобиль, отъехал, попав правым колесом в яму, откуда выплеснул тучу слякотных брызг.

Приклеив проклятую букву на место, Гришка всю дорогу поглядывал в стекло заднего вида, проверяя, не отклеилась ли.

Перед самым рынком ему подрезал дорогу автомобиль с надписью «Ростгвардия». Такой же «Логан» как у него. Один из гвардейцев выпрыгнул оттуда и направил на Гришкино лобовое стекло автомат.

— Не двигаться! Руки на руле держать!

Ещё двое гвардейцев с автоматами наготове приближались к нему.

Дверь «Москвича» открылась, и прямо в лицо ему уставился ствол автомата.

Другой гвардеец открыл заднюю дверь и в голову Гришке упёрлось что-то металлическое. Штык-нож обрезал ремень безопасности и в сле-

дующие секунды Гришку выволокли из машины и уложили на асфальт лицом вниз.

От удара по голове сознание немного притупилось. Гвардейцы что-то кричали. За спиной щёлкнули наручники, больно сжав запястья.

Чуть повернув голову, Гришка видел, что машину обыскивают. Его самого тоже обыскали, затем двое гвардейцев, ухватив его под локти, оттащили с проезжей части на газон, где усадили, прислонив к стволу тополя.

По тротуару мимо газона шли две немолодые женщины. Приостановившись возле Гришки со стоявшим над ним гвардейцем, с негодованием, по очереди, заговорили:

— Правильно, правильно. Так и надо таких.

— Ещё букву Z нацепил. Люди под этой буквой кровь проливают, а он ею прикрывается.

— Бандюга проклятый.

— Террорист хохляцкий.

— Я бы всю эту хохляндию взорвала, к чёртовой матери. Вот каких к нам засылают.

— И Прибалтику вместе с ней...

Гвардеец улыбнулся им и кивнул головой.

— Всё под контролем, бабоньки. Проходите, проходите, не мешайте мероприятию.

Минут через пятнадцать старший группы с лейтенантскими погонами подошёл к Гришке и, кивнув охранявшему того гвардейцу, командовал:

— Можешь снять.

Тот отстегнул наручники, и Гришка принялся растирать руки.

— Почему у вас, — лейтенант посмотрел в Гришкины права, которые держал в руке, — Григорий Семёнович, при себе так много наличных?

— Я на рынок еду, продуктов закупить.

— А для чего так много? Кого кормить собрался? Тут на целый взвод. Для подельников?

— Каких подельников? На месяц, затариться хотел, поэтому взял побольше. Я ни в чём не виноват.

— Короче, деньги изымаются в связи с возможным их использованием для финансирования терроризма. Если претензии есть, едем на допрос. Если нет, забирай права и проваливай. Есть претензии?

— Нет, — проговорил Гришка.

Лейтенант бросил ему права, техпаспорт и пустой бумажник. Снова кивнул своему подчинённому и, опустив автоматы, гвардейцы уселись в свой «Рено».

После того, как они отъехали, Гришка продолжал сидеть на грязном снегу и смотреть на проезжавшие мимо автомобили, на идущих как ни в чём не бывало пешеходов, на летавших в сером небе галок и ворон. Обычный день, словно всего этого ужаса, что произошёл только что, будто и не было.

Гришка оглядел своё пальто и джинсы. Хорошо, что предусмотрительно надел то, что похуже. А вот с деньгами лоханулся, зачем снял с карты столько? Он не бедный человек, но денег ужасно жалко.

Медленно встав, он сел в машину. Завёл мотор, включил передачу и поехал к рынку.

Въехав на территорию, припарковался. Снял ботинки и достал из носков припрятанные по две пятитысячные купюры в каждом. Накупить столько, сколько он хотел, не получится, придётся следующую вылазку делать намного раньше, чем он рассчитывал.

Гришка вылез из машины, взял щётку-смётку для очистки снега и немного почистил пальто. Протёр влажной салфеткой ссадины на лице и отправился за продуктами. Сначала решил пройтись по рядам и выяснить, что где подешевле, а потом уж приступить к шопингу.

Мимо проходил парень азиатской наружности, что-то бормотавший. Гришка прислушался — слова явственно различались:

— Пистолеты, ножи, автоматы, пистолеты, ножи, автоматы, недорого, всё только что с фронта, всё чистое. Отечественное, импортное. Пистолеты, ножи, автоматы...

Гришка посмотрел вслед парню и вдруг ни с того, ни с сего решил догнать.

— Извините...

Тот обернулся.

— Да, уважаемый.

— А что, действительно, можно пистолет купить?

— Конечно, уважаемый, всё для вас.

— Прямо тут на рынке?

— Конечно, уважаемый. Пойдёмте за мной. Всё покажем. Только чтобы тихо, без шума. Всё есть. Любые игрушки-побрякушки, стрелялки-пугалки. Чем интересуетесь?

— Да я прицениться. Мне, наверное, и денег-то не хватит.

— Пойдёмте, пойдёмте, уважаемый, скидку сделаем. О цене всегда договориться можно, был бы взаимный интерес.

Гришка двинулся за парнем. Они зашли в стеклянный павильон, на котором, в отличие от соседних, не висело никакой вывески. За прилавком сидел небритый парень, лет тридцати, в камуфляже без знаков отличия. Чем-то он напоминал одного из тех, кого Гришка встретил сегодня на лестнице своего подъезда, поэтому первым решением было развернуться и уйти, однако парень располагательно улыбнулся.

— Игорь, вот человек прицениться хочет, что почём, — отрекомендовал Гришку азиат и удалился из павильона.

— Что интересует больше? Самооборона или посерьёзнее? Холодное, огнестрельное?

— Огнестрельное, наверно. Для самообороны.

Парень достал из-под прилавка плоский зелёный ящик. В ящике лежали пистолеты. Все были смазаны и переложены ветошью.

— Ого, — не сдержался Гришка.

Парень улыбнулся.

— Это не всё. Вон у нас целая «Газель», — он кивнул на стоящий за окном грузовичок.

— И всё настоящее, в рабочем состоянии? — снова удивился Гришка.

— А то. Мы гарантируем качество. В этом товаре главное качество. Можно пойти на пустырь за рынком и проверить.

— Понятно, — задумчиво протянул Гришка, — и что почём?

— Ну, самый простой вариант — пистолет Макарова. Знаете наверняка эту модель. Их у нас больше всего. Немного бэ-у. Но в хорошем состоянии. Все проверены, смазаны. И патроны к ним имеются. Цена десять тысяч.

— Десять тысяч чего?

— Ну, рублей конечно же.

— Почему так дешево? Раньше пневматический дороже был.

— Так то раньше. Раньше и войны-то не было. Есть новые, прямо с завода, муха не сидела. Эти подороже. Ещё есть «Стечкины».

— Можно? — Гришка протянул руку к ящику.

— Конечно, берите пробуйте, как по руке будет. Курок только не спускайте. Вдруг патрон в патроннике.

Гришка взял в руку пистолет Стечкина, потом положил, взял пистолет Макарова.

«Макаров» был легче и казалось, больше подходит для небольшой Гришкиной ладони.

— У «Стечкина» прицельность выше, отдача меньше и выстрел потише, — продолжал продавец, — есть ещё «Ярыгин» и «Лебедев», новенькие. Но они дорогие, по семьдесят тысяч будут, новинки, как никак, хотя и китайчина. Зато внешне почти что «Глоки». Кстати, настоящие «Глоки» есть, семнадцатый и девятнадцатый. Для реальных пацанов, кому запахло с «Макаровым» бегать. Берите «Глок», будете как супер-агент из кино.

Гришка улыбнулся и, положив «Макаров», взял в руку протянутый продавцом «Глок».

— Привет, Игорюха, — раздалось в дверях павильона.

Гришка оглянулся. В павильон ввалился огромный детина в накинутаой поверх спортивного костюма кожаной куртке.

— Здорово, здорово. Какие люди, — приветствовал его продавец.

— Как дела, братан? Ну что там на фронте творится? — верзила подошёл к продавцу, и они обменялись рукопожатиями.

— Да ты и сам знаешь. Победы не видать. Как бы не пришлось пятки смазывать...

Детина запустил руку в ящик, достал пистолет Макарова, направил в сторону окна и прищурился, прицелившись. В его руке пистолет казался миниатюрным. Потом вернул пистолет в ящик и достал «Глок». Снова поднял руку и прицелился. Потом обратился к Гришке:

— Что брат, волына понадобилась?

— Да вот, выбираю, — смущённо ответил Гришка.

— Это правильно. Теперь без этого ты никто. Просто мышь. Тебя вот, к примеру, как зовут?

— Григорий или просто Гриша.

— А по отчеству? Тебе сколько годов-то?

— Григорий Семёнович, скоро сорок.

— Так вот это без ствола ты просто Гриша, а вот со стволом уже Григорий Семёнович. Усёк разницу?

Детина хлопнул Гришку по плечу и продолжил:

— Бери Макарова, тем более что стоит дёшево по нынешним временам. До войны за него пятьсот, а то и семьсот баксов просили. Используй, выкинешь, за новым придёшь, если не попадётся.

— А если и попадётся, — поддакнул продавец, — теперь за это ничего страшного. Даже суда не будет. Пишешь заяву, дескать, хочю не в тюрьму, а на фронт. Полгода оттрубил на передовой и снова дома.

— Это так, — подтвердил детина, — ну да ладно, мужики, некогда мне.

— Возьму Макарова, на первый раз. Бэушного, — решил наконец Гришка.

— Отлично, сейчас покажу, как подготовить к стрельбе.

Григорий Семёнович вышел из павильона в приподнятом настроении. В кармане пальто ощущалась тяжесть пистолета. Настоящего пистолета, делающего из жертвы, которой он ощущал себя последнее время, охотника. Сильного человека.

Потратив на продукты оставшиеся деньги, он сел в машину. На выезде из ворот рынка его остановил патруль гвардии на том же самом «Логане». Уже знакомый лейтенант подошёл к его машине. Автомат на этот раз был у него за спиной. Григорий Семёнович представил, как сейчас выхватит пистолет и выстрелит лейтенанту, чьё туловище закрывал бронежилет, прямо в голову. Потом нажмёт на газ и врежется в автомобиль гвардейцев. Пользуясь неожиданностью, выскочит из машины и перестреляет их всех. Сколько у него патронов? Этот Игорюха, кажется, говорил, что восемь. Но они в бронежилетах, и эта его выходка, возможно будет последней в его жизни, но это всё же лучше, чем если его обыщут, найдут пистолет и арестуют.

— О, старый знакомый, — поприветствовал его лейтенант, — ну, проежайте.

Григорий Семёнович кивнул, медленно выехал с территории рынка и беспрепятственно добрался до парковки возле своего дома.

Внезапно возник зам председателя парковки Геннадий Кузьмич.

— Приветствую ещё раз, Семёныч.

Тот в ответ кивнул.

— Мы, кстати, будем разыгрывать лотерею в помощь нашим бойцам. Выигравший получит комплект букв, чтобы название автомобиля на багажнике на русское заменить. На следующий год всё равно всех заставят...

— Да пошёл ты, — резко перебил его Григорий Семёнович.

— Что? — опешил Геннадий Кузьмич.

— Я сказал, пошёл ты на хрен, Гена, со своими лотереями, автопробегами и прочими вымогательствами.

— Да ты что, Гриша? Ты берега попутал. Я ж тебе все колеса изрежу...

— Подойдёшь к моей машине, получишь пулю, — жёстко глядя Геннадия в глаза, проговорил Григорий Семёнович. Его рука в тонкой вязаной перчатке юркнула в карман пальто.

От зампреда не укрылся этот жест. Резко развернувшись, он пошёл к домику правления, по пути бросив сквозь зубы:

— Ещё поговорим.

Григорий Семёнович взял рюкзак с едой и закинул на плечи. Он поймал себя на мысли, что нисколько не нервничает после этой стычки. Пистолет делал его абсолютно другим человеком. Дал уверенность в себе. И при этом ему не понадобилось даже доставать оружие. Само осознание обладания им освобождало его от страхов. Он больше не чувствует себя униженным по отношению к руководителям парковки. Он не будет униженным по отношению к управдому. Он пошлёт подальше своего алчного куратора из айтишной конторы, на которого работал из дому. Он не боится больше никого, даже этих парней в подъезде, как и других, таких же, что стаями ходят между домов и по скверу, примыкающему к их двору.

Григорий Семёнович ровным и уверенным шагом направился домой. Приложил ключ к замку домофона, раздалось привычное пиканье. Дверь открылась, и он вошёл в подъезд. Рука в тонкой вязаной перчатке снова легла в карман. Он нащупал рукоятку, но от спускового крючка палец убрал, боясь случайно нажать.

...Они находились, на своём излюбленном месте, между вторым и третьим этажами. Двое сидели на корточках и курили. Третий, тот самый, что дал пинка, Колян, спал на бетонном полу.

— А, жидяра, — поприветствовал его старший, — привёз нам пожрать?

— Нет, — ответил Григорий Семёнович, — хрен вам. И вообще, вали-те из подъезда. Тут вам не притон.

— Да ты прибурил, сейчас тебя порежем.

Старший привстал, и в руке у него щёлкнул выкидной обоюдоострый нож. Его приятель тоже стал медленно подниматься. Оба, похоже, были сильно пьяны.

Григорий Семёнович резко вынул пистолет и направил в старшего.

— Чё, пукалкой нас пугать будешь? — отреагировал тот и шагнул навстречу.

Палец будто сам нажал на спусковой крючок. Уши заложило оглушительным звоном. Грохот выстрела усилился бетонными стенами. От неожиданной отдачи пистолет чуть не вылетел из руки. Григорий Семёнович развернулся в пол-оборота и выстрелил во второго парня, достававшего из кармана, похоже, такой же «Макаров». Пуля попала

ему в грудь. Парень отпрянул к стене и медленно начал оседать на пол. Старший всё ещё продолжал стоять, чуть нагнувшись вперёд, ошалело глядя на свой живот. По камуфляжу расплзлось тёмно-красное пятно...

Григорий Семёнович приставил ствол пистолета к его голове и вновь нажал на спуск. Потом опять повернулся к хрипевшему у стены его приятелю и пустил тому вторую пулю, тоже в голову.

Колян очухался и поднял голову.

— Эй, какого хе...

Договорить он не успел. Действуя на автомате, словно кто-то направлял его руку, Григорий Семёнович нагнулся и сунул ствол в рот Коляну. Выстрел был более гулкий, чем предыдущие. Туча красных брызг вылетела из затылка, окрасив серо-грязные стены подъезда.

Григорий Семёнович вложил пистолет в руку Коляна и побежал по ступеням, направляясь к своей двери.

В подъезде царил тишина. Никто из жильцов не рискнул вылезти на звуки выстрелов. Но полицию, скорее всего, уже вызвали. Сбросив рюкзак с едой, Григорий Семёнович медленно опустился на пол. И тут почувствовал, что тело охватила слабость и он, кажется, теряет сознание...

С трудом придя в себя, запихав в стиральную машину всю свою одежду и приняв душ, он стоял с разделочным ножом над куском свинины, собираясь отправить её на сковородку и удивляясь, как после всего, что произошло, он может думать о еде.

На лестничной площадке слышались шум и говор. Во дворе стояла «Скорая» и две полицейские машины.

В его дверь несколько раз звонили, он не открыл. Было слышно, как полицейские (это были они — больше никому) звонили к соседям и о чём-то спрашивали.

Потом всё стихло. Если ему повезёт, всё будет хорошо. Всё будет так, как он моментально решил, когда на него внезапно нашло озарение. Озарение, словно свалившееся с неба, прямо в его оглохшую от первых же выстрелов голову. Никто не перестрелял этих парней. И полиции никого не надо искать. Эти парни переругались и перессорились, а потом Колян уложил их всех, и поняв, что сделал, застрелился сам.

Григорий Семёнович оглядел приобретённые на рынке продукты. Ну что ж, когда кончатся, он снова посетит рынок. И конечно же, снова

зайдёт в павильон к Игорю. Вспомнилось, как красиво в руке зашедшего к Игорю детины выглядел «Глок».

На следующее утро Татьяна Николаевна, соседка Григория Семёновича, вышла из квартиры, предварительно оглядев из окна двор, а затем лестничную клетку в глазок. У неё был хороший, сферический глазок с прекрасной оптикой, как его расхваливал в своё время продавец, установивший его.

Пройдя мимо площадки между вторым и третьим этажами, она отвернула глаза от бурых пятен крови на полу и на стенах. Вышла во двор. У подъезда стояла группа соседок. Татьяна Николаевна подошла и прислушалась к разговору.

— Ну, они напились совсем, да ещё и накурились, может, чего. Колька из тринадцатого дома достал пистолет, да и перестрелял их, потом взял и застрелился сам.

— Я шум слышала, вроде ругань и выстрелы, но даже к двери подойти побоялась. Думала, Украина напала.

— Психика у них совсем того, у бедненьких.

— Жаль ребятишек.

— Вот что хохлы проклятые с нашими людьми делают.

— Да это не хохлы, всё эта Америка проклятая. Извести нас хотят.

— Скорее бы победить. В сорок вторую квартиру вон похоронка пришла. И в одиннадцатый дом ещё две.

— А у Никифоровны сын не пишет и не звонит уж как год. Никто и не знает, где он.

— А у Петровых...

Татьяна Николаевна подняла глаза наверх. В окне четвёртого этажа стоял сосед, Григорий Семёнович или, как его часто называли, просто Гришка. Татьяна Николаевна была тогда в коридоре и после первого выстрела прильнула к дверному глазку. Отчётливо было видно, что после того, как выстрелы стихли, Гришка вбежал с лестницы на площадку. Видно было даже, что его трясло, словно в лихорадке, когда он открывал замок. И он явно был дома, когда полиция звонила, но не открыл. Татьяна Николаевна и это приметила.

На подсознательном уровне что-то удержало её, чтобы не сказать об этом полиции. Она сама не поняла, почему промолчала.

Гришка посмотрел на неё сверху и встретился с ней глазами. Кажется, улыбнулся, и приветствуя, приподнял кружку, которую дер-

жал в руке. Татьяна Николаевна ответила ему улыбкой и помахала в ответ.

«Ещё увидимся, Григорий Семёнович, нам будет о чём поговорить», — подумала она.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Оредеж родился в 1972 г. в Ленинграде. Ижорец (ингерманландский финн. Ижорцы — прибалтийско-финский народ на Северо-Западе России). По образованию экономист. Сменил много профессий.

Первый рассказ написал в 9 лет. Печатался в различных изданиях. Выпустил две книги рассказов. Публикации в журналах.

В настоящее время проживает в Финляндии (г. Лахти).

Александр ГОРОДНИЦКИЙ
НОВЫЕ СТИХИ

НОВЫЙ ГОД

Гарику Бродскому

Природе говорим спасибо
За разноцветные миры,
В лесу холодном и красивом,
Где дремлют в озере бобры.
Воспоминанием не мучась,
В вечернем радужном дыму,
В лесистом штате Массачусетс,
У друга нашего в дому,
Встречаем праздник новогодний,
И не выходит из ума,
Что не вернуться нам сегодня
В свои далёкие дома.
И места нет на Свете лучше,
Чем дом меж сосен и берёз,
Куда к американским внукам
Приходит русский дед-мороз.
Часы стремительные мчатся,
Восходит месяц голубой,
И, радуясь чужому счастью,
Мы тоже счастливы с тобой.

02.01.2023

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

Профессору Патрику Димерту

Вот атрибуты новые мои,
С которыми мне жить сложнее стало:
Сердечный клапан, взятый у свиньи,
Сердечный стимулятор из металла.
Жалею сердце старое моё,
В котором все запомнились подружки,
Иное начинаю бытие
Подобьем механической игрушки.
Жалею сердце старое моё, —
Дела его сегодня стали плохи, —
Наполненному болью до краёв,
Ему не выжить в нынешней эпохе.
Его я истреблял из года в год,
Поверив с детства безусловной вере:
Война, блокада, полоса невзгод,
Любовь, надежда, горькие потери.
Всё прожитое, и добро, и зло,
Что в старом сердце этом отзвучало,
Необратимо в прошлое ушло,
И можно с новым всё начать сначала.
Врачи мне говорят: «Проблемы нет.
Помолодеть должны вы сами, кстати.
Как минимум, ещё на сорок лет
Вам сердца металлического хватит».
Что ждёт меня сегодня впереди?
Залечатся ли нынешние раны?
С начинкой металлической в груди
Живу теперь, как полуробот странный.
Но перед сном, в раздумий горький час,
Порою мне привидится ночью,
Что сердце заменили мне сейчас,
А боль его по-прежнему со мною.

21.04.2023

ПЕСНЯ О КАИНЕ

Мальчик кудрявый,
Весел отчего?
«Каин, где Авель?» —
Спросим мы его.
«В мире, в котором
Столько простора —
Море и горы
В солнечном дыму,
Разве я сторож,
Разве я сторож,
Разве я сторож
Брату моему?»

Козы толпятся
Белые вокруг.
Нет только братца —
Затерялся вдруг.
«В мире, в котором
Столько простора —
Море и горы
В солнечном дыму,
Разве я сторож,
Разве я сторож,
Разве я сторож
Брату моему?»

Вновь, как когда-то,
Сто веков подряд,
Руку на брата
Поднимает брат.
«В мире, в котором
Столько простора —
Море и горы
В солнечном дыму,
Разве я сторож,
Разве я сторож,

Разве я сторож
Брату моему?»

Жили, не каюсь, —
Так и будем жить.
Прадед наш Каин
Дал нам эту нить.
«В мире, в котором
Столько простора —
Море и горы
В солнечном дыму,
Разве я сторож,
Разве я сторож,
Разве я сторож
Брату моему?»

* * *

Александр Кушнеру

«В невесёлое время такое, —
Написал мне недавно мой друг, —
Надо нам заниматься собою,
И не думать о том, что вокруг.
Мы бессильны, над павшими плача,
Мы сегодня уже старики,
И важнейшая наша задача,
Это выжить, всему вопреки.»
Так и мне бы, с властями не ссорясь,
О былом сочиняя стихи,
Заглушая проклятую совесть,
Всё тянуть до последней вехи.
Невозвратно минувшее лето,
Голова моя в белом снегу.
Я и внял бы благому совету,
Да, вот, ночью уснуть не могу.

16.01.2023

ГОД КРОЛИКА

Надеюсь новогодней порой,
Что время к нам придёт ещё иное.
Прощай навеки, год Двадцать второй,
Повязанный с ковидом и войною.
Тебя добром не будем помянуть:
Огнём и дымом заслонив округу,
Ты ненависть в нас поселил опять,
И страх, и недоверие друг к другу.
В огне войны отыскивая брод,
Год кролика идёт за годом тигра.
Смотри вперёд внимательно, народ,
Чтобы тебя погибель не постигла.
Сегодня наша жизнь — игра в лото,
И розданы трагические роли,
И трудно нам рассчитывать на то,
Что с тигром мирно уживётся кролик.
И слушая курантов мерный бой,
Суровых лет тех невесёлых между,
На брудершафт мы чокнемся с судьбой,
И выпьем за наивную надежду.

31.12.2022

БРАЙТОН БИЧ — 23

Смогу ли снова на исходе лет
Сюда ещё приехать, неизвестно.
На Брайтон Бич евреев больше нет, —
Там Азия гуляет повсеместно.
В дождях американская зима,
Где новый век идёт за старым веком.
И магазины, и свои дома,
Евреи перепродали узбекам.
Тот Брайтон Бич ещё невдалеке,
Следы его увидишь до сих пор ты,

Здесь надписи на русском языке
 Со стен домов пока ещё не стёрты.
 Но там, где с сушей сходится вода,
 Безлюдная пустеет балюстрада,
 Где не увидеть больше никогда
 Бобровых шуб недавнего парада.
 Былого, обращённого во прах,
 Обратного не вернёт незримый некто.
 На улицах его и во дворах,
 Одесского не слышно диалекта.
 А мимо проплывают корабли,
 Густеет туч холодная завеса,
 И где-то, на другом краю Земли,
 Горит в огне далёкая Одесса.

12.01.2023

* * *

Домыслам историков не верьте
 О причине грустных этих дел, —
 Гоголь сжёг поэму перед смертью,
 Блок пытался сжечь, но не сумел.
 Почему же, накануне гроба,
 Подушав от жизненных обид,
 Совершить они пытались оба
 Этот непонятный суицид?
 Не с того ли, что порой тревожной,
 Осознали вдруг в конце пути,
 Что обоим было невозможно
 Родину от гибели спасти?
 От судьбы её избавить лютой,
 Замолить смертельные грехи,
 Что в горниле войн и революций
 Всё сгорит, и проза, и стихи?

16.06.2023

СВЕРГНУТЫЙ ПУШКИН

Плывёт над Киевом усталым
Сирены сумеречный вой.
Там Пушкин, сброшен с пьедестала,
Валяется на мостовой.
Неужто до того он дожил,
И это всё не страшный сон,
Что отвечать сегодня должен
За Запорожье и Херсон?
За свист ракет и бомб зловещий,
Сводящий жителей с ума?
За кровь детей, за слёзы женщин,
И за горящие дома?
Чего я вспоминаю ради
О позабывшихся годах,
Когда в блокадном Ленинграде
Звучали Моцарт или Бах?
Во время думаю иное,
Где снова зло рождает зло,
Что Пушкину с его страной
Трагически не повезло.

14.10.2022

ТРИДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Н.К.

Этот первый наш с тобою вечер
Видится мне явственно во мгле,
Где горели вполнакала свечи,
Ночью, в ресторане на столе.
Мне припоминаются нечасто
Гамбурга холодная зима,
Чувство страха, вместе с чувством счастья,
От того, что я схожу с ума.

Позабуду вряд ли эту зиму,
 Где в то время был ещё не стар.
 Для тебя цветов тогда корзину
 Я купил на скромный гонорар.
 Гулкий шум вокзального перрона
 Вспоминаю, как забытый сон,
 Где кричал испуганно ребёнок:
 «Мама, в этот не садись вагон»,
 Что внезапно понял на вокзале,
 Лет тогда не более шести,
 То, что мы ещё не понимали:
 Что обратно нет уже пути.

30.01.2023

* * *

Дороги завершаемой в итоге,
 Нельзя не обнаружить вдруг того,
 Что в нас самих живёт потребность в Боге,
 Что сами мы придумали его.
 Нам в юности, где море по колено,
 Внезапно нужным делается Бог,
 Когда поёт тревожная сирена
 И рушится под бомбой потолок.
 Она приходит медленно, с годами,
 Болезнями и ростом неудач.
 Когда наступит полоса страданий,
 Молись ему и попусту не плачь.
 Избегнувший случайно Холокоста,
 Я дотянул до девяносто лет.
 Тем, кто не верит в Бога в девяносто,
 Уже надежды на спасенье нет.
 За окнами апрельские капли,
 И над домами сумеречный дым.
 Не знаю, есть ли Бог на самом деле,
 Но к старости он нам необходим.

22.04.2022

ВЕСЕННИЙ ГАМБУРГ

О чём грустишь понапрасну ты,
Сомнительный наш герой,
Когда в Эппендорфском парке цветы
Майской цветут порой,
И женский смех за окном с утра
Звенит, будоража кровь,
И к Альстеру лодки и катера
Плывут по каналам вновь,
На Эльбе снова поют гудки,
Стоят пароходы в ряд,
И шпили соборов, что далеки,
Опять в синеве парят?
И в воздухе тёплых цветов настой,
И солнечный день хорош.
Любуясь же этою красотой,
Покуда ещё живёшь.
Уйми, приятель, былую прить,
Этот пейзаж любя,
Поскольку весна эта, может быть,
Последняя для тебя.
Но вечером, только сомкнёшь глаза,
Во временном доме твоём,
Другой приснится тебе пейзаж,
И питерский старый дом.
И песня послышится вдруг во мгле,
Её ты подпеть готов:
«Не плачь, моряк, о чужой земле,
Скользящей мимо бортов».

22.05.2023

ГРЕНАДА (песня)

Памяти Виктора Берковского

В родном Ленинграде, в приморском краю,
О дальней Гренаде я песню пою, —
От школьного детства, от ранней вехи,
Я помню светловские эти стихи.
С ней юное прожил я время своё,
Мой друг с Запорожья придумал её.
Ту песню о давней Гражданской войне
Я вспомнить могу наяву и во сне,

По той, позабытой сегодня стране,
Теперь ностальгия приходит ко мне,
Где жили когда-то мы жизнью иной, —
Судьбою одной и семьёю одной,
Где были мы братья всегда и друзья,
И было водою разлить нас нельзя,
Где песню ту дружно мы пели вчера,
У края Днепра, у ночного костра.

Кто нас у днепровских крутых берегов
Сейчас превращает в смертельных врагов?
Ответь, Николаев, и Харьков, ответь,
Мы сможем ли вместе когда-нибудь петь?
Сегодня Украина — всеобщая боль,
Теперь здесь бескрайний свирепствует бой,
И новые жизни уносит война.
«Гренада, Гренада, Гренада, Грена...».

14.03.2022

* * *

Олегу Айзману

Живёт в Аугсбурге художник,
Что режет сегодня гравюры.
В окне паутиною дождик,
И день по-осеннему хмурый.
Смешавшие место и время,
Гравюры глаза наши дразнят.
Печальные плачут евреи,
Недолгий свой празднуя праздник.
Шагают солдаты в колонне, —
Тебе почему-то не жаль их.
Пророк на дымящемся склоне
С трудом поднимает скрижали.
Сюжеты, пропахшие кровью,
В картинах его возникают, —
Горят города в Приднепровье,
Крадётся за Авелем Каин.
И мир за окном опустелым,
Теряя весёлые краски,
Становится чёрным и белым,
Стремясь к неизбежной развязке.

17.02.2023.

* * *

Домов покинутых огни,
Холодный ветер с Оста,
Не так уж просто в наши дни
Дожить до девяноста.
Я повидал немало стран
В многоязычном мире,
Искавший некогда уран
На вздыбленном Памире.

Стремясь не увлечься впредь
Недолгой женской лаской,
Искал я под Игаркой медь,
В земле сырой и вязкой.
Судьбой суровою ведом
В водовороте буден,
Я потерял свой прежний дом,
И нового не будет.
За окнами печальный вид
Не даст уснуть спокойно.
Там продолжается ковид,
Берут начало войны.
Себе шепчу я перед сном
В глухую пору эту:
«Живи, дружок, вчерашним днём,
Раз завтрашнего нету».

17.02.2023.

НАДЕЖДА

Елене Пахоруковой

А я, хоть стать умнее мне бы,
Не верить в счастье не могу,
Пока атланты держат небо
На петербургском берегу.
Пока я помню год далёкий,
Над Питером горящим чад,
Покуда пушкинские строки
Ещё в ушах моих звучат.
Я буду веровать до гроба,
Как мне порой ни тяжело,
Что победить не может злоба,
Что победить не может зло.
И я в часы надеюсь эти,
Что, проливающая кровь,
Исчезнет ненависть на Свете,

Придёт всеобщая любовь.
И если я в суровый год,
Двух войн кровопролитных между,
Уйду из жизни, то надежда
Пускай меня переживёт.

23.06.2023

* * *

Не смотри, дружок, заносчиво,
Сединою не трясись.
Новый праздник «День доносчика»
Объявляем на Руси.
Эта древняя наука
Забывается не вдруг
В стороне, где скорость стука
Обогнать способна звук.
Сделать праздник равным нужно
Дню вооружённых сил,
Чтобы все хвалили дружно
Тех, кто прежде доносил.
Чтобы в светлом «Москоу-Сити»
В эти праздничные дни
Знак «Почётный доноситель»
Получали бы они.
Пусть всегда плывёт кораблик
Доносительских затей,
Чтобы стал Морозов Павлик
Вновь примером для детей.
И от Севера до Юга
Ясным днём и при Луне
Все стучали друг на друга
В нашей радостной стране.

Год далёкий двадцать второй...

Это стало теперь легендой, — год далёкий двадцать второй,
 Уплывает интеллигенция, покидая советский строй.
 Везжают бердяевы, лосевы, бесполезные для страны:
 Ни историки, ни философы революции не нужны.
 Этой дальней командировкою заменяют им полный срок.
 Над распахнутой мышеловкою пароходный кричит гудок.
 Им даруется индульгенция. Пролетарской страны позор,
 Уплывает интеллигенция, изгоняется за бугор.
 Не ежовы их ждут и бери, не расстрелы и не ГУЛАГ, —
 Их, куда живых, империя под чужой выпускает флаг.
 То ли в Англию, то ли в Грецию, над пожитками хлопоча,
 Уплывает интеллигенция, с изволения Ильича.
 Ну, а если кто опрометчиво не покинет свои дома,
 Тем другие пути намечены, — Беломорье и Колыма.
 Чем возиться с литературою, было б проще пустить в расход.
 Провожают чекисты хмурые отплывающий пароход.
 Огареву вослед и Герцену, на изгнание обречена,
 Уплывает интеллигенция, не заплачет по ней страна.
 Скоро здесь, кроме мелкой сволочи, не останется ни души.
 Помаши им вдогонку, Вовочка, обязательно помаши.

ОБ АВТОРЕ

*Имя Александра Моисеевича
 Городницкого, недавно отме-
 тившего 90-летие, хорошо зна-
 комо любителям русской поэ-
 зии и бардовской песни в России
 и во всём мире, оно стоит в од-
 ном ряду с именами Владимира
 Высоцкого, Булата Окуджавы,
 Юрия Визбора, а сам поэт по
 праву признан живым класси-
 ком.*

Александр Городницкий—член Союза писателей, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, первый лауреат литературной премии имени Булата Окуджавы. Он—учёный с мировым именем, один из ведущих российских исследователей в области геологии и геофизики океана, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Более тридцати лет принимал участие в океанологических экспедициях в различные районы Мирового океана. С его именем связаны поиски легендарной Атлантиды.

*Стихи и песни Александра Городницкого переведены на многие иностранные языки, а песня «Атланты держат небо...» стала неофициальным гимном Санкт-Петербурга и официальным гимном Государственного Эрмитажа. Творчеству Александра Городницкого посвящены много научные статьи, кандидатские и докторские диссертации. Его именем названы малая планета (астероид) № 5988 *Gorodnitskij* и перевал в Саянских горах.*

В настоящее время поэт и учёный живёт в Германии (г. Гамбург).

Марина ГЕНЧИКМАХЕР
ВОЕННЫЕ СТИХИ

БАБИЙ ЯР

Ракета угодила в Бабий Яр.
И телебашня,
Как евреи, — в яму,
Погибшие давно
Не имеют сраму.
Их не страшит воинственный угар.

Спец-операция или война?
Кровь — не страшна.
Куда страшнее слово,
А то, что люди гибнут...
Что ж такого?
Не убежали, значит, — их вина.

Никто не скажет нелюдям:
«Не смей!»
Попали не в ребёнку —
В телебашню.
А дети — по подвалам.
Детям — страшно.
Им всё равно, как называют смерть.

КАНУН

Огни гася, гоня тревоги прочь,
На город снова опустилась ночь,
И небо распустило звёздный полог;
В сердцах пророков царственный покой
Им можно до утра махнуть рукой
На путь, который сумрачен и долог.

От Господа покуда нет вестей.
Лот застилает ложе гостей,
Жена гремит посудой на кухне;
Всё — как всегда, как было сотню лет;
Над крышами луна, а в окнах — свет,
Но сон придёт, и этот свет потухнет.

Чужая боль во мраке не видна;
Всё в мире поглощает тишина;
Пусть веселятся в кабаке кокотки;
Пусть пьяницы пьяней, чем старый Ной,
Ночь заливает вязкой тишиной
И шум гуляк, и дерзкий смех красотки.

Лот медленно выходит на порог;
И на его глазах бессмертный Бог
Преображает мир сияньем млечным;
Из комнаты его зовёт жена;
И вновь над миром та же тишина,
И кажется, что это будет вечно...

ДАКТИЛЬ

Мне было 30. Я покидала мой город —
 Город, прекрасный, как стены дворца Растрелли.
 Стрелки часов моей жизни сошлись на полдне;
 Утро моё осталось бродить по скверам,
 Глядя, как кроны каштанов пятнает охра,
 Клёны меняют зелёный наряд на алый,
 А на скамейках мечтательные принцессы
 Мирно читают легенды о злых драконах,
 Или о нежной лебеди и трёх братьях.
 Как это было давно!

Мне каждый вечер шлют эсэмэски из сказки,
 Сказки, где кажется — снег остро пахнет серой,
 Сказки, где почва колеблется под ногами
 Нежной принцессы.

В сердце несчастной тревога сменилась страхом,
 Тщетно бедняга ждёт помощи Ланселота;
 Наш Ланселот слишком стар; он давно не рыцарь;
 Он суетится, пытается договориться,
 Провозглашает, что «мстя» его будет страшной...
 Вряд ли дракон испугается погремушки.

Всё остальное — привычно, как в пьесах Шварца:
 Кто-то сочувствует, кто-то уже рыдает;
 Бургеры жаждут огонь из зловонной пасти
 Хоть по чуть-чуть приспособить к своим конфоркам;
 А бургомистры твердят: тварь ломает зубы,
 Если сожрёт слишком много принцесс и принцев.

Всё, как обычно, но я до сих пор не верю:
 Мирные скверы, в которых поныне — утро —
 И кровожадное зло из ожившей сказки.

ДЕМОНЫ

А демоны смерти опять поднимают трубы,
И вновь этот рёв, этот грохот и лязг орудий,
Кликушество прессы и шквал новостей в ютубе:
Пока только песня, но скоро погибнут люди.

Как странно и страшно глядеть на людскую массу,
Тревожно гудящую, будто пчелиный улей!
Любой человек — это просто живое мясо,
Которое станет мёртвым, столкнувшись с пулей.

Кровинка твоя, твоё счастье, твой нежный мальчик
Лишь матери дорог... Война, тут никто не дорог;
Всегда находилось в мире довольно прачек,
Смывающих кровь с продырявленных гимнастёрок.

А древнее зло, пробудившись, зовёт на битву:
Косматая ненависть, ярость медведя гризли.
И ты перед ним беспомощен, как молитва
О смерти того, кто весь ад этот к жизни вызвал.

ПЕТИЦИЯ В НАТО

Пусть это звучит нелепо,
И без стихотворных затей:
Закройте, пожалуйста небо!
Спасите невинных детей!

С прозрачной его лазури
Потоком несётся смерть!
Ракеты страшнее, чем пули,
Кровава закатная медь.

Сегодня небес боятся:
Где спрятаться, где залечь?
Что толку от ваших санкций?
По небу несётся смерч!

Вам некуда будет драпать.
Вас вряд ли спасёт Потсдам,
Когда этот атомный лапоть
По вашим пойдёт городам!

Уйдёт Украина в небыль —
И ваш свод небес затрещит:
Закройте, пожалуйста, небо!
Спасите ваш собственный щит!

* * *

Кто завтра будет лаврами увит?
О ком сегодня жёны голосили?
Мой Киев, будто в древности Давид,
Сражается с безумием России.

В нём умирают, поминая мать,
Спасая близких в дымной круговерти...
И я, прости, Господь, желаю смерти
Пришедшим гордый дух его сломать.

Они пришли не по своей земле;
Им восемнадцать или девятнадцать,
Но КГБ-ист, пирующий в кремле,
Из россиян их превращает в наци.

Ему по сердцу орудийный гром,
Ему по нраву танки и мортиры...
За что мой дед был ранен под Днепром?
Чтобы кровавый молох правил миром?

ОТВЕТ ЮННЕ МОРИЦ

*Было у Вольфа Мессинга тайное знание,
Он бежал из фашистской Европы в Страну Советов.
Я спросила: о нашей победе Вы знали заранее?
Он сказал, что вера — единственный из ответов.*

.....

*До сих пор обладает пророческим он талантом,
Он бежал из фашистской Европы в Страну Советов, —
И когда называет Европа страну мою оккупантом,
Бегство Мессинга из Европы — единственный из ответов!*

Юнна Мориц

Опубликовано 27 февраля 2022, Фейсбук

В жестокую стужу ты ищешь любую проталину,
Судьба не всегда предлагает богатый выбор.
Империя Гитлера, рядом империя Сталина.
Гулаг и Освенцим: а он выбирал: либо, либо...

В историю каждой страны чёрт-те что намешано.
Кому в сорок пятом приснились бы русские танки
В степях Украины? И эти несчастные женщины,
Чьи бедные дети — сироты или подранки?

А души мужей их наверх — по кровавой лесенке,
А их старики по подвалам, пытаюсь скрыться...
Нет, вряд ли теперь россияне дождутся Мессинга, —
Он верил в Мессию.
Мессия — не друг убийцам!

ДЖОНУ МАВЕРИКУ

— Ты ангел, Кевин. Мы, ангелы, обречены смотреть на человеческие страдания, но ничем не можем помочь.
— Отруби мои бессильные крылья, я хочу уйти...

Джон Маверик*

Мир охвачен бедой. Орды орков громят города.
Кровь пятнает асфальт, и бетон рассыпается пылью.
Ангел мой, не умри! Не истай в синева навсегда!
Не сложи, не отринь белоснежно-бессильные крылья!

Мир — как надвое треснул, и кровью сочится разлом.
Опустевшее место не будет ни пусто, ни свято!
Нужно верить: добро победит в этой схватке со злом,
А иначе зачем и за что погибают солдаты?

Ты не сможешь помочь... Но когда ты, истаяв, уйдёшь,
Растворится и призрак надежды на честное завтра.
Всю планету затопит нахальная вязкая ложь,
Та, что нынче зовёт себя светом, зовёт себя правдой.

Кто погибших проводит в их скорбный заоблачный путь?
Кто живое тепло сбережёт от орды святотатцев?
Жизнь во лжи или смерть? До неё, до зловещей — чуть-чуть...
Люди выбрали смерть. Не тебе, легкокрылый, сдаваться!

* Джон Маверик родился в Москве, в настоящее время живет в Германии. По специальности детский психолог. Победитель первого открытого чемпионата России по литературе в номинации «Проза»

* * *

Остаётся стоять. Не колеблясь, стоять до конца,
Пусть друзьям надоели военные мрачные сводки,
И Макрон запеваёт, что правда — всегда посередке,
Что на морде драконьей мерцают остатки лица.

Но по-прежнему взрывы детей превращают в калек,
Невозможно спасти обречённых напуганных женщин,
А дракон наблюдает над ними с улыбкой зловещей,
И уже нереально поверить, что он — человек.

Да, война — это смерть. И ужасно её пиршество,
Но куда кровавая тварь не оставила трона,
Украина собой закрывает от смерти Макрона.
Не внимая речам, но от смерти спасая его.

* * *

*Моим киевским подругам:
Оленьке Здир, Рокси Крутовой
и харьковчанке Любе Девяткиной*

Роксана — живая. И Оля — тьфу-тьфу, — живая.
А Люба не пишет... И снова бомбили Харьков.
Ракеты и бомбы их медленно убивают.
А я лишь читаю посты, проставляя лайки.

Война — уже месяц. Война превратились в будни.
Статистика деток погибших и снова — взрывы.
И всё, словно прежде, но где-то внутри, подспудно:
Что Люба не пишет, а Оля и Рокси — живы.

У их аватарок — кружочки зелёных точек,
На Киев опять наступают не люди — звери,
И мне не хватает слов для бессильных строчек,
Я просто пишу в и-мэйлах: люблю и верю...

ПЕЙЗАЖНОЕ

Как ни мала, как ни кругла земля, —
 (На самолёте пролетаешь страны)—
 А далеки отсюда тополя
 И киевские пышные каштаны.

У нас светло, а там — глухая ночь,
 Лишь призраки с ужасною личиной
 Скользят вдоль окон. И нельзя помочь:
 Мрак поглощает слабый свет лучины.

Усталость давит гробовой доской,
 Осколки звёзд дрожат в небесном сите,
 И невозможно совладать с тоской:
 Вий ожил и глаза его открыты.

Но как бы ни был Вий ночной силён,
 Рассвет развеет грозный призрак Вия,
 И солнце вновь взойдёт на небосклон
 И потечёт по куполам Софии.

ОБ АВТОРЕ

Марина Генчикмахер родилась в Киеве, где и жила до 1992 года. Эмигрировала в США, живёт в Лос-Анджелесе. Пишет стихи на русском языке с раннего детства. Печаталась в газетах, журналах и альманахах, как в Киеве, так и в Америке.

Выступала на калифорнийских слётах авторской песни.

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ РОМАН

МАРИНА

— То, что ты сейчас говоришь, очень серьёзно. Ты хорошо подумал?

Сергей сидел напротив Марины, забравшись с ногами на прохудившийся диван в своей маленькой затемнённой комнате, и казался бледнее обычного. Следов весенних косметических инъекций на его усталом, осунувшемся лице практически не осталось. Ногти, прежде длинные и ухоженные, теперь были небрежно обрезаны под самый корень, тёмные волосы вновь засеребрились проседью у корней, брови загустели и потеряли форму. Домашней одеждой опять служили мужские спортивные брюки и помятая от долгого лежания в шкафу простая серая футболка. Сохранявшаяся мягкость черт и женственная гладкость подбородка всё ещё делали его внешность андрогинной, почти бесполой, но было видно, что за долгий летний период, что они не виделись, в нём произошли серьёзные перемены.

Находясь в смятении от предстоящего разговора о разрыве, с которым она ехала к нему в Питер и которого так боялась, Марина не сразу обратила внимание на все эти новые странности его поведения, так отличавшегося от их последней встречи. Не зная, как начать, она долго отмалчивалась, вела себя нервно, скованно, но он как будто тоже ничего не замечал, погружённый в собственные мысли. Лишь когда она уже совсем собралась было с духом, чтобы сжечь за собой мосты и выдохнуть первую переломную фразу: «Нам надо поговорить», Сергей вдруг первым нарушил молчание, пригвоздив Марину к стулу неожиданным заявлением: переход не удался; пора оставить эту затею.

* Окончание. Начало — в № 1 (25) 2023

— Мы пойдём на это только если ты готов и хорошо всё обдумал. Ты в своём решении уверен?.. — допытывалась Марина, боясь поверить собственным ушам. — Ты правда этого хочешь?

— Хочу? — Сергей удивлённо посмотрел на неё и грустно улыбнулся. — Мне страшно даже думать об этом. Когда я представляю себе детранзишн, мне видится впереди лишь один сплошной, беспросветный мрак... Не знаю, сколько времени потребуется, чтобы смириться. Впечатления от перехода пока настолько яркие, что невозможно поверить, что это конец.

— Но зачем?.. Зачем тогда идти на это? Ты ведь прежде уверял, что назад никогда не вернёшься, а теперь... Объясни, что переменялось теперь?

— Что переменялось? Да всё! Раньше была надежда, понимаешь? Иллюзия, будто стоит лишь как следует взяться, и переход станет реальностью. Я до сих пор не могу забыть то первое ощущение эйфории, когда только начались совместные выходы с Линдой, когда, казалось, что-то сдвинулось с мёртвой точки... Но забить первый гол ещё не значит стать игроком! И теперь очевидно, что всё — я упёрся в потолок, лучше уже не будет! Так какой смысл продолжать то, что уже не получилось, что заранее обречено на провал?..

— Есть и другой вариант, — ответила Марина, внутренне перебарывая себя. — Если нельзя воплотить то, что хочется, можно принять результат таким, как он есть. Быть женщиной настолько... — Она замялась. — Настолько, насколько это возможно.

— Ты сама не веришь в то, что сейчас говоришь! — Сергей схватил Марину за руку и заставил сесть рядом с собой. — Ну, посмотри на меня внимательно. Да-да, включи ту лампу и посмотри. Разве же это женщина? Разве женщины так выглядят?.. Нет, не прячь глаза, не увиливай... Я ведь знаю, что ты на самом деле думаешь. Так скажи мне это.

— Не знаю, Серёж... Думаю, ты можешь ходить как женщина по улице, заходить в магазины, какие-то общественные места... В конце концов, случайные прохожие особо не вглядываются. А если кто и заметит... Промолчат, да и всё. Но вот возможно ли пойти дальше — общаться с людьми, найти работу... Я в этом не уверена. И не хочу тебя обманывать, это было бы... нечестно.

— Ясно. Спасибо за откровенность. Помнишь, ты сказала: «Перестать быть мужчиной ещё не значит стать женщиной». Эта твоя фраза стала для меня роковой. Она всё преследовала и преследовала меня, пока

я не убедился, что ты права. Ужасной, уничтожающей меня правдой, но права... — Он выпустил Маринину ладонь и, сморщившись, потёр лоб, как от острого приступа мигрени. Затем, прикрыв отяжелевшие веки, он некоторое время сидел неподвижно, в замершей, скрючившейся позе, и только снова взяв себя в руки, продолжил: — Видишь, твои слова сейчас опять подтвердили, что моё ощущение безнадёжности объективно. Я не могу принять результат перехода, потому что его не примет никто! А бесконечно обманывать себя, оставаясь фриком в глазах окружающих, я не хочу. Я видел таких трансов, они отвратительны. Сидит перед тобой эдакое чмо и кривляется... Не понимаю, в чём смысл перехода, если окружающие на самом деле не видят в тебе женщину, а подыгрывают только из жалости. И ни одного приемлемого результата перехода, начатого после сорока, мне так и не довелось встретить ни разу.

— Так значит... — Марина заглядывала ему в лицо, пытаясь определить серьёзность его намерений. — Значит, ты бросишь всё? И гормоны тоже?..

Сергей нервно передёрнул плечом:

— Да я уже месяц ничего не пил. Какой смысл тратить деньги и принимать гормоны, если они ничего не меняют?.. — Он отвёл глаза и упёрся взглядом в стену. — Такое ощущение, что ты мне не веришь. Мне это неприятно. Я же сказал — с переходом всё. Значит, всё. И закроем, наконец, эту тему.

— Ты не понимаешь, — Марина придвинулась ближе и положила руку ему на шею, заставляя снова повернуть голову в её сторону. — Я должна удостовериться, что это не мимолётная слабость. Что это обдуманное, взвешенное решение. Ведь оно меняет не только твою, но и всю мою жизнь, понимаешь?.. Нашу жизнь!

Сергей кивнул:

— Я понимаю. Ты ведь с самого начала хотела сделать меня мужчиной, который тебе нужен. Я долго надеялся, что ты сможешь принять переход. Без твоей поддержки мне было не справиться... Теперь, когда с переходом покончено, я сам попробую измениться ради тебя. Правда, всю жизнь у меня это не получалось... Не знаю, получится ли на этот раз...

— Получится, — прошептала, обнимая его, Марина. — Вместе мы справимся. Ты же знаешь, я очень люблю тебя...

— Знаю, малыш. Я тоже тебя люблю. У тебя очень быстро стучит сердце. Ты так рада, что я бросаю транзишн?.. Прости, что не могу радоваться вместе с тобой. Хотел бы, но не могу... Мне пока очень плохо.

И, боюсь, дальше будет ещё хуже. Детранзишн — это невероятно тяжёлое испытание. Для нас обоих.

Осень закружила северный город в вальсе золотых листьев, устилавших тенистые аллеи парков густым, шуршащим под ногами ковром. Марина, словно пьяная, пила сыроватый, остывающий воздух и жадно подставляла горящее лицо редким дождевым каплям. Она, словно птица, порхала по питерским улицам, залетала в ловушки закрытых дворов-колодцев, проникала в разнообразные и порой удивительные миры старых питерских парадных. Она разносила рекламу. Она была счастлива.

Молниеносно приняв решение остаться в Питере сразу и навсегда, она немедленно принялась за дело. Она торопилась так, будто убегала от хищного зверя, который потерял след, но всё ещё рыскал где-то неподалёку и мог догнать в любой момент, стоило лишь на мгновение зазеваться. Нет, Сергей не будет больше тратить время на беготню с рекламными листовками ради заработка — она возьмёт львиную часть этой нудной работы на себя, чтобы у него было больше времени на творчество. А уже вскоре она непременно уговорит его прекратить вести дела с Линдой, и тогда они вместе, уже вдвоём, будут развивать его любимое дело, которая та пробовала у него украсть, — вести видеоблог и работать на студии. Он будет создавать свою авторскую передачу, писать музыку, выступать на сцене; она — искать артистов для съёмок и записи альбомов, озвучивать закадровые тексты, договариваться о выступлениях на музыкальных площадках. Помогать ему, служить его таланту станет новым, единственным смыслом её жизни; она научится быть незаменимой, станет самой преданной и любящей женой. И уж, конечно, они с Серёжей не останутся жить в этой старой, изъеденной мышами халупе. Они переедут вместе в новую благоустроенную квартиру. И не завтра, нет, — это произойдёт прямо сейчас!

Быстро отыскав подходящий вариант среди объявлений, она, не задумываясь и ничего не сказав Сергею, отдала последние деньги на залог и месячную аренду уютной двушки в тихом спальном районе Питера, надеясь уже постфактум убедить его перебраться вместе с ней на новое место, в их новую совместную жизнь. Не желая даже временно возвращаться в Москву, чтобы самой уладить все вопросы, Марина позвонила Ларисе, чтобы передать список личных вещей, которые необходимо было отправить ей с оказией, а заодно попросила подругу

помочь ей срочно сдать пустовавшую московскую квартиру, чтобы как можно скорее возместить текущие убытки.

— Ладно, Марин, — ответил сдержанный Ларисин голос. — Но я буду сдавать её только в краткосрочную аренду. Чтобы тебе было куда вернуться, когда всё у тебя там накроется медным тазом.

— Ларис, иди на фиг! Всё у нас будет хорошо, ясно? Просто помоги, я тебя прошу.

— Хорошо, я пошла на фиг. Деньги буду высылать на карту. Но знай, что я волнуюсь. Звони хоть иногда, Ушлёпова.

— Тебе не кажется, что ты слишком грубо вторгаешься в мою жизнь и ставишь её с ног на голову? — с раздражённой холодностью спросил Сергей, когда Марина, лёжа с ним в постели и готовясь ко сну, проговорила о квартире. — Я и так переживаю далеко не лучший период. Я даже на улицу выхожу с огромным трудом — мне тяжело видеть женщин! Я чувствую себя последним чмом рядом с ними! А ты в доверок гонишь лошадей, требуя немедленно начать жить вместе, да ещё и съехать с квартиры, в которую я уже врос корнями за проведённый здесь десяток лет! Мне так очень сложно. Мне необходимо оставаться одному. В привычной обстановке. Без посторонних глаз, которые каждую минуту напоминают мне, кто я! Неужели это так трудно понять? Хотя бы немного войти в моё положение?..

— Хорошо-хорошо, милый, не сердись. — Марина виновато потёрлась носом о его щёку, теснее прижимаясь к нему под одеялом. — Я ведь не настаиваю, чтобы мы переехали немедленно. Но и ты не можешь запретить мне жить поближе к тебе, верно? Мне надоело мотаться в поездах туда-сюда... — Она приподнялась на локте и, заглянув Сергею в лицо, несколько раз быстро поцеловала его в губы. — Раз ты не готов пока жить вместе постоянно, так тем более хорошо, что я сняла квартиру. Будешь время от времени меня туда выгонять! — Она засмеялась. — А я потихоньку всё там обживу, обустрою. Пока ты не будешь готов. Пока не привыкнешь...

— Прости, малыш. Я всё время чувствую себя виноватым, что не оправдываю твоих ожиданий. Но мне очень трудно строить из себя нормального человека. Я думаю всё время об одном и том же, и это сводит с ума.

— Серёжа, милый ... — Марина склонилась к нему на плечо. — Это всё от зацикленности на себе самом. Тебе нужно вернуться к любимым занятиям, посвятить время настоящему делу. И тебе сразу станет

легче! Поверь мне... — Немного подумав, она вдруг вскочила и села в кровати: — Вот что, мы организуем юбилейный концерт твоей музыкальной группы! «15 лет: золотые хиты», а? Хорошо звучит?

— У меня давно уже нет группы, она развалилась. И уж тем более нет никакого юбилея.

— Ну, ты дурачок, да кто ж об этом знает! — весело воскликнула Марина. — Подумаешь, нет юбилея, а мы скажем, что есть! Кто это проверять будет? На круглые даты публика лучше ведётся. А группа как развалилась, так и соберётся по такому случаю. Я сама обзвоню твоих музыкантов, за руку притащу, если надо! А кого не сможем вернуть, заменим кем-то новым. Ты ведь фронтмен: голос, музыка, тексты — всё твоё. А кто там ещё в группе, вообще неважно!

— Не знаю... Не уверен...

— Ну, давай, родной мой! Всю организацию на себя возьму, с рок-клубом каким-нибудь договорюсь.

— Да неизвестная группа же. Никто не придёт! Опозоримся.

— Ой, да брось, обязательно придут! Договоримся там, где вход дешёвый или вообще бесплатный. И реклама будет, это уже моя забота. Кое-какие связи с бывшими коллегами у меня остались. Ну же?..

— Вряд ли, Марин... Как-то это всё...

Плыли первые питерские недели. Они казались Марине большими. Огромными, как целая жизнь. Каждый день вмещал в себя бесконечное количество часов, надежд, планов, эмоций, неотложных дел. У Марины будто открылось второе дыхание, так много она успевала. Обегав с листовками целый район за несколько часов, она затем сразу принималась за звонки и переписки: связывалась с музыкантами, организаторами концертных мероприятий и бывшими коллегами с радио, которые могли оказать помощь в размещении дешёвой рекламы. Обычно застенчивая и немногословная, Марина теперь, как тигрица, кидалась на нужных ей людей, изливая потоки небывалого красноречия в стремлении убедить их организовать и распиарить по городу юбилейный концерт никому не известной группы, не суливший никакого дохода. Её усилия не остались безуспешными: подходящая площадка нашлась, музыканты, прежде входившие в состав группы Сергея Волкова, были рады случаю стряхнуть пыль с инструментов, в интернет-публиках и колонках районных газет появились афиши. Уже через пару недель после их с Сергеем ночного разговора в студии состоялась первая репетиция.

Марине казалось, она спит, и всё происходящее ей только снится. Так быстро, прямо на глазах происходили в Сергее те перемены, которых она ждала более полутора лет. Отказ от заместительной гормонотерапии и нормальное питание после долгого периода истребительных диет, казалось, мгновенно пробудили все резервы его истощённого организма, который тут же устремился восстанавливать в себе утраченную гармонию. Плечи и руки наливались силой, из тела уходила болезненная худоба, измождённое лицо, утрачивая неестественную бесплодность, постепенно становилось прежним. А вскоре, прижимаясь к нему на рассвете в полусне, Марина почувствовала то утреннее предзнаменование, которое обещало желанную и прежде невозможную близость.

Она училась быть незаменимой. Она старалась быть незаметной. Она, словно сверхчувствительный прибор, ощущала любое изменение в настроении Сергея, стараясь предугадать, что ей надо сделать в следующий момент: прийти к нему, исчезнуть, спрятаться в их будущей совместной квартире, которую она с любовью обставляла безделушками и полезными мелочами в ожидании, когда Сергей перевезёт туда и свои вещи. Она верила — даже заранее знала, что это непременно случится после того, как состоится запланированное ею мероприятие. Чем безупречнее будет предстоящий вечер, тем быстрее откроется новая, прекрасная страница жизни, повторяла себе она...

— О, концерт — это чудесно! — захлопала в ладоши Линда, зайдя в гости, когда Марины не было. — Это малышка замечательно придумала, люблю нашу малышку! Вот что... — Она многозначительно вскинула указательный палец вверх. — Я прямо сейчас примусь учиться играть на басу! Ты ведь мне поможешь, моя Мур? Ох, никогда не думала, что захочу играть на басу, а вот как ты сказала про концерт, я сразу загорелась! Ты вдохновляешь меня, моя красота... Буду учиться прямо с азов. Каждую свободную минутку — гитару в руки и... пум-пум-пум! Сегодня же пойдём и выберем мне подходящий бас. Я возьму на него из нашего бюджета, ага? А потом будем вместе выступать! Моя Мур настоящий гений, так что она теперь будет сочинять ту музыку, которая мне нравится!..

— Нет. — Загоревшись нехорошим огнём, глаза Марины исподлобья уставились на Сергея. — Никакой Линды на сцене не будет. Через мой труп!

— Нет, будет. — Сергей отвечал отрывистым, категоричным тоном. — Она нужна мне там. Она будет помогать.

— Я! Я тебе помогаю! — вскрикнула Марина. — Я всё сделала для того, чтобы ты хорошо выступил! А ты хочешь всё испортить, поставив рядом басиста, который гитару в руках не держал никогда?!

Если она выйдет на сцену, придётся её застрелить, зазвучало у Марины в голове. Да, придётся это сделать. Просто нет другого выхода. Надо только где-то раздобыть пистолет. Жаль, что так мало времени. Ничего, в городе наверняка есть чёрный рынок оружия. Надо это выяснить. Поискать на каких-нибудь нелегальных форумах. Небольшой нужен, простой в обращении. Чтобы пронести в сумке. Заранее, ещё днём занести его в клуб, пока нет охраны, и спрятать в сливном бачке. Где-то такое в кино было... В каком только?.. А вечером, как концерт начнётся, достать и выстрелить ей в голову. Или в сердце? Да, лучше в сердце. Поближе подойти, чтобы не промахнуться. Всё просто, да. Всё очень просто...

— Да брось, там ведь и гитарист будет, и басист. Никто не услышит, что она там играет.

— Так тем более на кой чёрт она там сдалась?!

— Кто-то должен следить на сцене за технической частью, через ноутбук. С этим она справится, — отрезал Сергей. — Так что она участвует в концерте, и точка. Кстати, я хотел ещё кое-что обсудить. У меня есть хорошая песня для дуэта...

— А-а! Так она ещё и петь с тобой будет?!

Нет, пистолет плохая идея. Вдруг не удастся пронести? Или даст осечку?.. Нет-нет, так рисковать нельзя. Лучше её отравить. И как это сразу в голову не пришло? Купить в аптеке несколько градусников, разбить их и подмешать ртуть в еду...

Сергей смущённо откашлялся:

— Не буду скрывать, мы с ней рассматривали такой вариант...

Стоп! А если она не умрёт? Нет, любой бытовой яд — это ненадёжно. Цианид бы достать, но где... Проще проломить ей голову чем-то тяжёлым. В туалете видеокamer точно не будет. Подловить её там и...

— ...рассматривали такой вариант, но быстро отмени. Линда за голос очень боится. Она ведь, как контроль теряет, сразу на низкие ноты срывается, даже в разговоре. А петь она вообще не привыкла, переживает, что выдаст себя сразу. Я предлагал под фонограмму, но она под чужой голос рот открывать не захотела.

— Да неужели?.. Надо же, какая кристальная честность!

— Есть у меня тут другая певунья рядом, — усмехнулся Сергей. — Ты ведь занималась вокалом раньше?

— Да, — растерялась Марина, — но это было давно... А почему ты спрашиваешь?

— Потому и спрашиваю, что мы споём дуэт вместе с тобой. Ты согласна, малышка?..

Две слившиеся тени раскачивались на стене, то появляясь, то исчезая в дрожащем жёлтом пятне, тускло освещавшем непроглядный мрак комнаты. Две тени, мужчины и женщины, предавались любви на старых потрескавшихся обоях под взглядом смущённой ночной лампы, застенчиво моргавшей на подоконнике у изголовья.

— Ты вся дрожишь, тебе холодно?

— Нет. Мне хорошо.

— По-моему, у тебя жар. Ты не заболела?

— Нет... Это из-за тебя...

Так и оставшись там, в ощущении минувшей ночи, Марина отсутствовала на серой питерской улице, по которой шла по направлению к клубу, где через два часа должен был состояться долгожданный рок-концерт. Погружённая в себя, она очнулась, лишь когда прямо на неё выскочила светящаяся неоновая вывеска и двери вечернего заведения услужливо проглотили её, пропуская через металлодетекторы с угрюмыми вышибалами по бокам.

Чернеющий зал плыл в красном зареве лазеров, бежавших световыми кругами по пустой сцене. Пол вибрировал от рёва динамиков, что расплющивали пространство оглушительными децибелами:

К-К-КОМНАТА!!! З-ЗАЛИТА!!!! К-КРОВЬЮ!!!

Я! ЗАНИМАЮСЬ! ЛЮБОВЬЮ!..

Двести горящих от бешенства глаз

Кричат: люби нас или убей!

Раз, или два, или тысячу раз

Губы считают удары плетей!..*

— Привет! — незаметно подойдя сзади, Сергей обнял Марину за талию.

— Это что за музыка? — перекрикивая грохот, спросила она, с непривычки прикрывая уши. — Это кто поставил?!

* Текст песни Глеба Самойлова & The Matrixx «Любовью...»

— А, это Шура, здешний диджей. — Сергей кивнул в сторону, указывая Марине, куда смотреть. — Народ развлекает, пока мы не начали.

Оторвавшись от диджейского пульта, на них из-под угольно-чёрных век глянули бесцветные глаза внеземного создания, занавешенного длинными, как у русалки, зелёными волосами. Вытянутое лицо, приобретавшее в таком обрамлении нездорово-бледный вид, было щедро усеяно пирсингом и не имело никакого выражения.

Склонившись к самому Марининому уху, Сергей добавил тише:

— Не пугайся. Это — мальчик.

Марина улыбнулась и приветственно кивнула. Существо за пультом, никак не отреагировав, равнодушно отвело взгляд и уставилось на технику.

— Да с чего пугаться, — так же на ухо ответила Марина, — что я, неформалов не видела? Их и в метро полно. Я к ним нормально, только не понимаю немного. Думаю, когда пытаешься так выделиться внешне, значит, внутри чего-то не хватает... А это ещё что такое?!.. — Она указала на сцену, возле которой в полном одиночестве некто косматый, в кожаных штанах и с обнажённым торсом, отплясывал дикий танец, напоминавший обряд призыва нечистой силы.

— Это Димедрол.

— Кто???

— Димедрол. Погоняло у него такое. Как зовут, не знаю. Приятель ударника, на все концерты за ним таскается.

— Он что, пьяный?

— Он всегда пьяный. Или под кайфом.

— Так его надо немедленно убрать отсюда! Он нам всю публику распугает.

— Брось. Это ж клуб, а не большой зал консерватории. Хотя по твоему виду так сразу и не скажешь. — Сергей окинул взглядом голые плечи Марины, выступавшие над оборками длинного ультрамаринового платья. Марина виновато поёжилась. — Да и смотри сама, — продолжил он, — кого тут пугать? Ведь и нет никого.

Марина тоскливо обвела взглядом голый зал. Лишь несколько парочек скучали у барной стойки с пивом в руках, угрожая своим кислым видом убраться восвояси ещё до начала мероприятия.

— Ничего, — с наигранной уверенностью подбодрила она Сергея, — в запасе ещё больше часа. Люди просто не успели собраться. Народ обязательно подтянется, не переживай!

«Боже мой, а если никто не придёт? — застучало у Марины в висках. — Если он выйдет в пустой зал на три человека... Это же будет крах! Крах всего! Это будет катастрофа!..»

— И не думаю переживать, — отозвался Сергей. — Мне-то что. Никто не придёт — забухаем и домой поедем. Пошли в гримёрку, туда сейчас и наш Димедрол приползёт на запах водки. Там как раз наливают.

— Как наливают? — переспросила Марина, спешно семеня на каблуках вслед за Сергеем. — Сейчас, перед самым выходом?..

— Да расслабься...

В гримёрной, небольшом закрытом помещении на втором этаже, набилось немало народу. Почти всех Марина уже знала — общалась по телефону и видела во время репетиции. Это были музыканты, некогда входившие вместе с Сергеем в единый творческий коллектив: гитарист, бас-гитарист, ударник, клавишник и бэк-вокалистка Карина — сексапильная роковая брюнетка, вызвавшая было у Марины приступ жгучей ревности, пока Сергей не шепнул ей между делом, что Карина, по слухам, — лесбиянка. В ответ Марина лишь фыркнула: «Какая чушь!», но всё же немного успокоилась.

— О, смотрите, кто пришёл! — раскинувшись на диване за столом, Карина подняла рюмку, приветствуя появившуюся на пороге Марину, и остановила на ней долгий, заинтересованный взгляд.

— Да, привет! — Марина смущённо отвела глаза и осмотрелась. Обстановка явно была расслабленнее желаемого. По зарозовевшимся, довольным лицам музыкантов было видно, что отмечать предстоящий концерт они начали не только что. Вместе с ними в празднике участвовала и «группа поддержки». Гитарист притащил с собой какую-то девку, которая развалилась у него на коленях, выставив из-под короткого платья на всеобщее обозрение ажурные резинки сетчатых чулок; клавишник, с бутербродом в руке, трепался в углу с неизвестным приятелем.

Спиной к выходу, зацепившись острым ботинком за край стола, раскачивался на стуле крепкий молодой ковбой в клетчатой рубашке и серой шляпе с лихо загнутыми полями. Лишь несколько мгновений спустя Марина заметила торчащий из-под шляпы и зажатый спинкой стула толстый хвост огненно-рыжих кудрей. Линда неспешно повернула голову и холодно кивнула. Среди собравшейся компании она одна не прикасалась к спиртному и лишь наблюдала за происходящим, словно затаившийся хищник, изучая повадки новых для неё людей.

— Налить опоздавшей штр-рафную! — возвысил голос клавишник, потягиваясь за бутылкой.

— Спасибо, я не пью.

— Обижа-аешь!

— Хорошо, полрюмки.

— То есть ты нюхать будешь?

— Буду смаковать.

Выразительно надув губы, Марина уселась за стол рядом с Сергеем, который, не обращая внимания на её недовольство, охотно присоединился к выпивающим.

— О-о-о!!! Димедрол!!! — с криком завопил ударник. — Налить Димедролу!

Шум, шатание и громкое сопение заставили Марину повернуться в сторону двери. Возникшая на пороге фигура косматого здоровяка промычала что-то невнятное и повалилась в ближайшее свободное кресло, откуда тут же стало доноситься глубокое, ровное похрапывание.

— Понял. — Ударник философски развёл руками. — Димедролу пока не наливать!

— Серёжа, — Марина тихо дёрнула Сергея за руку под столом. — Тебе выступать через сорок минут. Которая это рюмка? Может, хватит? После концерта — сколько угодно.

— Так. Малыш, ты что дёргаешься? — Сергей, улыбаясь, чокнулся с Мариной. — Видишь, коллеги ни о чём не волнуются.

— Сергей, отойдём на минуту, — Марина вышла из-за стола и увела его в дальний угол. — Я принесла одежду для концерта. Ты ведь не собираешься выходить так, как сейчас?

— Хм. Вообще-то собирался. Что опять не так? Футболка бабская, хочешь сказать? А тебе брутальность нужна, так ведь, малышка?

— При чём тут бабская — не бабская. Она просто не подходит. Рок-концерт, а тут футболка с сердечками. Прошу, просто посмотри.

Марина вынула из пакета отглаженную чёрную рубашку с позолоченными нашивками на плечах и прямые чёрные джинсы.

— Где ты это отыскала?

— В твоём шкафу.

— На фотках подсмотрела, что я в этой рубашке выступал? — Сергей усмехнулся. — Хочешь сделать из меня, что тебе надо. Понятно.

— Она просто необыкновенно тебе идёт, вот и всё.

— Угу. И джинсы с прорезями на коленях?

— Сам говоришь, это клуб, а не Большой театр.

— Конечно. Ты ведь всегда лучше меня знаешь, как мне лучше.

— Ой, всё. — Марина убрала вещи обратно в пакет и демонстративно положила его перед Сергеем. — Я ни на чём не настаиваю, выходи в чём хочешь. Или не выходи совсем — можете продолжать пить. Я слышу шум внизу. Там, похоже, уже люди подошли. Я пошла в зал. Я — зритель.

Гневно выпрямив спину, Марина быстрым шагом покинула гримёрную и сбежала по лестнице вниз. Зрелище, представшее ей, заставило сердце подпрыгнуть. Клуб был наполнен людьми: они смеялись, пили, оживлённо переговаривались, пританцовывали под музыку инопланетного диджея и ожидали.

Марина прошмыгнула за свободный столик и, опёршись подбородком на руки, уставилась невидящим взглядом в одну точку.

«Козлы тупорылые. Долбанные придурки. Твари неблагодарные. Безответственные. Столько усилий потрачено, столько нервов. Что ж они делают?.. Что они с ним делают?.. Он же не сможет выступить, он же...»

Свет лазеров взорвался яркой белой вспышкой, заставив Марину на секунду ослепнуть. В упавшей сиюминутной тишине сквозь молочную дымку забрезжили туманные фигуры музыкантов. Под звуки первых аккордов в нимбе прожекторного луча на сцену вышел Сергей Волков. Расстёгнутый ворот чёрной рубашки перерезал наискосок тонкий ремень электрогитары. Узкие джинсы с прорезями на коленях плотно обхватывали худые, стройные бёдра, делая его будто выше ростом. Темный ливень волос взлетел вверх, рука в энергичном движении ударила по оголённому нерву струн. Тревожный мотив мощной волной устремился ввысь:

Небо заглянет ко мне в окно,
в зыбкую высь позовёт.
Пусть разобьюсь — это мне всё равно.
Я начинаю полёт!

Рву щеколду входной двери —
Ветром стылым дышу до боли.
Город мой у меня внутри,
Его притоны и колокольни.

Спрыгнет зверем на город ночь,
 Прошлого дня поглотит усталость.
 Нам, пропащим, уже не помочь,
 Любовь — всё, что нам осталось...*

Пробившись к сцене сквозь плотные ряды, Марина закачалась в едином ритме с толпой, чувствуя, как её пульс бьётся в унисон с сотней других сердец.

«Посмотри на меня. Я здесь, посмотри на меня. Я отдаю тебе всю свою жизнь, свою кровь. Мои глаза превратились в огромное зеркало. Я с тобой, и меня без тебя больше нет. Я нужна лишь затем, чтобы отразить тебя в этом мире. Взгляни на меня и пойми, как ты хорош в эту минуту. Позволь на миг поверить, что это мне ты поёшь свою песню. Посмотри на меня. Пусть всего один раз. Прошу. Сейчас. Просто посмотри на меня...»

— Ну что, малышка, как оно?

— Серёжа! Ты великолепен!

— Блин, я чуть не грохнулся пару раз, пока по сцене прыгал. Перебрали мы, конечно. Это было заметно?

— Нет, вообще нет! Ты выглядишь трезвым как стёклышко! И поёшь прекрасно!

Сергей засмеялся:

— М-да... Ты, как всегда, необъективна. Но я, и правда, протрезвел, когда за пять минут до начала у нас с Линдой отказывался запускаться сет-лист на ноутбуке.

Линда... Где она?.. Она ведь тоже была на сцене! Надо же, а ведь она её даже не заметила. Так, копошилась ковбойская шляпа где-то в дальнем углу... Что она рядом с её Серёжей?.. Марина рассмеялась про себя, вспомнив, как ещё недавно мечтала её убить. Да ну, разве это было всерьёз?.. Теперь ей даже стыдно стало перед самой собой за такие мысли.

— Чему ты улыбаешься? — поинтересовался Сергей.

— Да нет, ничему. Просто я так рада...

— Перерыв заканчивается. Нам вместе выходить первым номером. Готова?

— Нет! — честно выдохнула Марина и почувствовала, как у неё похолодел и занял живот. Её мысли так были заняты выступлением

* Стихи написаны в соавторстве с поэтом-песенником Катей Назамури.

Сергея, что она напрочь забыла о своём собственном. Боже, зачем она только согласилась на эту авантюру! Тоже мне, артистка... Надо было уступить свою партию Карине! Она же поёт гораздо лучше! Почему не уговорила Серёжу пересмотреть свой выбор для дуэта?!.. Проклятая ревность... Глупое соперничество, тирания женских амбиций... И надо же ей было, идиотке такой, даже от фонограммы отказаться!..

— Грудь вперёд и дыши, — шепнул Сергей, выталкивая Марину на сцену.

Инстинктивно одёргивая прилипшее к взмокшему телу платье, Марина, под аплодисменты размытого зала, в полном ужасе приблизилась ко второму микрофону. Сергей, в полуметре от неё, кивнул музыкантам. Заиграло вступление. В холодном поту, отмеряя секунды, Марина тщетно пробовала сглотнуть ком в пересохшем горле, из которого, она чувствовала, не сможет вырваться ни звука... «Позор, какой позор!» — только и успела сказать себе она, как вдруг губы сами собой разлиплись, исторгая чисто и звонко:

Расскажи-ка мне, птица вещая, что узнала в небесном краю?

Отчего мы по свету мечемся, не встречая судьбу свою?..

Она допела куплет, Сергей подхватил следующий. Их голоса слились, вскинулись в высокой ноте и умолкли. Зазвучал длинный проигрыш. Подхватив Марину за талию, Сергей неспешно закружил её по сцене. Это было спланировано, они не раз репетировали. Танец лишь заполнял для публики долгую музыкальную паузу и не значил абсолютно ничего. Обнажённым плечом Марина чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань чёрной рубашки. В треугольнике распахнутого ворота над выступающей ключицей билась голубая жилка. Не сбиться с такта, не сбиться с такта... От долетавшего аромата его волос тяжелели веки. Раз-два-три, раз-два-три... Прижавшись щекой к его щеке, она кружилась по сцене маленького заплёванного клуба — где-то там, высоко в небесах, острыми шпильками сбивая на Землю звёздную пыль Млечного пути...

— Гип-гип?!

— УРА!!!!!!

Звон рюмок наполнил вновь ожившую гримёрную. Музыканты, протрезвевшие, словно по мановению волшебной палочки, в момент начала концерта, в первые же минуты по его завершении опьянели ещё сильнее прежнего.

— Ро-о-бятты! Мы это сделали! Кому подлить?.. — Клавишник окосевшим глазом обвёл присутствующих.

— Валяй... — с трудом протянув опорожнённую стопку под прозрачную струю, Сергей повалился головой Марине на грудь, так что она еле успела подхватить сползающее декольте.

— Серёга!!! Ты гений! Я тя люблю! — хмельными губами Карина потянулась к Сергею и смачно чмокнула его в лоб. — Мы все ждём продолжения — по-любому! А мне ты ещё обещал альбом записать, помнишь, а? — Она многозначительно пнула его ногу. — Когда, а?

— Да... — Сергей пьяно рассмеялся. — У меня к-как раз для те... тебя материал... Я хотела... хотела позвонить, но...

— Ой-ой, похоже, кто-то наклюкался! — нарочито громко расхохоталась Марина, заглушая его последние слова и как бы нечаянно закрывая ему рот ладонью. — Вы извините, ребята, но нам пора домой! — Боковым взглядом из-под ресниц Марина испуганно проследила за выражением лица Карины, пытаясь понять, что именно та успела услышать.

— Серёжа! — прошипела Марина ему на ухо. — Ты что творишь? Я вызываю такси!

Сергей помотал головой.

— Нет, пока подожди. Я не доеду.

— Ну и что прикажешь тогда делать?

— Сходи в бар, возьми чёрный кофе.

— Хорошо, — Марина аккуратно переложила его голову на спинку дивана и встала.

— Да, две чашки возьми, — обратился к ней вдогонку Сергей, когда она уже направилась к двери. — Мне и Линде.

— И Линде. Разумеется, да. Восхитительно.

— Что, это мне? Спасибо. М-беее... — отхлебнув эспрессо, Линда поморщилась, на секунду показав язык. — Гадость какая. Ненавижу чёрный кофе. — Отставив чашку, она скинула на пол свою широкополую шляпу и присела на диван рядом с Мариной, которая уже изрядно успела «поплыть».

Исподволь наблюдая за Линдой, Марина видела, что та чувствует себя не в своей тарелке. Сложив губы в «изюм» и чуть склонив голову набок, она сидела с застывшим выражением лица и явно была недовольна.

Несколько минут спустя сидевшая рядом Карина склонилась и что-то зашептала Линде в самое ухо, загораживая согнутой ладонью

хихикающие губы. Взглянув на Карину и улыбнувшись, Линда несколько оживилась и стала тихо говорить ей что-то в ответ.

«Что они находят в ней?» — думала про себя Марина, незаметно следя за этой сценой и вглядываясь в крупную фигуру Линды, которая всё ближе подсаживалась к Карине и уже поглаживала на своём колене её руку. С распущенными волосами и без очков Линда в тот момент больше походила на молодого парня, чем на женщину, сохраняя при этом и многие, неестественные для мужчины, феминные черты. От этого пикантного эротизированного коктейля, в котором гермафродитическое уродство побеждалось андрогинной притягательностью, как будто начинало сосать под ложечкой и рождалось странное волнение, которое в ту минуту ощущала и Марина, только пуще злясь за это на Линду и саму себя.

Смешавшись с гущей чёрных волос, рыжие кудри заходили туда-сюда в плавном, кошачьем движении: Карина с Линдой увлечённо целовались.

«Интересно, Карина хоть понимает?..» — с ужасом подумала про себя Марина, в то время как её взгляд, скользнув по телу Линды вниз, намертво прилип к ширинке её джинсов, которая начинала подозрительно дыбиться...

— Дев... девчонки! — между забившейся в угол Мариной и увлечённой лесбийской парой, громко икнув, выросла неустойчивая, заспанная фигура Димедрола. — Я дико извиняюсь. О... оргия отменяется! Внизу сказали собирать манатки и вымётываться отседава.

— Серёж, осторожнее! Серёж... — Марина сердилась и смеялась одновременно, помогая Сергею попасть ключом в замочную скважину и протиснуться с гитарами в непроглядном узком коридоре его квартиры, где он никак не мог нащупать выключатель.

— Ба-ли-и-иин... — С облегчением повалившись на застеленную постель прямо в концертной одежде, Сергей запрокинул голову и прикрыл глаза рукой, загораживаясь от вспыхнувшего ночника. — Вертолёт, е...ать...

— Ну, ещё бы, столько выпить...

— Да-да, я пьянь...

— Пьянь-пьянь. Давай я тебя уложу. — Скинув платье, Марина выдернула из-под распластавшегося Сергея наброшенное поверх постельного белья покрывало и, оседлав его ноги, расстегнула на нём рубашку и джинсы.

— Пьянь, зато твоя...

— Моя-моя...

Одежда перелетела с дивана на спинку стула, лампа у изголовья смущённо моргнула и погасла. Всё ещё накрывая Сергея своим телом, Марина прижалась к его лицу горячими, запёкшимися губами. Он уже крепко спал.

* * *

— Серё-ёжка... — склонившись над Сергеем, Марина ласково зарылась лицом ему в волосы, когда он на следующий день, уже после полудня, сидел в своей маленькой разорённой кухне, с неприязнью глотая из большой кружки крепкий чёрный кофе. От него всё ещё пахло перегаром, взгляд был тяжёлым и хмурым.

— Ну, что ты, голова болит?

— Да. Немного.

— Ну, ничего, прогуляемся, и тебе станет легче, — присев перед ним на корточки, Марина с улыбкой заглянула ему в лицо и погладила напряжённую, нервно сжавшуюся руку.

— Мне. Не станет. Легче! Я не пойду на улицу. Я не могу видеть людей!

— Дорогой, ну что такое? — Марина поднялась и тяжело вздохнула. — Всё ведь вчера прошло отлично!

— Ага, прошло. Больше не повторится! — Резко отставив кружку, Сергей вскочил с табурета, быстрым шагом ушёл в кабинет, где стояло зеркало, и гневно уставился на своё отражение.

— Да почему не повторится? — воскликнула Марина, следуя за ним. — Публика собралась, всем твоё выступление очень понравилось! Если бы не эта дурацкая пьянка, так...

— Да ты хоть понимаешь, почему я так нажрался вчера?! — развернувшись к Марине, выкрикнул Сергей, почти с ненавистью глядя ей в лицо, с которого мгновенно сошла вся краска. — Мне невыносимо было весь вечер корчить из себя мужика!!! Невыносимо, понимаешь?!

— Да что за ересь ты несёшь опять!!! — ещё громче закричала Марина. — Сколько можно мучить меня?! Сколько?!! Когда мы наконец начнём жить нормально?!! Когда?!!

— Не ори на меня!

— Это ты не ори!!!

— Я СКАЗАЛ, НЕ ОРИ НА МЕНЯ!!!

Глядя, как он подходит к ней, Марина тихо ахнула и, похолодев, отшатнулась к стене. Он приблизился почти вплотную, продолжая кричать:

— Что ты понимаешь вообще!!! Играет тут в красавицу и чудовище!!! Конечно, вы же высшие существа! Вам всё можно! В платьицах нарядных бегаєте, все такие красивые! А я в этой чёрной робе, бл.дь!!! Навсегда, понимаешь?!! Навсегда!!!! — Закрывая руками покрасневшее лицо, Сергей сполз по стене в угол и тоскливо взвыл, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Господи!.. — Марина в слезах упала рядом на колени, обнимая его вздрагивавшие плечи и покрывая его голову и руки поцелуями. — Милый, родной мой!.. Боже мой... Ну прости меня, прости!

— Как же ты не понимаешь?.. — уже тихо, слёзно повторял он, не отрывая глаз. — Почему, почему никто не может понять...

— Тише, милый мой, всё будет хорошо, тише, — бормотала Марина, укачивая его в объятиях, как ребёнка. — Я здесь, я рядом, пожалуйста, не плачь...

— За что?.. Скажи, за что?.. Почему ты женщина, а я нет?.. За что тебе такое счастье, а мне — такое проклятие?!.. Почему? Почему я родился таким уродом? Почему не могу жить как все нормальные люди?..

— Любимый мой, дорогой... Ну, успокойся... Ну, у меня же сердце кровью обливается... Пожалуйста... Ты же видишь, мы сами не справляемся... Умоляю, родной мой, давай обратимся к врачам! Найдём психотерапевта... Самого лучшего... Тебе нужна помощь! Нам нужна помощь! Господи...

СЕРГЕЙ

Волосы сыпались на пол под невыносимый стрекот электрической машинки. Двигаясь и жужжа, лезвия быстро скользили по оголявшемуся черепу, оставляя за собой белые дорожки кожи...

«Мур... — отголоском звучали в мозгу слова Линды, — Мур... ты была великолепна...»

— Мур, на концерте ты была просто великолепна! — Ласково потрепав подругу по щеке, Линда подошла к зеркалу. — А я вот всё-таки крупная, пипец... Я там, рядом с Мариной и Кариной, таким чмом себя почувствовала, что хотелось убежать куда-нибудь и не возвращаться...

— Ну что ты, моя красота. Среди гешек лосих крупнее тебя сколько угодно!

— Да? Ну... Тогда это мне нра! — Линда засмеялась. — Но, если честно, я так и не поняла, на кой хрен я там вообще была нужна, Мур?!

— Да ты что, у меня бы без тебя ничего не вышло! И потом, для тебя самой это первая проба — узнать, каково это: быть по ту сторону сцены. Теперь Мур попробовала и сможет подумать над собственным репертуаром...

Линда одобрительно улыбнулась:

— Время покажет, Мур. Ты знаешь, я всегда открыта новому. Но главное, что все восхищались тобой, моя Мур! Ко мне в перерыве все подходили и спрашивали: что это за талантливая девушка поёт со сцены?.. Так что не спорь со мной, когда я говорю, что ты выглядишь как настоящая гешка!

Врёт... Ну почему Линда всё время врёт? Да ещё вот так глупо, походя, даже не стараясь звучать правдоподобно! В концертном образе и намёка не было на женщину. Да и не могло быть! Так, может, Линда вообще всё это время видела перед собой мужика и потому не ощутила разницы после отката?.. Она хотя бы догадывается, насколько всё плохо? Понимает, что Камиле пришёл конец?.. Хотя, по большому счёту, какое ей до этого дело... Зачем ей теперь-то стараться звучать убедительно, раз всё, что можно было с их дружбы поиметь, она уже поимела... Так что больше она и не скрывала, что «проект Камилы» упёрся в стену... Она ведь ещё до начала детранзишна мимоходом бросила:

— Ой, Мур, да делай, что хочешь! Если, по-твоему, гормоны тебе не помогают, зачем вообще ты их тогда пьёшь?..

Вот так, не задумываясь, мимоходом швырнула в лицо смертный приговор...

Б-зззззз!!!! — Одна за другой длинные тёмные пряди валились под ноги, складываясь на полу в отвратительную безжизненную паутину...

«Серёжа, так больше не может продолжаться... Я думала, ты принял решение и всё это останется в прошлом... Непохоже, чтобы ты оставил мысли о переходе...»

Марина... Вот уж кто всегда рубит правду-матку — и плевать на последствия! Лучше умереть — нет, сдохнуть, как собака, корчась в нечеловеческих муках, но зато с грёбаной правдой на устах! «Перестать быть мужчиной ещё не значит стать женщиной». Эти слова лезвием вонзились в сердце и потихоньку, неделя за неделей, расшатывали

в нём последнюю надежду... Марина всегда была как скала в своём убеждении, что биологический пол преодолеть невозможно. Максимум, считала она, можно «замаскироваться» и погрязнуть в бесконечных иллюзиях, которые она так заботливо и безжалостно разбивала в нём удар за ударом вот уже полтора года... А теперь ещё это её постоянное требование «наконец определиться и принять решение»... Что может быть хуже и невыносимей этого — всё время стоять в позе принимающего решение?! И только потому, что угораздило родиться с этой хренью между ног... За что это проклятие, за что???

С тех пор как он ушёл в откат, в каждой её фразе слышалась жаркая надежда, что к переходу он больше не вернётся, и одновременно — непреходящий страх, что это всё же произойдёт. И этот её страх, и эта надежда убивали его — снова, снова и снова! Каждый день. Каждый день!

— Серёжа, так больше не может продолжаться! — Марина резко вырвала у него из рук расплескавшуюся рюмку и, схватив со стола полупустую бутылку водки, демонстративно вылила содержимое в раковину. — Ты не работаешь, не занимаешься музыкой, даже на улицу не выходишь! И уже который день, как ни приду, ты пьян!

— А я не собираюсь больше работать, заниматься музыкой и выходить на улицу! И зачем, скажи на милость, мне оставаться трезвым?..

— Сергей, зачем ты устраиваешь весь этот демарш?..

— Это не демарш! Я ведь говорил тебе: жизнь мужчиной мне больше не интересует! Говорил? Полгода назад, год, полтора года назад — говорил же?! Но ведь тебе плевать было! Ты всегда лучше знала, что для меня хорошо, а что плохо! Главное ведь отказаться от перехода, верно? Гормоны вредные не пить, в морду ничего себе не колоть, женские тряпки не носить. А дисфория ничего — рассосётся как-нибудь сама! Ты ведь именно так и думала, а? Понимаю, тебя расстраивает, что всё не так, как тебе хочется. Но ведь я предупреждал, что детранзишн может оказаться тяжелейшим испытанием для нас обоих! Куда большим, чем переход! Предупреждал... Но ты считала, что всё это ерунда. А теперь не хочешь принять деяние своих рук!

— Ну, вот что, теперь ты меня послушай! — Всё так же стоя у раковины и скрестив руки на груди, Марина кинулась в контратаку. — Я понимаю: куда легче свалить на меня вину за то, что волшебные таблетки и инъекции не превратили тебя в женщину! Но уж извини, у меня нет волшебной палочки! Я никак не могла повлиять на этот процесс.

И я никогда не требовала от тебя бросить! Я давала тебе полную свободу издеваться над собой, сколько хочешь! И надо мной заодно...

— Видишь, как ты говоришь! Издеваться над собой... Вот-вот! Только так ты к переходу всегда и относилась! Думаешь, это не влияло на меня? Без поддержки близких переход невозможен! А ты... Ты камнем ложилась на моём пути, выступая против гормонов, одежды, косметолога... Против всего вообще!

— Ну извини, что меня не разрывало от радости! Что надо было — врать? Я лишь просила тебя хорошо всё обдумать — ты сам принимал решение! Когда ты начал детранзишн, меня даже рядом не было! Я знать не знала...

Сергей зло рассмеялся, перебивая её:

— Не знала она... Можно подумать, ты бы стала меня отговаривать!

— ...Я думала, — продолжала Марина, — что решение прекратить весь этот эксперимент было осознанным! Надеялась, ты хотя бы постараешься вернуться к нормальной жизни! А вместо этого ты демонстративно губишь себя у меня на глазах. Совсем не похоже, чтобы ты оставил мысли о переходе. Наоборот — ты будто вынуждаешь меня начать тебя уговаривать взяться за старое — лишь бы тебя спасти!.. Но там же нет положительного исхода, ты сам в этом убедился!

— Господи, да ты невыносима! Словно проверяешь на прочность — это подло, в конце концов! Что я должен сделать, чтобы доказать тебе, что с переходом покончено?! А??? Что???

— Ты обещал, что пойдёшь на психотерапию! Почему ты не держишь слово?

— Зачем мне психотерапия? Чтобы мне рассказывали, как классно быть мужиком? Я не хочу этого!

— Зачем вообще тогда было затевать весь этот детранзишн, раз ты ни на йоту не был готов к нему?..

— Ну, ты же так хотела этого! Ты именно этого страстно добивалась все полтора года! Ты ведь мечтала сделать из меня мужика, верно? Ну, вот такой мужик получается! Извини, другого у меня для тебя нет!

Опустившись на табуретку возле грязного кухонного стола, Марина слушала, сцепив руки на коленях и уставив пустой взгляд в пол. Затем она подняла сухие, выцветшие глаза на Сергея:

— Раз ты действительно всё это так воспринимаешь, может, тебе, и правда, стоит перестать себя мучить и вернуться к переходу?..

— Нет, — сухо ответил он, не глядя на неё. — Я теперь и сам считаю, что переход невозможен. Ты меня в этом убедила.

— Я не буду тебе мешать...

— Я это уже слышал.

— Хорошо, пусть я буду во всём виновата...

— Марина, прошу. Не надо занимать страдательную позу. Я ни в чём тебя не виню.

— ...Пусть я буду во всём виновата, — повторила Марина, примирительно касаясь его руки. — Но я прошу тебя, сходи к врачу...

Б-ЗЗЗЗЗЗЗЗ!!!! — последняя срезанная прядь, рассыпавшись, упала вниз.

— Ну, вот и всё, готово! — молодая, симпатичная парикмахерша любезно улыбнулась и убрала умолкнувшее орудие пытки в ящичек. — Принести второе зеркало, чтобы можно было посмотреть на себя сзади?

— Нет, спасибо. Сколько с меня?

Стараясь не глядеть на своё отражение, множившееся в бесконечных зеркалах парикмахерского зала под безжалостным излучением светодиодных ламп, Сергей быстро расплатился и, не дожидаясь сдачи, почти бегом выскочил на улицу.

«Мальш япьюиисмоьюютьипаники»

«ялюблю тбя»

«Какиьым бы я ходелти сделать тебя счастливой»

«Нотчтоя могу??»

«Простии меня. Всё сгорело...»

— Боже мой, Серёжа! — Марина осторожно, будто не веря глазам, провела рукой по его бритой голове. — Что ты с собой сделал? Зачем?

Сергей смотрел на неё мутно, по-свиному, его лицо, потеряв привычную раму волос, казалось чужим, постаревшим, изношенным.

— Не знаю. Нашло... Мужик как мужик... Какая разница, как выглядеть. Мужик и должен быть таким, а? Лысым. Небритым. Это на... называется брутальность... Согласна?..

— Нет, не согласна. Мне жаль. Я любила твои волосы.

Сергей горько усмехнулся:

— Ну вот... опять не угодил...

Марина достала телефон:

— Ну а это что? — Она показала сообщения. — Я летела сюда как сумасшедшая. Думала, что-то случилось. Что это за письма такие?

Сергей пожал плечами:

— Прости... Трудно... — Он потёр отяжелевшую голову ладонью. — В буквы попадать трудно. На телефоне. Мелкие буквы...

— Сколько ты выпил?

— Не знаю. Много.

— Да я вижу... — Марина ещё раз взглянула на невнятные сообщения. — Про любовь и раскаяние я поняла, а вот первое? Первое послание своё можешь расшифровать?

Дрожащими пальцами Сергей залез в сигаретную пачку, но, тщетно прокручивая кремень зажигалки и так и не сумев её зажечь, бросил сигарету обратно на стол.

— Забей. Глупость.

— Нет уж, скажи.

— «Пью и смотрю картинки».

— Картинки? Какие?

Он зажгёт экран своего телефона и показал Марине:

— Такие. Посмотри. Ей за пятьдесят. А она красивая женщина...

— Кто это?

— Понятия не имею. Какая разница. Я рядом с любой из вас... Красавицы и чучело...

— Серёж, ну зачем ты себя мучаешь... — Марина присела на корточки и снизу вверх заглянула ему в глаза. — Быть мужчиной не значит отказываться от всего, что тебе нравится. И длинные волосы, и уход за собой — многое, что доставляет тебе удовольствие, можно оставить!

— Женщиной. Мне это нравится женщиной! Мне сама роль мужика противна. Требования. Ожидания общества. А ты... предлагаешь жить каким-то метросексуалом! Для этого себя любить надо. А я себя ненавижу...

— Но надо же что-то делать... Ты ведь не одного себя на дно тащишь, но и меня следом. Я не могу больше смотреть, как ты себя убиваешь. Ты должен взять себя в руки...

— А если нет, тогда что? Бросишь меня?

— Тогда ты ставишь меня перед чудовищным выбором. Оставить тебя погибать или утонуть вместе с тобой. — Она опустила голову ему на колени. — Дай хоть малейший шанс тебе помочь. Я прошу, сходи к психотерапевту!

Сергей рассмеялся. Марина подняла голову и непонимающе взглянула на него.

— Извини... — сказал он, подавляя нервный смех. — Я был там. У твоего мозгоправа.

— Да ты что? Когда?

— Три дня назад.

— Почему ничего не сказал?

— А ты не спрашивала. Ты ведь вообще больше недели не появлялась.

— Да, не появлялась. После нашего последнего разговора, думаю, ты догадываешься, почему.

Сергей помолчал.

— Да. Понимаю. Прости, я тогда сорвался. Снова... Мне очень плохо...

— Я понимаю. Ничего, — Марина ласково, по-матерински погладила его по щеке. — И ты меня прости. Расскажи, что она сказала?

— Кто?

— Психотерапевт.

— А... — Сергей махнул рукой и хмыкнул. — Да ничего. Отказалась от меня.

— Как это? Почему?

— Потому что я мусор. Никому не нужный отброс общества. Не подлежащий исправлению.

— Не верю. Она не могла так сказать.

— Ну, не так. Интеллигентно. И она права. Я сам это знаю.

— Не говори ерунду! Что именно она сказала?..

— Что заставило вас отказаться от перехода? — Молодая, симпатичная психотерапевт смотрела участливо, чуть склонив голову набок, и покусывала колпачок шариковой ручки, которой время от времени делала пометки в раскрытый блокнотик.

Сергей пожал плечами:

— До недавнего времени оставалась надежда, что будет какой-то прогресс, но потом стало очевидно, что это иллюзия. Каждый раз, выходя в женской одежде из дома, я поначалу чувствовал себя лучше, но, посмотревшись на сотни встреченных по дороге женщин, потом подходил к зеркалу и ужасался, что таким чучелом разгуливал по улице.

— На мой взгляд, вы излишне к себе придираетесь. Ваша внешность гендерно нейтральна. Когда вы вошли, четверо из шести сотрудников клиники, включая меня саму, приняли вас за женщину. Так что я не вижу препон жить в комфортной для вас социальной роли.

— Моя девушка считает иначе.

— Ваша девушка?

— Да. Она всегда была против перехода и говорит, что женщины из меня не получается.

— Почему вы ей верите?

— Ну... Она ведь сама женщина. Ей виднее со стороны.

— Вот как... — Многозначительно приподняв брови, элегантная молодая дама напротив снова что-то быстро записала в блокнот. — Но ведь я тоже женщина, а говорю вам совсем другое. При этом моё мнение непредвзято, ведь у меня нет личной заинтересованности.

— Нет более беспристрастного судьи, чем собственное отражение, — отрезал Сергей твёрдо.

— Ну, вы знаете, — возразила психотерапевт, — многие трансгендеры, которых мне доводилось встречать, выглядят куда менее феминно, но при этом не сомневаются в правильности своего гендерного выбора.

Сергей раздражённо покачал головой:

— Я не знаю, как они живут, это их дело. Сравнение с другими транс-ами меня не интересует. Только с настоящими женщинами. Потому что, если все видят, что на самом деле ты переодетый мужик, какой смысл в этом вечном позоре?

Психотерапевт усмехнулась:

— Должна отметить, вы фантастически упрямы. Даже если тысяча человек подойдёт к вам и скажет, что вы выглядите как женщина, всё равно же не поверите... — Она на время задумалась. — Скажу честно, ваш случай очень сложный. Вы, похоже, совсем не умеете смиряться с обстоятельствами и принимать себя таким или — такой, как есть. Ни мужчиной, ни женщиной.

— Скажите прямо: по-вашему, можно сделать из меня мужчину?

Психотерапевт замялась.

— Выбор остаётся за вами. Но в положительном исходе детранзишна я сомневаюсь. Небольшой шанс есть в тех случаях, когда дисфория проявляется не перманентно, а дискретно, и завязана на гомосексуализме... Но это не ваш случай. Так что психотерапия в сторону принятия мужской роли займёт минимум несколько лет, и нет никаких гарантий, что она поможет. Вряд ли вы ядерный транссексуал, иначе бы ни минуты не колебались. Но переделать психику, которая формировалась сорок лет, крайне сложно. А учитывая ваш характер...

— Так что, возвращаться к переходу?

— Я не в праве давать таких советов.

— Ну а если я вернусь и опять застряну на середине?

— Уверена, именно так и будет. И в этом случае я не возьмусь за вас, потому что вы вынесете мне весь мозг, а толку не будет никакого. Вот... — Она записала что-то на отдельной странице блокнота и, вырвав листок, протянула Сергею. — Это лучший специалист в стране. Возможно, он поможет лучше, чем я. — Она поднялась, давая понять, что приём окончен. — Денег я с вас не возьму. Ведь при любом раскладе вы бы остались недовольны результатами нашей беседы.

На неровно оторванном блокнотном листке ломаным почерком было выведено: «Профессор Михаил Петрович Орлянский».

— Профессор Орлянский? — прочитала Марина. — Ты что-нибудь знаешь о нём?

— Слышал. К нему долго ходил Василий, ФТМ наш, который с Линдой встречается. Добивался от него разрешения на ОП.* Тот ни в какую...

— Так, может, он честный, ответственный?.. Прошу, не сдавайся! Сходи к нему обязательно, та мадам просто была некомпетентна...

— Разумеется, — саркастически усмехнулся Сергей, — раз врач зарубает трансов, значит, честный. Твоё маниакальное желание меня вылечить любой ценой поистине достойно восхищения...

— Серёжа, я...

— Ну, не смотри глазами раненой лани. Я и сам считаю, что это болезнь. А раз болезнь, пусть лечат... — Он откинулся затылком к стене и устало прикрыл глаза. — Я пойду к нему, не переживай. Пусть выпишет что-нибудь... нейролептики, электрошок, лоботомию... Что угодно. Лишь бы мне стало всё равно...

— Тебе нужно отдохнуть, Серёжа. — Марина потянула его за руку с табурета. — Уже поздно, давай ты ляжешь спать.

— Да, да... — Сергей тяжело встал и побрёл к неубранной постели. — Я и пью, чтобы спать. Всё время бы спать, не просыпаясь... Но, как назло, бессонница... Водка уже не помогает...

Он растянулся на подушках, Марина, обняв его, устроилась рядом.

— Прости, малыш. Я тебя задёргал. — Он провёл рукой по её влажной щеке. — Не плачь. Ты не виновата, что не понимаешь... Цисгендер никогда не поймёт трансa. Это просто невозможно. Умом я это уже

* Операция по смене пола. В данном случае — ампутация груди и женских половых органов (матки, влагалища) с последующей фаллопластикой (созданием искусственного мужского полового члена и яичек).

осознал, но сердцем... Трудно принять безысходность. Фатальное одиночество... Марин, что ты делаешь?

Маринины пальцы замерли на нижних пуговицах расстёгнутой блузки, уже сползавшей с её плеч и открывавшей кружевные чашки бюстгалтера.

— Я?.. Я думала... Мы ведь не были вместе после того, как...

— Ясно.

— Прости... Я не так поняла, я... Ты написал «люблю», и... Ты не хочешь, чтобы я осталась?..

— Малыш, извини. — Сергей отвернулся к стене и закрыл глаза. — Сейчас в моей жизни не видно просветов. Не принимай на свой счёт. Конечно, ты можешь остаться. Прости, меня рубит...

— Спи, милый, спи, ты так измотан... — Марина быстро запахла блузку на высокой груди и, обхватив себя руками и поджав колени, устроилась на самом краешке старого дивана. — Я просто побуду этой ночью рядом, ладно? Не хочу возвращаться в пустую квартиру...

МАРИНА

— Зачем вы его обманываете? Как вы можете?.. Ведь это жизнь! Это человеческая жизнь!.. — взывала на повышенных тонах Марина, глядя в сдержанное, солидное лицо пожилого мужчины, сверлившего её пронзительным взглядом бесстрастных чёрных глаз.

Перед ней сидел профессор Орлянский. Человек, к которому она ещё недавно вместо бога обращалась в беззвучной молитве о чудесном спасении. Человек, который, словно хладнокровный убийца, уничтожал в ней последнюю надежду.

С того момента, как впервые на оборванной странице блокнота она увидела его фамилию, потянулись долгие недели, за ними месяцы. Беспросветные, вязкие, как трясина, и невыносимо одинокие, они сложились в один непрерывный день сурка, наполненный бессмысленным ожиданием. Потерянная, неприкаянная, как проклятая душа, Марина с сумкой рекламных листовок изо дня в день месила ногами грязевую кашу питерских дворов, под дождём и промозглым ветром ощущая на себе, как поздняя осень нудно и мерзко линяет в зиму.

С Сергеем они почти не виделись. Каждый вечер Марина, как в ловушку, возвращалась в снятую ею пустую квартиру, которая так и не стала домом для её выдуманной новой семьи. Нырять в холодную постель и прислушиваясь в темноте к молчанию мобильного, она старалась как можно скорее уснуть, чтобы не начать снова думать и плакать.

Новости о ходе лечения у профессора Орлянского Сергей, всячески теперь избегавший личных встреч и даже телефонных звонков, сухо и коротко сообщал в переписке. Как и дама-психотерапевт, профессор Орлянский уже на первой встрече заявил, что гендерная дисфория не лечится. «Не существует никаких показаний к транзишну, — пояснил он, — есть только отсутствие противопоказаний. Бывает, что дисфория развивается на почве психических заболеваний, но у вас их нет. Так что переход для вас — только вопрос выбора». В то же время, по словам Орлянского, в поведении и суждениях Сергея наблюдался ряд факторов, противоречивших истинному транссексуализму. Дисфория, утверждал он, должна была проявиться ещё в пубертатный период в виде каминг-аута или членовредительства. Да и само наличие колебаний относительно перехода рождало почву для сомнений. Спустя несколько сеансов профессор пришёл к выводу, что желание другого гендера у его нового пациента — это сублимация сексуального влечения, которое с детства было искажено и направлено не вовне, а внутрь себя. Однако и эти выводы, к отчаянию Сергея и Марины, нисколько не прояснили ситуацию. Орлянский по-прежнему утверждал, что работа в сторону принятия своего биологического пола для Сергея бесперспективна. Всё, что он мог предложить, — терапевтическое сопровождение в случае возвращения к переходу, а пока — усиленный курс антидепрессантов. «Если вы не согласны с моими выводами, — заявил он Сергею, — давайте созовём консилиум. Или вы можете поискать других специалистов. Но скажу сразу: я знаю только одного врача, который имеет альтернативный взгляд на дисфорию и вроде бы попытается её лечить, но медицинское сообщество относится к этим экспериментам с большим скепсисом».

Людмила Вахновская, дочь известного советского психиатра, была сторонницей консервативных взглядов и не скрывала этого. «Случай истинного транссексуализма встречается один на сто тысяч, а количество желающих сменить пол растёт с каждым годом, — писала она в своих экспертных статьях. — Такая губительная тенденция — следствие деструктивной западной „политики разнообразия“. Подростков сбивают с толку, выдавая за гендерную дисфорию трансвестизм, шизофрению, гомосексуализм или даже обычную инфантильность характера. Их сажают на неадекватную гормонотерапию, которая приводит к тяжёлым эндокринным нарушениям и сердечно-сосудистой патологии, и тем самым вместо помощи окончательно ломают психику. Есть рамки, которые человек не должен переступать: трансгендерность — это психиче-

ская аномалия! Ты не девочка? Не мальчик? Может быть, ты лошадка? Тогда уж самое время обсудить и лошадогендерный переход».

Клиника Вахновской хвасталась благодарными отзывами пациентов за то, что вовремя отговорили от смены пола; в подпольной же трансгендерной среде Вахновскую ненавидели и боялись, распространяя о её медучреждении всевозможные тёмные слухи: там не помогают, а только избивают, лгут, издеваются... Как обстояло дело в действительности, выяснить заранее не представлялось никакой возможности, тем более что клиника находилась в другом городе. К огромному разочарованию Марины, онлайн-консультация, которую Вахновская дала Сергею, точно так же не внесла в ситуацию ничего нового.

— Не могу так сразу сказать, истинная ли у вас гендерная дисфория, — ответила Вахновская на вопрос Сергея. — У моего отца был случай, когда к нему обратился мужчина шестидесяти лет, и на комиссии выяснилось, что он настоящий транссексуал. Так что не всегда люди с таким диагнозом проявляют себя в попытках суицида или нанесения себе увечий в раннем возрасте.

На вопрос, возможно ли избавиться от навязчивого желания другого гендера, если дисфория не подтвердится, Вахновская отвечала всё так же уклончиво:

— Чем позже выявляется патология, тем сложнее её лечить. К сожалению, родители, замечая странности в поведении детей, часто прибегают к наказаниям, тем самым только укореняя девиацию. А теперь встречается и обратная крайность: наслушавшись квир-пропаганды, взрослые начинают поощрять в детях наметившиеся отклонения вместо того, чтобы отвести их на адекватную психотерапию. Вот и получается, что с психическими проблемами, которые надо было корректировать в пубертатном возрасте, к нам приходят взрослые, сложившиеся личности. Тридцатилетние, сорокалетние... И тогда на коррекцию уходят годы, и далеко не всегда успешные...

По итогу консультации Вахновская предложила ровно то же, что и профессор Орлянский: медицинское обследование с последующим консилиумом, а дальше — сплошная туманность и никаких гарантий реального лечения. Существенное отличие заключалось лишь в том, что Вахновская заломила за свои услуги огромную цену; Орлянский предлагал всё то же самое совершенно бесплатно, в режиме работы обычного психдиспансера. Круг замкнулся — Сергей вернулся к Михаилу Петровичу. Созванный консилиум дисфорию не подтвердил, выведя расплывчатое: «особенности сексуального поведения»; на ре-

комендации к переходу, впрочем, это заключение никак не повлияло. Противопоказаний нет, повторил Орлянский, остальное — дело личного выбора.

И теперь, ворвавшись к профессору в кабинет, Марина смотрела в его пронзительные чёрные зрачки и требовала ответов, которых не было.

— Зачем, зачем вы его обманываете? — повторяла Марина. — Ваш переход — всё равно что падение в пропасть! Только вдумайтесь сами, что вы ему насоветовали? Игнорируя общество, называть и вести себя так, как хочется? Окружить себя только теми, кто это принимает?.. Но ведь это невозможно! Вы сами прекрасно знаете, что это невозможно! Любой, кто приглядится, сразу поймёт, что перед ним не женщина, и Сергей сам прекрасно это чувствует! Что же вы ему предлагаете — жизнь изгоя?.. Навсегда замкнуться в узком транс-сообществе, где каждого волнует только собственная боль?.. Да неужели вы думаете, что он сможет с этим смириться!.. Он ведь умный! Талантливый! Боже мой, если бы вы знали, какой он талантливый... И всё! всё прахом! Из-за этого проклятого безумия... безумия... — Марина закрыла лицо руками.

— Мне жаль, — воспользовавшись паузой, ответил Орлянский. — Я понимаю ваши чувства. Но я бы никогда не стал лгать своему пациенту. И вам повторю то же, что говорю ему: примирить Сергея Волкова с мужским гендером невозможно! Это всё равно, что лечить гомосексуализм. Как с этим жить, решать только самому человеку, но выбор невелик: адаптироваться к более комфортной форме существования или мучиться до конца дней.

— Но ведь вы сами не давали разрешения на переход трансгендерам!

— Нет. Я не давал разрешения на хирургическую операцию по смене пола, которая гендерным меньшинствам не всегда требуется. А социальные роли — это условность. Вы знаете, что в МКБ 11* трансгендерность исключена из списка психических расстройств? Это ведь сделано не просто так. Мировое медицинское сообщество пришло к выводу, что это не болезнь, это особенность личности.

— Ах, особенность личности?! — воскликнула Марина, поднимаясь со стула. — Люди калечат свои тела и души, а вы от бессилия предлагаете

* Международная классификация болезней 11 пересмотра.

считать это новой нормой?! Не может быть нормой то, что приносит столько страданий!!! Вы слышите меня?! Не может!!! НЕ МОЖЕТ!!!!

— Марина?.. — изумился Сергей, переступив порог кухни. — Что ты здесь делаешь?..

Несмотря на депрессию и постоянный стресс, который одолевал Сергея при каждом выходе на улицу, нехватка денег даже на самое необходимое в конце концов вынудила его снова выбираться на унизительный заработок разносчика рекламных объявлений. Вернувшись домой после такого обхода, он никак не ожидал застать картину, представшую его глазам. За грязным кухонным столом, оплыв на табурете, с початой бутылкой водки в руке сидела Марина. Густые, потускневшие волосы спутались. Тушь, комками размазавшись по её пьяному, зарёванному лицу, синяками легла вокруг покрасневших глаз.

— О! — вскинув плывущий взгляд на вошедшего хозяина квартиры, Марина подняла бутылку вверх, как бы в приветствии, и с выдохом сделала глоток прямо из горла. Мученически сморщившись, она тут же закашлялась.

— Марина, какого чёрта ты тут делаешь?! — уже гневно переспросил Сергей.

— У-у... как не приветливо... — пьяно усмехнулась Марина. — Похоже, ты совсем не рад меня видеть?..

— Я бы предпочёл увидеть тебя после предварительного звонка и в нормальном виде. Что с тобой такое? Что-то случилось?

— Ты... — Марина потёрла глаза рукой, ещё сильнее размазывая тушь по лицу. — Ты случился со мной... Я... зашла поговорить...

Сергей смотрел на неё и вопросительно молчал.

— Я у Орлянского была. Хотела сама его спросить, так ли уж хорошо тебе стать женщиной... В глаза ему глядя... — Она истерически расхохоталась. — Вот я дура-то! Обсуждать ведь давно нечего, а?.. — вынув из-под стола вторую руку, она разжала ладонь, в которой лежали пачки с гормональными таблетками. — Сколько ты их пьёшь опять?! — Она демонстративно вынула капсулы и бросила на стол. — Они уже почти кончились!

— Не думал, что ты опустишься до такого — вламываться ко мне без предупреждения и снова лазать по тумбочкам.

— А я не думала, что ты будешь мне лгать! — Марина с грохотом поставила бутылку на стол. — Когда ты собирался мне сказать, что давно вернулся к переходу?!

— Я не вернулся к переходу! Я снова стал пить гормоны, надеясь, что от них просто психологически станет немного легче...

— Просто?! — Марина попыталась вскочить с табурета, но пошатнулась и повалилась обратно, заливаясь истерическим смехом. — Просто пить женские гормоны!.. Без перехода, просто так! Аха-ха-ха-а-а!

— Да! Давай, хохочи громче! Мужик, мечтающий стать бабой, это же так весело, да?! — закричал, заводясь, Сергей, пока Марина корчилась от хохота, перераставшего в громкие рыдающие всхлипы.

— Каждую ночь, — застонала она, — я ждала, что ты позовёшь меня, каждую ночь... после того единственного раза... А ты, выходит, совсем... Совсем не любишь меня! Совсем!..

— Да, разумеется, самое время поговорить о любви! С переходом моим ты справилась — главное зло побеждено! Теперь осталось про любовь решить!

— Что ты несёшь!.. Да что ты... — Марина схватила бутылку со стола и сделала ещё один быстрый глоток, на миг задохнувшись спиртовыми парами. — У тебя сердце из камня! Откуда тебе знать, что для женщины значит любовь!..

— Любовь! Любовь! Любовь! У тебя прямо магия этого слова! Уже скоро два года, как только его и слышу! — яростно прокричал в ответ Сергей, подступая к ней. — Но разве можно любить человека и одновременно так плевать на его истинную сущность?! Давай, продолжай, дорогая! Твои пьяные слёзы и признания в любви — гарантированное средство от дисфории!

— Какая же ты сволочь... — простонала Марина вполголоса. — Жестокая, бессердечная сволочь... Играешь мной, как куклой! Превратил меня в помойное ведро для душевных отходов! А когда не нужна, можно зашвырнуть в пыльный угол, да?! Чтобы неделями одна сидела, ждала тебя! А потом хоба! — прости, дорогуша, ты зря ждала! У меня тут развлечения поинтереснее!!!

— Чёрт! Да ты и умирающего от рака упрекнёшь в недостаточном внимании к тебе! — Сергей ударил рукой по стене. — Я жестокая сволочь?! Прекрасно! А меня, видно, должно растрогать твоё вытьё по утраченной потенции! Извини, тут нет того мужика, с которым тебе хотелось поваляться в койке!!! Нет и не было никогда, поняла?! Не было и не будет!!!

— Да как ты смеешь?! Как ты... Я тебе всю! всю себя отдавала! Без остатка!!! — Марина снова рванулась с табуретки, отпихивая Сергея с прохода. — А ну, пшёл с дороги! Ты же меня любому отдать был го-

тов, лишь бы я тебя бабой приняла?! Вот и отлично! Пойду найду себе мужика в первой же подворотне! Пусть заставит сделать себе минет, поставив меня на колени!!!

— Марина, прекрати! — грубо схватив и развернув её лицом к себе, Сергей несколько раз встряхнул Марину за плечи. — Прекрати вести себя, как пьяная идиотка! Слышишь?!!

— Убери руки от меня! — резко вырвавшись, Марина, спотыкаясь, бросилась к двери и стала по-быстрому, неуклюже одеваться.

— Марина, послушай...

— Пошёл нахрен!..

Дверь с грохотом хлопнула, сотрясая стену.

Опустившись на табурет, ещё хранивший тепло Маринино тела, Сергей некоторое время сидел неподвижно, склонив голову к коленям. Затем он с трудом поднялся. От острой головной боли начинало мутить. Он достал из ящика пачку выписанных Орлянским антидепрессантов, вынул таблетки из упаковки и выдавил две штуки себе на ладонь. С минуту подумав, добавил ещё несколько таблеток, потом ещё и ещё. Налил водки в стакан, загрузил горсть таблеток в рот и сделал большой глоток. Спрятав в изгиб локтя скорчившееся лицо, он не сразу смог восстановить дыхание. Затем медленно добрёл до дивана и рухнул на него, закрывая глаза рукой. Разрывавшаяся от боли голова начинала тяжелесть. Где-то в темноте, в глубине внутреннего пространства замаячил подвижный белый огонёк...

...По залитой солнцем улице шагала женщина. Стройное бедро, вылетая в разрез длинного подола, двигалось в такт лёгкому перестуку её высоких каблуков. Идя ниоткуда в никуда, она шурилась от летевшего на неё ослепительного света и радовалась новому дню...

— Серёжа! Серёжа!!! СЕРЁЖА!!!!

Сквозь щель между ресниц из глубокого сна выплыло склонённое, бледное от ужаса лицо Марины.

— Серёженька, милый, боже мой! Да очнись же, очнись, прошу тебя!..

Сергей медленно приоткрыл глаза и слегка пошевелился. Всё тело затекло, будто по нему бегали тысячи иголок. Увидев, что он приходит в себя, Марина перестала его тормошить и упала головой ему на плечо.

— Почему ты вернулась?.. — пробормотал он, силясь высвободиться из её объятий.

— Не знаю... В той квартире такая пустота... Места себе не находила до самого утра. Начала звонить, ты не отвечаешь!.. — Отпустив его, она сползла на пол и села у стены в углу, поджав колени к груди. — Что ты натворил, Серёжа?.. Я вхожу, на столе пустые пачки транквилизаторов. И ты на постели как труп! Я подумала, ты умер... Может, скорую вызвать?..

Сергей энергично затряс головой:

— Нет! Ни в коем случае. Я в порядке.

— Ох, котик мой, родной, хороший, ну зачем ты так со мной, зачем, зачем?.. — Марина плакала.

— Прости, что напугал. Ты ушла, со мной такое началось... На стенку лез. Терпеть было невозможно. Собрал разом все таблетки, что оставались, и выпил.

— Отравиться хотел?

— Не знаю, чего я хотел. Отключился, потом часа в два ночи проснулся, сходил вытошнил и опять уснул. Пока ты не пришла.

— Милый, родной мой, ну как ты мог... как ты...

— Зато мне такой сон снился, ты бы знала. Живо и ярко всё, будто по-настоящему. Я женщина, в роскошном красном платье... И волосы пышные по плечам... Волосы теперь каждую ночь снятся...

— Боже мой, боже... — Прикрыв голову руками, Марина всё так же сидела на полу у стены и раскачивалась, как еврей на молитве, тихо причитая: — Это всё я виновата! Это я, я виновата! Виновата... виновата...

— Да брось... В чём ты виновата? Не ты же меня родила.

— Я виновата... я виновата...

— Иди сюда, — Сергей подвинулся, жестом приглашая Марину на освободившееся место. Она послушно поднялась с пола и устроилась рядом. Он продолжил: — Никто не виноват. Мы ведь оба не думали, что так получится. Когда я бросал переход, я ведь, и правда, был уверен, что справлюсь... Просто вернусь назад, и всё... — Он ненадолго замолчал, прикрыв лоб тыльной стороной ладони, как будто остужая несуществующий жар. — Я ошибался. Всё совсем не так работает. Внешне откат происходит буквально сразу. Два месяца простоя как языком слизали все мои усилия двух лет... Но психика уже продвинулась туда, по переходу, понимаешь? В душе я так и остаюсь на той точке транзишна, с которой покатился вниз... Как тебе объяснить?.. Это как корсет. Гипсовый корсет, который всё время на тебе... — Сложив пальцы крабом, Сергей крепко сжал ладони в кольцо, будто раздавливая невиди-

мый предмет. — Он тебя сжимает. Душит каждую секунду. Что бы ты ни делал. Пытка, от которой невозможно избавиться... Знаешь, я ведь совсем недолго продержался. После концерта ещё несколько дней, а потом снова стал наряжаться женщиной и выходить так на улицу. Даже когда я сжёг последний мост и сбрил волосы, я ещё некоторое время не мог остановиться. Снова достал с антресоли парики, стал гримироваться, как в первые дни перехода. Но быстро понял, что в таком виде косить под женщину уже не получается... Что я опять превращаюсь в ужасного трансвестита, которым не хочу больше быть... И тогда стало так плохо, что и водка уже не помогала. А врачи твои ничего путного не посоветовали... Вот я и начал снова пить гормоны. Чтобы хоть на время обмануть самого себя... Типа что-то делаю... Но ведь принимать гормоны и одновременно пить и курить — это шаг вперёд и три шага назад. Алкоголь нейтрализует действие гормонов. Не говоря уже о том, что они и раньше на меня почти не действовали. Так что я, наверное, снова их брошу. Хотя какая разница...

— Ты поэтому стал избегать меня? — подавленно спросила Марина. — Не хотел рассказывать?

— Да. Во многом поэтому. Но ещё и... — Сергей замялся, подбирая слова. — Понимаешь, пока я один, я как бы никто. Осознание гендера приходит в момент коммуникации. А наши отношения всегда строились по принципу мужчина и женщина... И каждый раз я испытываю боль, видя, как ты любишь его... Того, кого я ненавижу... Страдаешь по той части меня, от которой я мечтаю избавиться... Я снова и снова пытаюсь тебе это объяснить, а ты будто не слышишь. Словно я кричу в пустоту... И это бьёт по моим чувствам к тебе всё равно что кувалдой! Мне становится всё тяжелее видеть и слышать тебя, ведь ты теперь жёстко ассоциируешься у меня с травмой...

Сидя неподвижно и слушая его, Марина не издавала ни звука. Когда он закончил, в комнате надолго стало тихо.

— Как ты думаешь... — Марина на мгновение остановилась, не договорив, потом так же несмело продолжила: — Как думаешь, это конец?.. Между нами?..

Сергей ответил не сразу. Он всё так же лежал головой на измятой подушке и был так бледен, что, стоило ему прикрыть глаза, снова напоминал покойника.

— Не знаю... Прошу, избавь меня от необходимости решать. И продолжение отношений, и разрыв для меня большой стресс. Но ты ведь сама видишь, что я ни на что не способен.

В комнате снова повисла тяжёлая пауза. Склонив голову, Марина беззвучно шептала что-то себе под нос одними губами, потом уже громче, разборчивее произнесла:

— Всё это время ты был всем для меня... Мой возлюбленный. Мой самый близкий друг. Немного даже мой ребёнок...

— Мужчина, — глухо отозвался Сергей. — Для меня это всё перечёркивает.

— Знаешь, я была такая глупая. Я ведь искренне верила во всемогущую силу любви. Думала, любовь сама по себе значит так много... Всё может исправить, всё изменить. Даже когда на первый взгляд это невозможно. А оказывается, любовь ничего не значит... ничего не может изменить...

Сергей сохранял молчание. Подумав ещё немного, Марина спросила:

— А если всё же я приму переход? Если соглашусь с тем, что врачи правы?..

— Нет, малыш, ты не сможешь. В душе ты ведь ни на йоту не поменяла своего восприятия. А значит, придётся врать... Ты этого долго не выдержишь. Да и мне от твоего смиренчества будет только хуже. Ведь я буду видеть твою ложь... А самое главное, я ведь и сам понимаю, что положение моё безнадежно. На то, что из меня получится сделать нормального мужчину, я ставлю не больше одного процента, а на то, что выйдет убедительная для общества женщина — и того меньше. Так что останется в итоге?.. Жалкая жизнь психического инвалида. Или смерть.

— Но музыка?.. — воскликнула Марина. — У тебя ведь остаётся ещё музыка! Она всегда была твоей второй страстью, помимо... — Она не договорила. — Подумай, мы могли бы вернуть тебе твою студию, твоё дело. Не хочешь ни с кем встречаться — ну и что?.. Я буду всё лишнее делать за тебя, я справлюсь не хуже Линды! Только, в отличие от неё, я всё буду делать ради тебя одного... А ты будешь сочинять замечательную музыку, писать свои искромётные тексты... Любимое дело — это ведь так много! Это ведь целый мир, Серёжа!

— Нет... — Сергей решительно покачал головой. — Со всем этим покончено, и возврата нет.

— Но почему?!

— Я всё отдал Линде. И договора все на неё переписал.

— Как переписал?.. Да ты что! — испуганно вскрикнула Марина.

— Так... Она этого хотела, а я ничего не хочу больше. Пусть забирает всё. Аранжировщика найдёт себе нового, а с остальным и сама справится, ничего сложного...

— Ну уж нет, мы всё вернём! Я поговорю с ней!

— Даже не думай! Я по доброй воле всё ей отдал и не возьму назад. И давай закроем эту тему. — Он потёр отяжелевшие веки и отвернулся к стене. — Слушай... Глаза слипаются... Давай как-нибудь в другой раз поговорим... Голова... кружится.

ЛИНДА

— Как, ты всё ещё здесь?.. Я думал, ты давно ушла. — Очнувшись после очередного забытья, Сергей вновь увидел смутный Маринин силуэт, темневший, подобно привидению, на фоне узкого замусоленного окна. Ущербный зимний свет, еле достигавший её лица, высветлил только лихорадочный блеск её застывших глаз.

— Люблю свою самую в мире Мур?!.. — охрипшим, как будто чужим голосом произнесла она неожиданно. — Мур моя жизнь?!!

— Что?.. Ты что такое несёшь опять? — Страхивая остатки сна, Сергей приподнялся на локте, силясь разглядеть близорукими глазами, что делает Марина. — У тебя что, мой телефон?! Ну-ка, отдай немедленно! — Он вскочил на ноги.

— А вот тут про меня! — повысив голос, продолжила Марина, также молниеносно вскочив с места и отбежав к двери. — «Мур, ты же знаешь, ты главный человек в моей жизни! Хочешь, чтобы я послала малышку? Ты только скажи!»

Выхватив у неё из рук мобильный, Сергей резко отшвырнул его на диван.

— В переписке моей теперь рыться вздумала?! Что ж, поздравляю! Каждый раз ты пробиваешь очередное дно!

— Что это за дерьмо, Сергей?! — завопила Марина, отталкивая его от себя и отбегая в сторону. — Что у вас там происходит?!

— Ничего. Успокойся! Это просто слова, они ничего не значат!

— Не значат?! Да как это не значат! У вас вся переписка такая! Вы будто любовники!!! Я из тебя ласкового слова вытянуть не могла, а с ней!.. с ней!..

— Малыш, успокойся, пожалуйста! — Сергей попробовал сменить тон и обнять её, но Марина вывернулась и снова отбежала в сторону. — Повторяю, это просто такая манера общения, и всё. Пойми, у нас с ней однополюсные отношения — мы подруги! Это ты меня мужчиной считаешь, а она-то — женщиной! Мужу не к лицу телячьей нежности. А подруги — они запросто могут говорить друг другу «люблю, скучаю». Тем более Линде такая манера нравится!

— Подруги?! По-твоему, женщины так между собой общаются?! Вы общаетесь не как подруги, а как... как...

— Ну? Кто?!.. Давай, договаривай, раз начала! Как извращенцы — ты это хотела сказать?!..

— Да!!! Да, чёрт возьми! Я и представить не могла, до какой низости эта тварь тебя довела! Раздавила, подмяла под себя, пользуясь твоей болезнью! Обворовала всего!.. А ты... Ты ради неё с грязью меня смешал, лишь бы доказать свою собачью преданность!

— Замолчи!.. — Сергей заметался из угла в угол. — Замолчи, я не собираюсь выслушивать твои оскорбления! Я никогда не указывал тебе, с кем и как общаться! Какого же хрена ты лезешь в мои отношения с другими людьми?!

— Хороши люди, нечего сказать! Ты что, с панели её подобрал?! Линда — бывшая проститутка?!

— Ты сколько прочитала вообще?!

— Достаточно, чтобы понять, в какую грязь ты залез! Грязь... грязь... — Блуждая глазами, как безумная, Марина схватилась за голову и опёрлась на стол. — Отец семейства бросает малых детей, а сам едет задницей торговать, чтобы получше устроиться! Ты из этого икону себе создал?!

— Ну да, ты же у нас вся в белых ризах! Святая Марина! Разрушила мой переход, теперь решила поссорить с единственным другом?! Думаешь, я смогу быть с тобой после этого?!

Слетев со стола, фаянсовая чашка со звоном ударилась об пол, разбрызгивая остатки бурой заварки вперемешку с осколками.

— Ты!.. Ты посмел уравнивать меня с уличной шалавой?! Сажать нас за один стол! — кричала Марина, опрокидывая всё, что попадалось на пути. — Я пила из её чашек, лежала с тобой в её постели! В борделе!!! В борделе!!!

— Что?! Да она в быту чистоплотней тебя! А тебе лечиться пора!

— Это от чего же?!

— От трансфобии!

— Трансфобии?! Лучше скажи, сколько ещё жизней должна сломать эта тварь, чтобы ей одной было хорошо?! Жена, дети, любовница, ты, я! Нет... Нет, это надо прекратить... Я знаю, что надо делать!..

Откинув волосы с горящего лица, Марина схватила с подоконника свою сумочку и кинулась на кухню. Там она на мгновение остановилась, озираясь по сторонам, как загнанный зверь, схватила из раковины стальной нож для резки мяса и, быстро затолкав его на дно сумки, застегнула молнию.

— Марина, ну куда ты? — Сергей выскочил следом за ней из комнаты. — Ты не в себе, куда ты собралась? Подожди, давай я пойду с тобой!
— Не ходи за мной! — закричала Марина, обуваясь на ходу. — Я сама со всем разберусь, сама!..

Марево пасмурного декабрьского дня клонилось к закату. Выскочив на улицу в расстёгнутом пальто, выдыхая клубы пара на промозглом холоде, Марина бежала вдоль дороги, ловя машину. Разрезая, словно лезвием, серое молоко туч, кровавая полоса садящегося солнца слепила бегущую по промёрзшему асфальту девичью фигуру, крепко сжимавшую в руке дамскую сумочку...

— ...Ну нравится тебе калечить собственную жизнь, так при чём тут другие?.. Оставь, оставь его в покое!.. — Придерживая плечом распантую дверь, Марина стояла на пороге, с ненавистью глядя снизу вверх в сузившиеся зрачки Линды.

По-кошачьи растянувшись спиной вдоль дверного косяка, Линда замерла в вальяжной позе, холодно глядя на незваную гостью с высоты своего роста, и только сжатые, скривлённые книзу губы выдавали в её лице, насколько этот внезапный визит ей неприятен.

— Ты уже получила, что хотела, — продолжала говорить, смотря Линде прямо в глаза, Марина. — Тебе ведь оформили гражданство? И денег ты получила с блога и студии уже достаточно. Иди своей дорогой, отступись, по-хорошему прошу...

— С нетерпением жду, как же оно будет по-плохому, — усмехнулась Линда. — Являешься ко мне без спроса, с ходу сыплешь оскорблениями. Чего ты хочешь?..

— Всё ты прекрасно понимаешь, — прошипела Марина. — Думаешь, раз Серёжу обманула, так и меня обманешь? Заморочила ему мозги, обобрала до нитки...

— Я обобрала? — возмущённо ахнула Линда. — Детка, ты, похоже, бредишь. О чём ты вообще?

— Ты знаешь, о чём. Сергей весь бизнес своим талантом поднял! И тебя из дерьма достал. Если б не он, где бы ты была сейчас? Верни всё назад. Верни! Для него это — жизнь! Вся жизнь... змея ты ядовитая!

— Не знаю, что за чушь ты несёшь, дорогуша, — с показным равнодушием ответила Линда. — Я у Камилы ничего не отнимала. Чтобы я обидела лучшую подругу? Отняла её бизнес?! Да ты хоть знаешь, сколько я пахала, чтобы дело не загнулось, пока Мур в депрессии?.. Людей ис-

кала, договаривалась, снимала, записывала, крутилась-вертелась как могла! И хоть раз... хоть раз я Камилу попрекнула?.. Никогда! Я всегда с ней делилась прибылью. И сейчас — я разве против, чтобы она со мной работала?.. Но она не хочет, не могу же я её силой заставить!..

— Ах ты подлая, лицемерная мразь... — Марина задрожала от ярости. — Присосалась, как паразит, к чужому делу жизни, растлила, отравила душу человеку!.. Иди ищи работу! Или вали обратно на панель, там тебе самое место! А не вернёшь студию, я всем расскажу, кто ты на самом деле!

— Ой, как страшно! — Линда презрительно зацокала языком. — Ну, иди, расскажи. Думаешь, одной мне навредишь? О-о, ошибаешься... Мы с моей Мур одно целое — куда я, туда и она!..

— Мразь... мразь... — шептала Марина пересохшими губами.

— А кто ты такая вообще? Думаешь, ты чем-то лучше меня?.. — Линда наклонилась вперёд, так что её лицо оказалось прямо напротив Марининых глаз. — Буржуйская сучка... Прикатила из Москвы развлекаться, думала, достаточно ножками засучить, чтобы всё по-твоему стало?

— Замолчи!

— Нет уж, ты меня послушай! — Острый чёрный ноготь Линды больно ткнул Марину в плечо. — Ты сама сколько вреда Камиле принесла! Не там исчадьё ада ищешь, сладкая. Настоящее зло — это ты!

— Я? Да я люблю его!

— Её! — с нажимом перебила Линда. — Камила — она! Этого ты так и не сумела понять! И что ей дала твоя любовь?.. Я-то уж знаю, что с ней творилось каждый раз, когда ты укатывала обратно в свою тёпленькую московскую квартиру. Только всё с переходом наладится — раз! — ты притащишься — и откат! Потом снова вроде хорошо всё — и снова откат! Ты должна была помогать, а не мешать!

— Ах ты, тварь! — закричала Марина, хватая Линду за руку. — Да как ты смеешь, ты!..

— Что такое, киска сердится?.. Ой, ты смотри, у нас и губки задрожали... Правда глаза колет? — Линда легко, как из лапок котёнка, вырвала руку из Марининых пальцев. — Сколько я ни билась за мою Мур, не смогла уговорить её отделаться от такой дряни, как ты. А теперь — разбирайтесь сами, я умываю руки!

Пока Линда говорила, Марина скользнула рукой в расстёгнутую сумку.

— Ты заплатишь... — тихо проговорила она. — За всё заплатишь...

— Мне не за что расплачиваться, я никому не задолжала! — Линда сорвалась на низкие, басистые ноты. — Если Камила хочет забрать то, что сама отдала, пусть придёт и в лицо мне это скажет! А я не такая подлая, как вы! Я прощаю вас! Прощаю вас обеих!

— Сто-о-ой!!! — В занесённой руке Марины блеснул нож, дверь резко хлопнула у неё перед носом. — Открой!!! Открой, урод!!!

Бешено налетая на дверь, Марина один за другим наносила удары ножом в обтянутую дерматином поролоновую обивку.

— Слышишь, ты, педераст в юбке!!! Выродок рода человеческого!!! Ну-ка, открой немедленно, открой!!!

Снова и снова входя в мягкую обивку, как в человеческую плоть, острое лезвие ножа рвало и рвало потёртый дерматин, обвисавший рваными ключьями на вспоротом поролоновом брюхе двери.

— Что там за шум?! — закричал с верхней лестничной площадки дребезжащий старческий голос. — Я сейчас полицию вызову!

Услышав окрик, Марина испуганно выдохнула и, будто очнувшись, отпрянула от изувеченной двери. Словно впервые увидев зажатый в руке кухонный нож, она в панике попробовала затолкать его обратно в сумку, но он будто вырос в размерах, упирался и ни в какую не хотел залезать обратно.

— Марина?!

Она вздрогнула всем телом от звука знакомого голоса. Позади неё, потрясённый, стоял Сергей.

— Марина, ты что наделала?..

Кинувшись к двери, Сергей нажал на звонок:

— Мур, открой, это я! Мур...

За дверью стояла тишина.

— Ты что-то ей сделала?.. — Сергей резко обернулся к Марине, которая в это время медленно, спиной пятилась по лестнице вниз. — Если ты ей что-то сделала, клянусь, я своими руками тебя убью! Мур?!..

— Я всё... Всё готова была тебе отдать... — проговорила Марина вполголоса. — Я любила тебя, как никто не смог бы... Умерла бы за тебя... Убила бы... Теперь выбирай, ты идёшь за ней или за мной?..

— Марина, это клиника, ты больна! Стой, отдай мне нож, ты можешь пораниться!

— Не подходи! — Марина направила руку с ножом на себя, продолжая пятиться вниз. — Не подходи или я себя порежу! Отвечай, я или она?!

— Мур! — Сергей снова несколько раз нажал кнопку звонка и приложил ухо к двери. — Линда, отзовись, ты жива?.. — Не услышав ответа, он

в ужасе обернулся к Марине. — Почему она молчит, что ты сделала?.. Стой, ну куда ты?.. Марина, пожалуйста, ты больна! Линда!.. — Снова закричал он, заколотив в дверь. — Мур, открой, это я!..

— Она!.. Всё-таки она!.. — Марина кинулась вниз по лестнице.

— Марина!.. — эхом, уже издали, донёсся до неё удаляющийся голос Сергея.

— Не ходи за мной! — выкрикнула она, не останавливаясь. — Не приближайся! Никогда, никогда больше не приближайся ко мне!

Багровые сумерки окутали лабиринты смертельно больного города. Красное солнце огненным крестом застыло у самого горизонта, отбрасывая кровавый след на голый лёд замёрзших питерских каналов. Не помня себя, Марина бежала и бежала по незнакомым дорогам, потеряв всякое представление о времени и пространстве. Прячась в разорванном кармане зимнего пальто, её рука сжимала холодную рукоятку кухонного ножа, которым она только что чуть не зарезала человека.

Отшатываясь от неё, как от помешанной, редкие прохожие спешили пройти мимо, но она не видела их, растерянно блуждая глазами по чёрным проёмам подворотен, будто высматривая кого-то в нарастающей темноте.

— А я где-есть!..

Тёмная высокая фигура, обрисовавшись в круглой арке через дорогу, с хохотом поманила Марину, и во внезапно вспыхнувшем луче света загорелись рыжие волосы.

— Линда! — вскрикнула Марина и кинулась на другую сторону улицы, прямо под колёса загудевших, резко тормозящих автомобилей.

Чёрная дыра подворотни всосала её в глухой, плохо освещённый колодец, гулко отозвавшийся:

— Лиинда... иинда... иинда...

Поскальзываясь на ледяной корке, Марина металась по каменному склепу, высматривая ненавистный призрак.

— Мьяяу!

Подняв голову, она увидела, как чёрная тень, спустив кисточку длинного хвоста, покачивается на карнизе второго этажа прямо напротив неё. Яркий кошачий глаз, сверкая в прямоугольной раме очков, хитро посматривал из-под буйного пожара завитков.

— Линда!..

Марина бросилась вперёд.

— Аххахахаха!!!

Прыжком скользнув по облупленной стене, тень растаяла на лету, в то время как гробовая тишина двора сотрясала Маринин слух приступом раскатистого хохота.

— Кис-кис-кис... Мьяяя!

Возникая и исчезая то тут, то там, гибкая чёрная тень прыгала по стенам, кубарем катилась из одной арки в другую, всё дальше и дальше увлекая свою преследовательницу в череду подворотен, выроставших и множившихся, словно в бесконечной галерее зеркал.

Стараясь не отстать и не потерять призрака из виду, Марина бежала из последних сил, пока не запыхалась настолько, что ноги остановились сами собой. Оказавшись прямо под жёлтым светом фонаря, она замерла и прислушалась. Ничего... Только дальний гул машин нарушал тишину пустого безмянного двора, пропахшего сыростью. Только сейчас она осознала, что по-прежнему крепко сжимает рукоять ножа в продранном кармане пальто. Вынув руку с ножом из кармана, она опустила глаза и истошно закричала: блеснувшее лезвие покрывали липкие, бурые пятна; по руке, стекая тонкими струйками, бежала кровь. В ужасе отшвырнув окровавленный нож в сугроб, Марина опрометью бросилась прочь, зажимая рот чистой рукой, чтобы заглушить рвавшийся вопль. Порезанная ладонь, судорожно сжимавшаяся в опустевшем кармане, постепенно наливалась болью.

Выбежав на дорогу, Марина принялась отчаянно перетрясать содержимое сумочки, отыскивая затерявшийся телефон.

— Такси! Такси!

Сонный водитель, разбрызгивая колёсами жидкую дорожную кашу, неспешно затормозил возле неё. Марина вскочила на заднее сидение:

— Прошу вас! В аэропорт!

— Багажа не будет?

— Нет. Пожалуйста, скорее!.. К ближайшему рейсу... в Москву!..

КАМИЛА. год спустя

Мягкий, пушистый снег сахарными хлопьями кружился над разнаряженной Тверской, в танце оседал на землю и мгновенно умирал под воздействием едких химических реагентов. Превращаясь в неприглядную коричневую слякоть, хрупкое преддверие Рождества лишь ненадолго успевало задержаться на плечах и шапках торопливых москвичей, недовольно отиравших на ходу намокшие, раскрасневшиеся лица. В гуще будничной столичной толпы затерялась одинокая приезжая. Снежинки, тая, путались в её светлых волосах, чёрное стёганое пальто,

намокнув, обвисало на ёжившихся от холода плечах. Пряча замёрзшие руки в карманы и кутаясь до самого носа в светло-зелёный вязаный шарф, она застенчиво шла мимо витрин элитных бутиков, стараясь лишний раз не поднимать на прохожих грустные серые глаза, скрытые под толстыми стёклами массивных очков.

Погружённая в задумчивое ожидание за столиком кафе, Марина не сразу заметила, как женщина за окном замедлила шаг, сверяясь с вывеской, после чего зашла внутрь и несколько неуверенно остановилась возле неё.

— Ах, боже мой, — смущённо улыбнулась Марина, когда та её окликнула, — прости, пожалуйста, я в первую секунду и не поняла, что это ты. Блонд?.. Непривычно... Но хорошо, тебе идёт!

Она привстала, помогая пришедшей повесить верхнюю одежду и устроиться на диванчике у окна, после чего сделала жест официантке подойти и заказала два кофе. Между женщинами на время повисла неловкая пауза.

— Странно видеть тебя в Москве, — наконец нарушила молчание Марина. — Я сильно удивилась, когда ты написала. Ты ведь терпеть не можешь путешествовать.

Камила ничего не ответила, бесцельно листая десертное меню, чтобы чем-то замаскировать первые неуютные минуты свидания.

— Так ты теперь здесь или приехала по делам? — вновь обратилась к ней Марина.

— По делам, — ответила Камила сдержанно. Потом, немного помолчав, пояснила: — В Москве есть единственная клиника пластической хирургии, которая специализируется на трансax. Они делают 3D-модель лица на компьютере и составляют план возможной феминизации. Одна такая консультация — уже десятка из кармана, плюс для меня ещё дорога и постой. Так что я долго думала, прежде чем отважиться, но решила — лучше знать, чем не знать... Вчера была у них.

Марина слушала, опустив взгляд в принесённую чашку капучино и помешивая молочную пену ложечкой.

— Ну и как? — осторожно спросила она.

— Да... — Камила чуть поморщилась и отложила меню, так ничего и не выбрав. — Пустая трата денег и времени. Мучились со мной, мучились, в итоге сказали всё то же самое, что и первый хирург ещё в самом начале: надо распилить фактически все лицевые кости и лепить заново. И, разумеется, никаких гарантий. Я ото всех только эту фразу и слышу... Понятное дело, кому хочется брать на себя ответ-

ственность... Ну и, само собой, цену назвали запредельную, не говоря уже о том, что потребовались бы месяцы на восстановление, в течение которых надо на что-то жить и платить за квартиру. Так что я сегодня уезжаю обратно в Питер. Увы, ни с чем.

Камила замолчала, Марина задумалась.

— Ты знаешь, — сказала она после короткой паузы, — я за этот год сумела заработать немного денег, кое-что удалось отложить... Это наверняка лишь малая часть необходимого бюджета, но если я могу помочь, то...

— Спасибо, — улыбнувшись, прервала её Камила. — Я очень ценю, правда. Но это всё равно будет капля в море, а отдавать мне нечем.

— Не нужно отдавать...

— Да ну, ты что... За кого ты меня принимаешь, я же не Линда, — засмеялась Камила и тут же осеклась, заметив, как напрягся взгляд Марины при упоминании этого имени. — Извини, зря я... С языка сорвалось.

— Да ничего. Вы как, по-прежнему дружите?

— Я давно её не видела. — Камила отвела взгляд в сторону. — Мы с ней здорово поссорились вскоре после того, как ты уехала.

— Из-за чего же? — Марина, скрывая неловкость, принялась за капучино.

— Скажем так, она превратилась в тебя, — хмыкнула Камила, также отпивая из своей чашки. — Когда она узнала, что я снова начала посещать эндокринолога и вернулась на ЗГТ, она мне такой скандал устроила... йо-хо-хо! — Камила тихо присвистнула. — Чего я только о себе не наслушалась... Я сразу поняла, что она испугалась непредвиденных расходов, которые могли последовать за моим возвращением к переходу. В общем-то, деньги всегда были единственным, что её интересовало. Так что моя депрессия, при которой мне почти ничего не требовалось и всё шло в её карман, Линду более чем устраивала. Тогда я сказала, что не возьму больше с доходов от бизнеса ни копейки, и полностью ушла из дела.

— Так она что же, вот так решила оставить тебя без средств к существованию?

— Ну конечно, — улыбнулась Камила, — с превеликим удовольствием. Тем более что дела у неё тогда как раз пошли в гору. Гражданство она получила, блог и студия стали приносить неплохие деньги, плюс она ещё хитрилась удвоить свой капитал, выгодно поиграв на бирже. Единственное, что её беспокоило, это я. Она никак не могла понять,

почему мне ничего от неё не нужно взамен, и всё ждала от меня какой-то корысти...

— Честно говоря, я тоже не понимаю. Она ведь тебя по миру пустила, а ты, похоже, даже не удержишь на неё зла.

— Нет, не держу. Передать ей бизнес и отказаться от всего ради перехода было моим добровольным решением. Меня никто не заставлял. Так что на мне и ответственность. А ей я желаю только удачи, пусть хоть у одной из нас всё получится. Кроме того, ей и самой последнее время пришлось несладко...

Марина удивлённо подняла брови.

— Ты же вроде говоришь, дела её пошли в гору.

— На тот момент да. Гражданство было в кармане, денег завались — хватило бы даже купить однушку где-нибудь на окраине, так что ФТМа Василия, который её какое-то время содержал, она бросила. Следом за гражданством вскоре последовало и самое долгожданное событие: она смогла наконец сменить мужской паспорт на женский. И вот тут-то она и наделала глупостей. На радостях кинулась заниматься всем сразу, бездумно вложилась одновременно в несколько сторонних бизнесов и в считанные месяцы прогорела. Оставались, правда, студия и блог, из которых она с удвоенной силой кинулась выжимать все соки. Просмотры к тому времени рвали рекорды — каждое интервью набирало под сотню тысяч... И тут на неё вышла «Кобра».

Марина вздрогнула и уставилась на Камилу. Она раньше уже слышала это страшное название. «Кобра» для представителей ЛГБТ в России звучало как ночной кошмар. Появившись несколько лет назад, это анонимное бандформирование через Интернет образовало по всей стране сеть агрессивных гомофобов, которые занимались травлей представителей сексуальных и гендерных меньшинств. Они вычисляли и составляли список потенциальных жертв, после чего начинали систематически рассылать им угрозы, а кого-то даже приглашали на ложное свидание, где избивали и подвергали унижениям. Всё это происходило при полной безучастности полиции, отнюдь не спешившей принимать у пострадавших заявления, так что кое-кому под давлением «Кобры» приходилось даже увольняться с работы и менять место жительства. Самым страшным эпизодом, который слухи связывали с «Коброй», стало убийство питерской транс-активистки, которую нашли мёртвой в подъезде с восемью ножевыми ранениями. Дело так и осталось нераскрытым.

— «Кобра»? — переспросила Марина.

— Да. Во всяком случае, они так представились. Когда на почту Линде стали приходить угрозы, она испугалась и залегла на дно. Поэтому работу с артистами она забросила и куда-то смылась с квартиры. С тех пор мы уже три месяца не общаемся, так что я даже не знаю, где она сейчас и чем занимается. Подозреваю, что Кэт её приютила... — Камила помрачнела и, помолчав, добавила: — Мы так и не поняли, как они на неё вышли. — Она подняла внимательный взгляд на Марину и чуть сощурилась. — Ты ведь не имеешь к этому никакого отношения?..

— Я? — потрясённо переспросила Марина. — Да ты что?!

— Извини-извини, — примирительно подняла руки Камила. — Только я ведь помню, что ты сделала с её дверью, прежде чем исчезнуть.

— Да, я очень сожалею об этом, — вздохнула Марина. — Но я уже на следующий день перевела ей деньги на замену двери. Она тебе не сказала?

— Нет.

— В любом случае, я признательна, что она не стала заявлять в полицию.

— А разве она могла? — удивилась Камила. — Ну и наивность! Да трансгендеры же воспринимаются как мусор. Кто будет разбираться с их жалобами?.. Такой мысли у неё и не возникало даже. Ни тогда, с тобой, ни потом, с теми подонками, что стали пугать её анонимками.

— Ну, уж к чему, а к этому я никакого отношения не имею. Странно даже, что ты допускаешь такую мысль.

— Извини. Но я вообще не знала, что думать, когда ты вот так просто взяла и исчезла. А я осталась совсем одна. И это произошло именно тогда, когда я пошла на детранзишн. Что, добилась своего и потеряла интерес? Поехала покорять новые вершины?

Марина печально опустила голову, снова уставившись в уже опустевшую чашку.

— Думаю, ты знаешь ответ. Ведь ты винила меня, что я разрушила твою жизнь. И я поняла, что должна тебя отпустить.

— Если от меня звучали обвинения, это было лишь проявлением отчаяния, — возразила Камила. — Ни ты, ни кто-либо другой не может быть виноват в том, что со мной происходит. Наоборот, это я виновата перед тобой и осознаю степень своей вины. Но всё же... Вот так, ни разу не написать, не позвонить — почему?..

Марина горько улыбнулась.

— Потому что я ровно того же ждала от тебя очень долго. Сообщения, звонка... Но видишь, дождалась только сейчас. Когда уже и не ждала вовсе.

Камила кивнула.

— Я понимаю. Скажу честно, я и сейчас не была уверена, стоит ли... Боялась, вдруг ты меня пошлешь...

Марина промолчала.

— Понимаешь, — продолжила Камила, — когда ты уехала, я решила, что пора во всём разобраться самостоятельно... Раньше я всё время находилась между двух огней: ты тащила меня в одну сторону, Линда в другую. А тут вы обе отвернулись от меня, и я впервые с начала перехода осталась наедине с собой. Были, конечно, ещё врачи, но они так ничего и не сделали. Орлянский определил моё состояние как безвыходное и лишь выписывал транквилизаторы, которые мне никак не помогали. В конце концов он спихнул меня практикантке, которая теперь раз в неделю ведёт со мной бессмысленные беседы. Толку ноль, но отказаться пока не могу — всё же целый час живого общения... В общем, ещё некоторое время я самостоятельно пробовала смириться с ролью мужчины, каждое утро брала рекламные листовки и заставляла себя выходить в мужской одежде. Но вскоре мне становилось плохо, и я возвращалась домой, не отработав и половины маршрута. А на следующий день пытка повторялась снова, пока это, в конце концов, не потеряло всякий смысл. Я осознала, что мужчиной жить просто не смогу. И тогда снова отправилась к эндокринологу, стала посещать косметологический кабинет. Мне даже удалось женщиной устроиться на постоянную работу курьером — в фирму, где берут «в серую», без документов. В офисе, слава богу, доводится проводить не больше десяти минут, а дальше весь день в разъездах, так что никто не успевает меня как следует разглядеть, — Камила грустно усмехнулась.

— Так, значит, тебе теперь живётся лучше?

— Трудно сказать... Я больше не дёргаюсь туда-сюда, а стараюсь жить как женщина просто потому, что по-другому никак... — Она сняла очки и задумчиво стала протирать линзы салфеткой. Затем, будто спохватившись, быстро надела их обратно. — Но всё равно это не жизнь. Часто думаю о том, что лет двадцать-двадцать пять назад хороший профессионал, может, и смог бы примирить меня с собой. Но тогда рядом не было никого, и ни одна живая душа не знала о моей муке... А теперь слишком поздно. И я понимаю, что нормальной жизни уже не будет...

— Но почему же?..

— Пожалуйста, не надо притворяться, будто не понимаешь... Ты же видишь, внешне мало что поменялось. Всё то небольшое, что удаётся накопить, я трачу на всевозможные косметологические процедуры —

а толку?.. Женского лица как не было, так и нет, и каждую минуту на людях я боюсь, что меня раскроют. Весь мой круг общения, если так можно выразиться, — это косметолог и психолог, которые волей-неволей вынуждены со мной говорить. Как выражается Орлянский, я живу в социальной изоляции. А на улице и в метро я то и дело ловлю на себе косые или злые взгляды. Так что ты была права, когда опасалась, что половине прохожих просто наплевать, а другая половина всё видит, но молчит...

— А вот я теперь так не думаю, — возразила Марина. — Мы долго не встречались, и я вижу те феминные изменения, которых ты, возможно, по привычке не замечаешь.

Камила усмехнулась:

— Прости, я тебе не верю. Ведь ты искренне хочешь мне помочь. А тем, кто хочет мне помочь, верить в этом вопросе нельзя. Случайным прохожим наплевать, так что они честнее...

— Зря ты...

— Пожалуйста, давай не будем об этом. Я ведь прекрасно знаю, что мне остаётся жить только тщетными иллюзиями... Гормоны и косметология психологически немного помогают — вроде как процесс идёт, что-то делаю. Но не знаю, насколько такого самообмана мне хватит.

Они обе замолчали, пока официантка уносила пустые чашки.

— Скажи честно, — внезапно спросила Камила, — ты больше не придешь ко мне?..

— Что?.. Я не... — замялась Марина от неожиданности.

— ...Я ведь никогда не прекращала думать о тебе, — продолжила Камила. — Ни на один день.

— Если это правда, тебе стоило намного раньше сказать мне об этом... А теперь уже...

— ...Уже слишком поздно?

Марина ответила не сразу.

— Год — это большой срок. В который мне тоже пришлось как-то существовать без тебя... Учиться жить заново.

— И теперь у тебя своя жизнь, — заключила Камила. — Я поняла, можешь дальше не объяснять...

Серые глаза под толстыми линзами очков смотрели на Марину с нежной грустью, пуская в уголках тонкие лучики симпатичных морщинок. Худая рука с аккуратным французским маникюром сжала Маринины пальцы и на минуту задержалась.

— Прости меня за всё, если сможешь...

— И ты меня прости...

Чёрное стёганое пальто, успев немного обсохнуть у батареи, вновь послушно облекло плечи хозяйки. Знакомые полусапожки, некогда совместно купленные в «Галерее», плотно обхватывая выглядывавшие из-под полы пальто крепкие икры в шерстяных колготках, заспешили к выходу. Удаляясь, нескладная женская фигура растаяла в тёмных вишнях Марининых глаз, вновь смешавшись за окном маленького московского кафе с многотысячной безликой толпой.

* * *

— Господи, Марин! — Лариса кинулась на шею подруге, стоило той только переступить порог прихожей. — Наконец-то, сто лет тебя не видела! Куда пропала, мерзавка? Как из Питера своего вернулась, тебя не слышно, не видно!..

Забрав Маринину куртку и подсунув ей под ноги тапочки, Лариса засуетилась на кухне, ставя чайник.

— Ну, так чего, пропащая душа, где совесть потеряла? — с наигранным негодованием накинулась Лариса, когда Марина, сполоснув руки, уселась на своё привычное место за столом.

Марина вздохнула:

— Где-где, на работе...

— Ах, да, ты же писала, что вроде устроилась куда-то. Только не сказала куда, опять на радио?

— Да если бы, — со смешком ответила Марина, приняв из рук Ларисы чашку ароматного свежезаваренного чая. — Начитываю теперь тексты для аудиокниг. Не то, конечно, чем мне хотелось бы заниматься... Ладно бы классика какая-нибудь, а то самиздат, любой графоман может заказать озвучку. Простейшая коммерция. Знала бы ты, какие километры чуши строчат люди, чтобы только почувствовать себя значительными...

— Ой, да ладно, — засмеялась Лариса, — будешь зато теперь очень начитанной! А то тебе бы всё только тынц!-тынц!.. — Она ободряюще потрепала Марину по руке. — Не, ну серьёзно, Шулепова, хоть какие-то деньги...

— Я Кудряшова, — тихо поправила Марина.

— Не поняла?.. — Лариса отложила поднесённую было к губам вафлю.

— Лёша вернулся.

— Да ладно? Байрон?..

Марина кивнула.

— Да не может быть, с какого перепугу?

— Случайно столкнулись в метро. Я с работы возвращалась. Он так разволновался, когда меня увидел, первые минуты даже не знали, что сказать друг другу. Оба станции свои проехали. — Марина грустно улыбнулась. — Потом осмелел, напросился проводить до дому и остался.

— Вот те раз, — удивлённо фыркнула Лариса. — Он что же, так и был один всё это время, что вы разошлись?

— Ну, нет... — уклончиво ответила Марина. — Вроде, сказал, была пара романов, но как-то не сложилось. Потом выяснилось, что на момент нашей встречи он всё-таки у какой-то девицы новой жил. Но он сразу с ней распрощался, как только мы с ним переспали.

— Хм... — Лариса задумчиво запустила пальцы в гущу своих коротко стриженных чёрных волос. — Ну а это не мог быть с его стороны просто эдакий приступ романтической ностальгии?

— Непохоже. На следующий день, как всё случилось, он явился ко мне с вещами и твёрдо заявил, что хочет начать всё с чистого листа.

— И ты?..

— Да, согласилась.

— Хм...

— Ещё он настаивает, чтобы мы как можно скорее завели ребёнка. Говорит, через него мы оба сможем очиститься от прошлого. А заодно это поможет помириться с мамой.

— Сильно! — прицокнула языком Лариса. — Безапелляционно, по-байроновски. Ну а ты сама-то как, хочешь этого?

— Не знаю, — тихо ответила Марина, — не знаю... Может быть, родится мальчик. Назову Серёжей.

ЭПИЛОГ. ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Накинув на плечи белый халат, следователь майор Игнатов вошёл в прозекторскую.

— О, Дмитрий Викторович, вы вовремя! — кивнул судмедэксперт, снимая перчатки и намыливая руки над раковиной. — Утро доброе!

— Да уж, добрее не бывает, — со смешком буркнул Игнатов, отвечая на рукопожатие. — Ну показывайте, где наша утопленница?

— О, утопленница замечательная! — с добродушной иронией протянул судмедэксперт. — Свежачок, да ещё и с сюрпризом...

— Не понял?

— Вас ведь не было на выезде...

— Нет. Вчера не моя была смена, дежурный принял звонок в четыре утра. Какие-то бухарики догуливали на набережной, там прибившееся тело и обнаружили. Сразу подумали — парашютистка,* труп поднимать отправили стажёра. Напутал в протоколе всё, что можно... — Игнатов недовольно фыркнул. — Ну а я уже сразу к вам.

— Да-да. — Судмедэксперт подвёл коллегу к закрытому белой простыней телу и надел новую пару резиновых перчаток. — Все думали, женщина, пока не привезли сюда. Извольте сами взглянуть. — Он откинул простыню.

— Вот те на... Действительно, с сюрпризом. Э-хе-хе... — Игнатов удивлённо крикнул, раскрыл папку и сверился с фотографиями с места обнаружения. — В какие времена живём, а?.. Извращенцев расплодилось...

Судмедэксперт философски развёл руками.

— Ну так что, личность установить шансы есть?

— Сами видите. Тело в воде пробыло долго...

— Да уж вижу, — вздохнул Игнатов. — Список особых примет составили?

— Обижаете, товарищ майор! Как положено, к концу рабочей недели всё будет в лучшем виде.

— А пальчики?

— Пробили по базе, совпадений нет.

— Ну, как всегда, — Игнатов ещё раз взглянул на обезображенное тело на столе. — Наши сверили с заявлениями об исчезновении, ничего похожего. Надо бы ещё ДНК?..

— Ну, это, голубчик, в очередь. Сами знаете, лаборатория не резиновая. Только вряд ли от этого толк будет.

— Да понятно. И всё же для порядка к делу приобщить надо. Надеюсь, он хотя бы сам с моста прыгнул?

— Вполне вероятно...

— Хм, что, какие-то сомнения?

— Вот, взгляните. — Приподняв голову трупа, судмедэксперт указал на затылочную часть черепа. — Рана не смертельная, но скорее всего была получена до того, как наш парашютист разбился об воду.

— Хотите сказать, его ударили и сбросили?

* Парашютист (*жарг.*) — упавший с высоты, чаще всего самоубийца.

— Вовсе не обязательно. Падая с моста, он вполне мог удариться головой о металлическую балку или что-то в этом роде.

— Тогда не о чем думать, оформляйте смерть как некриминальную. Не хватало нам ещё одного глухаря на себя повесить. Ясно же, суицид. Не мог в другом месте всплыть! Теперь на нашем районе очередной неопознанный жмурик.

Судмедэксперт с пониманием кивнул и, снова закрыв тело простыней, проводил следователя к выходу.

— Тьфу ты, чёрт! — с невесёлым смешком сплюнул сквозь зубы следователь майор Игнатов, покидая стены морга. — Да здравствует град Петров! Культурная, мать её, столица...

ОБ АВТОРЕ

Марианна Рейбо — прозаик, публицист, кандидат философских наук. Родилась в 1987 г. в Москве. Окончила факультет журналистики и аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор мистико-реалистического романа «Письмо с этого света» (2015), ставшего бестселлером издательства «Вест-Консалтинг». Вторая книга, фантастическая повесть «Нано» (2018), была отмечена Международной литературно-общественной премией «Литературный Олимп». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022», дважды лауреат журнала «Зинзивер» (проза) и газеты «Литературные известия» (литературная критика). Дипломант Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2019, 2021) и I ММЛК «Веское слово» (2020) в номинации «Проза». Публиковалась в журналах «Нева», «Знамя», «Причал», «Зинзивер», «Гостиная», «Дети Ра», «Российский колокол», «Литературный Иерусалим», «Наука и религия», в газетах «Литературные известия», «НГ-Exlibris», «Поэтоград», «Литературная Россия» и др. Главный редактор нескольких литературных альманахов, член нескольких творческих союзов.

Григорий МАРГОВСКИЙ ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Война

У поэтов год за пять,
Сколько так проживёшь?
Есть причина и запить,
И пропасть ни за грош.
В чанах пенится сусло,
Меж разбитых корыт,
Озаряемый тускло,
Ржавый траулер спит.
Годы с болью знакомят,
Отнимают слова...
Головою бы в омут —
Да надежда жива.
Точно стая снегирья,
Строки алые ввысь
Горькой правдой о мире
С языка сорвались!
Было дело: как молвим —
Так и приняты мы...
Но, подобные жолвям,
Грозно вздулись холмы.
Было дело: на росчисть
Выходил старовер,
К обретению пророчеств,
Из молитвенных сфер...
Но студёная пустынь
Всех объяла с тех пор,
И в сердцах необуздан
Бесконечный раздор.

ОТКРОВЕНИЕ

Люблю перекошенный фартук
 На леди в потешных кудрях,
 Смычком её баловал Барток,
 Покуда квартет не одрях.
 Давай она охать и ахать,
 И гренками внучку кормить:
 «Часочек один поспала хоть?»
 А та на байдарке — фюить.

Люблю этой речки лекало,
 Где селезня рифма «кря-кря»
 Плавучих невест завлекала
 Вдали от пучин словаря.
 Где лезут пираты на якорь,
 Сморкаясь в рукав по весне,
 И супится бронзовый квакер,
 Геенной грозя малышне.

И улочка эта мила мне,
 Когда на витрине, дрожа,
 Сверкают индийские камни,
 А сойка тревожит бомжа.
 Когда балабол с интровертом
 За чашкой биткоин клянут
 И сакура взбитым десертом
 Прижимистых троллит зануд.

Пускай красота и свобода
 Сливаются, сердце щемя,
 И голден-ретривер у входа
 Ложится как коврик плашмя,
 И в ноздри лимонные корки
 Шибаят, с текилой вась-вась!
 От мира я в полном восторге,
 Войну не терплю отродясь.

СВЕТ

Перестеленные простыни,
Что покамест не остыли,
Осень огненная в Бостоне
Расправляет в перистиле.

Воздвигается дождей стена,
Боль тускнеет в острой дали,
И любовь людей тождественна
С тем же, от чего страдали.

Вдруг в тумане приосанятся
Дерева-госпитальеры,
И душа, седая странница,
Вновь почует символ веры.

Все мгновения, что прожил ты,
В камеру хранения лягут,
Как набухшие меж прожелти
Бусины багровых ягод!

Взмает цапля над плотинами,
Где бобры сверкают шёрсткой,
Над смычками камышиными,
С палочкою дирижёрской.

И с надеждами грядущими
Свет сойдёт на волнорезы,
На леса с густыми кущами
И на храм Святой Терезы.

ЯЗЫКИ

Меня языки изумляют,
Индийских сказаний ашрам,
Загадочный тюркский умлаут,
Дифтонги шекспировых драм.
И я понимаю, что сечи
Кровавые часто, увы,
Идут за родное наречье
И в них не сносить головы.
Но стоит ли гнать иноверца
И клясть инородца, когда
Биение чистого сердца —
Основа любого труда?
За лесом проносится поезд,
Над морем гудит самолёт,
Обильны поля и удоист
В ложбинах пасущийся скот.
Поэзии сочной и спелой
По-прежнему хватит на всех,
Добро ежедневное делай —
С тобою пребудет успех!
Поэтому мне Украина
Стоической правдой мила,
Пускай и лихая година
Ползёт от села до села.
Я верю, что букву Закона
В духовную мощь обратил
Во чреве китовом Иона
И в логове льва Даниил!

СВЯТЫЙ ДУХ

Звала её Олёной,
Баюкала в ночи...
Из мазанки белёной
Украли, хоть кричи.
Ушкуйника и ката
Не выручит война.
Разорена не хата —
Любовь разорена.

Провижу в злобном вое
Антихристову тьму.
Вы дитяtko чужое
Научите чему?
Фальшивые погоны
Латать в шатрах вояк?
Царюге бить поклоны
За воровской общак?

Я косу заплетала
Красавице своей —
Вы грудюю металла
Сожгли простор полей.
Пусть родина ей снится,
Развевая дым,
Колосьями пшеницы
Под небом голубым!

Трудилась Украина,
Налаживала быт,
Пока Отца и Сына
Морочил московит.
Фонтаном бил из скважин
Имперский трупный яд,
Но жаден и продажен
Безмозглый супостат.

Проклятый телевизор,
 Где сотня хамских рож,
 Где сострадания мизер
 И совести на грош.
 Позор тебе, Россия,
 Отпетая страна,
 Режима псы цепные,
 Растленная шпана!

Весь мир не приневолишь
 Как быдло тупо лгать.
 Я женщина всего лишь,
 Но Дух вселился в мать!
 За правду украинка
 Готова пасть в бою.

Держись, моя кровинка!
 Верните дочь мою!

МОЦИОН

Пешком из Пепперелла в Гротон,
 Преодолев с десяток миль,
 Шагал я, думами измотан,
 И запах смол меня томил.
 Реки прозрачная усталость
 Прельщала справа, точно дым,
 А слева пастбище устлалось
 Октябрьским пазлом золотым.

И росчерком по рыжей хвое
 Сосновый психотерапевт
 Участье привносил живое
 В мою кручину: on your left!
 Велосипедное шуршанье
 Проворней стёршихся подошв.

Но кто бы предсказал заране,
За чью империю падёшь?

Сражённного врагами навзничь
Облагодетельствовал век,
Дабы отвёл он взор от пастбищ
И девственно текущих рек.
Монарх его увековечил
Воистину по мере сил:
Сперва немного изувечил,
А после в город превратил...

Мне имя бравого саксонца
Какой-то перепел напел.
Я шаркал, заслонясь от солнца
И повторяя: «Пеп-пе-релл».
Когда же этот чёртов Гротон
Прорежется среди ветвей? —
Вглядись внимательнее: вот он!
И башня классная, ей-ей.

Полтретьего на колокольнях
Уж пробило, и в закрома
Окрестных фермеров довольных
Все ринулись не задарма.
И где-то ближе к окоёму,
Одутловатый рисовар
Гарниром пышным ко второму
Два облака пририсовал.

МОЛЬБА

Дай мне воли, природа,
 И отрады морской
 С едким запахом йода
 На свиданье с рекой.
 Я хочу в седловине
 Меж певучих холмов
 Изваляться в полыни,
 Как слепой птицелов.

Дай мне солнца в затылок,
 Дай мне ветра поддых,
 Нежной охры прожилок
 И пещер слюдяных.

Дай оскомы на дёснах
 В той отчизне тепла,
 Завитков златоносных,
 Где густеет смола,
 Синевы преизбыток,
 Где витают стрижи...
 И не надо мне пыток,
 Лицедейства и лжи!

ВАМБЕРИ*

В опереточных перьях, в амбре
Растворялась блажь пустомель,
Но искал словородства Вамбери,
В сонаречности видел цель.
Повторял: из корней я выплету
Связь кочевников и мадьяр —
Не за почести, не за выплату,
А за право взрастить свой дар!
И готов был в чужую пустынь,
В обезглавленный строй бахчи,
Где не ветер свистал, изустен,
Так визирей шальных мечи.
Ведь за скудное наше детство
Позволяют султан и шах
С чёрной метою иудейства
Путешествовать в языках...
От шелков и от сканой утвари
Слепли дервиши, смущены,
Смерть и та застывала у двери,
Выйдя в полдень из чайханы.
И, дымя самокруткой в тамбуре,
Возвращался в пенаты зэк,
Ибо Запад с Востоком Вамбери
Жаждой знаний спаял навек.
Ибо зверство царит повсюду,
Гробят родину дикари,
Лишь наука, подобно чуду,
Озаряет мир изнутри.
Вавилонской башни мы зодчие,
И вражду народов унять
Завещанье требует Отчее —
Наша мука и благодать!

* *Арминий Вамбери* (1832–1913) — венгерский еврей, востоковед, путешественник, полиглот.

ГАРРИ ПОТТЕР

Гарри Поттер, юным чародеям
Выдают поспешно аттестат,
Мы с тобой о будущем радеем,
Но драконы выродков растят.
Василиска армия окрепла,
И ползут вдоль огненной реки
Змеи из магического пепла,
С даром убежденья пауки.
Светозарный мир почти угроблен,
Время ль шиковать в отеле «Риц»,
Где хохочет выморочный гоблин,
Сукровицей потчуя мокриц?
Лысый повар оживляет монстров,
Дьяк зигует над колодой карт,
Виолончелист плывёт на остров,
Умыкнув в футляре миллиард.
Счастья нас дементоры лишили,
Пожиратель смерти низкобров,
Порваны осколком сухожилия,
Для сугреву не хватает дров.
Гиппогрифам и единорогам
Требуется твой могучий взмах,
Гарри Поттер, накорми хот-догом
Малышей в разбомбленных домах.
Чудища лютуют по пещерам,
В небе беспилотники жужжат,
Можно ли озлобленным и серым
Доверять волшебный зоосад?
Гарри Поттер, власть его обрыдла,
Жаждем мы свободы и любви,
Сокруши взбесившегося Риддла,
Логово треклятое взорви!

МАНИФЕСТ

Как истопник относится к огню —
И те, кого он скопом в пекло бросил?
Ни в чём себя однако ж не виню:
Добился я развития ремёсел,
Усердно перебив свою родню!

Кто раздувал кузнечные меха,
Того немилосердно жрёт опарыш.
Зато, мой шут, горбатый плод греха,
Свободно не по-нашенски ты шпаришь.
Наука благодарна мне, ха-ха!

Ни дня я не бездельничал, мой друг:
Все двадцать лет я собирал дружину,
Мечтая скрасить старческий досуг,
Насытить человечьим мясом псину...
Без нежности к животным нам каюк!

Мне голос был: топчи и унижай,
Детишки не страшны покуда хилы!
Я приказал сгноить весь урожай
И на жнивье серпами рыть могилы.
Так первозданным сохранил я край.

Мы чтим святую заповедь — и вот,
На месте бойни я возвёл аббатство:
Чтоб искупило зверский наш поход
Молитвами монашеское братство.
С тех пор мой трон религии оплот!

Духовности народа исполать,
Который терпит, пакостен и гнидист,
Красавца князя, что ему под стать!
Свинья не съест и казнокрад не выдаст,
А с алтаря на паперть наплевать.

Поздняя нега

Блюзовый и бирюзовый,
 Шлейф океана плещется,
 Будто ликует флейтщица,
 Обзаведясь обновой,
 Жаждет маяк белёсый
 Тронуть губами стылыми,
 Пляжи покрыть настилами
 Вьюги хриплогосой.

В тусклом огне кристаллов
 Сосны машут, задымлены,
 Распалены, как римляне,
 Играми кардиналов,
 Стайкою их багряной,
 Зёрна кормушки делящей,
 Хвалят бойцов за зрелище,
 Сыпля им соль на раны...

Рыщет январь по графству
 Саффолк и смежным вотчинам,
 Чуткость к словам просроченным,
 Поздняя нега, здравствуй!
 Вновь я томлюсь, уклончив,
 В серых разводах ретуши,
 Среди тех, кого нет уже,
 Путь земной не окончив.

И допрос перекрёстный
 Мстительности и раскаянья
 Предстоит на окраине
 Неурядицы грозной,
 Ближних жестокосердье,
 Обидчиков праведность,
 Чёрствый фатум, что травит нас
 Хороводами смерти...

Что мне ласки и слёзы
Юности расхристанной,
Папиросные пристани,
Запах кильки, мимозы?
Небо вспыхнет, наохрив
Отдых послеполуденный,
Шхуна ветхой посудыной
Обернётся на окрик.

Здравствуй, не слаще тюряги,
Жизнь в изгнании вынужденном,
Хоть и был не единожды нам
Подан кролик в терьяки!
Здравствуй, родина, вдовьих
Мастерица мелодий,
Пьяных драк половодье,
Безбожность в любовях!

Здравствуй и ты, морозец
Крещенский, штык-нож на поясе,
Чтоб очки, ах, ты гой еси,
Сползли с переносиц!
Чтобы помнили удаль,
Смакуя свой кокс во рту,
И трусили по Оксфорду
На лапках, как пудель!

...Полно, зима, опомнись,
Не налегай с метелями,
Сдюжили еле-еле мы,
Все достиженья — помесь
Лжи и геройства всуе:
Гляньте-ка, мол, досель они
Ждут, утопая в зелени,
Лавра и поцелуя.

И не в убийствах счастье,
 Не в первородстве совести,
 Но в превосходстве совести
 Над клыкастостью пасти.
 Здравствуй, поздняя нега
 Самопознания, спокойствия!
 Снова уверен в свойстве я
 Зова с дальнего берега.

Поздняя чёткость, здравствуй!
 Мир, оставайся в фокусе,
 С флибустьером не чокайся,
 Не пускай его к яству:
 Столик в кают-компании
 Для тех накрыли, чей вымысел
 Чист, ибо тесто вымесил
 Нам ангел-хранитель заранее.

Шли мы Финским заливом,
 А швартуемся, эвона,
 Где-то возле Нью-Хэйвена,
 С видом счастливым.
 Порт качается в дымке,
 Воет над эспланадой блюз,
 Если я вам понадобится —
 Вот я, на старом снимке.

ОБ АВТОРЕ

Григорий Марговский родился в 1963 в Минске. Окончил Литинститут в Москве. Преподавал литературу в московской школе, работал редактором, журналистом, переводил поэзию с белорусского, болгарского, латышского, польского.

Эмигрировал в 1993 в Израиль, с 2001 в США, живёт в Бостоне.

Автор пяти книг стихов. Широко публиковался в США, Израиле, Украине, России, Грузии, Франции, Германии. Автор автобиографических романов и новелл.

Марк КОПЕЛЕВ

СИНЕЕ ПЕРО

*Правдивая история тёти Фиры и Моисея Гольдштейна,
а также несколько «размышлизмов» о свободе и счастье*

Марк Копелев (1944–2018) родился в типичной советской семье (мама военврач, папа инженер) в самый разгар Второй мировой войны. Думаю, что это наложило отпечаток на его дальнейшую жизнь.

Сначала всё было как у людей. Учился в школе, в меру влюблялся, в меру познавал жизнь. Потом начал искать себя. Пытливый и высокообразованный юноша сначала учился во Владивостокском политехническом институте, затем в институте искусств, откуда ушёл в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Этот институт Марк окончил и получил диплом режиссёра, проведя два года в тёмном театральном зале за спиной у режиссёра Товстоногова.

Затем молодой специалист начал работать в Рязанском театре юного зрителя. Там, совершив чудовищную профанацию, Копелев поставил любимую всем советским народом сказку о Коньке-горбунке, превратив её, впервые на советской детской сцене, в мюзикл, щедро оснащённый вредными для слуха джазовыми мелодиями. Бдительное руководство Рязанского ТЮЗа вовремя пресекло эту вражескую вылазку, как пресекало ранее первые творческие попытки Олега Ефремова, Анатолия Эфроса и никому ещё не известного Иннокентия Смоктуновского. Копелев был направлен на перевоспитание за Урал в город Читу.

Учтя уроки прошлого, он успешно перековывался, снимая для Читинского телевидения документальную туфту о неуклонном росте благосостояния шахтёров, строителей, геологов и прочих покорителей Забайкалья, что позволило ему перейти с повышением в литературную редакцию Новосибирского телевидения. Там он десять лет успешно скрывался под личиной члена Союза журналистов и Союза кинематографистов.

Однако за идеологическую незрелость Копелев был изгнан из всех творческих союзов и с телевидения.

Терять ему было нечего, и он развернулся на новом поприще: стал за приличное вознаграждение собственноручно изготавливать штаны и куртки, внешне не уступавшие западным образцам. Он весьма успешно торговал своей продукцией на новосибирской барахолке, и на волне невероятного материального успеха даже создал свой кооператив. Трудно сказать, чем бы всё это кончилось — возможно, в дальнейшем он основал бы швейную фабрику или сел бы в тюрьму, но тут в насквозь проржавевшем железном занавесе неожиданно открылась брешь.

Бывшие коллеги совершили безуспешную попытку вернуть Копелева в лоно творческой семьи и даже сняли о нём фильм «Портной», получивший престижные призы. Поезд, однако, ушёл. Рыбка сорвалась с крючка и уплыла в Нью-Йорк, где швейное искусство Копелева оказалось востребованным в одном из лучших театров мира, Метрополитен Опера. Двадцать лет Копелев строчил на машинке в пошивочном цехе Метрополитен Опера, параллельно строча пером по бумаге («строча пером по бумаге» — эвфемизм: свои замечательные литературные произведения Копелев печатал на компьютере). Фотокнига Копелева «Письма с того света» о нью-йоркской эмиграции девяностых годов — настоящая энциклопедия жизни русскоязычной богемы. Она была издана престижным издательством «Зебра», рассказы Копелева издавали и издают уважаемые журналы; вышел сборник его рассказов с предисловием Владимира Войновича.

Портной из анекдота, если бы стал царём, жил бы богаче, чем царь, потому что он бы ещё немножечко шил. Копелев оказался богаче, чем портной, писатель или царь, потому что ещё немножечко фотографировал. Портретная галерея поставила его в один ряд с ведущими фотографами современности. К примеру, портрет Иосифа Бродского в четвёртом томе пятитомника Бродского издательства Пушкинского фонда — работа Копелева; Бродский собственноручно предложил этот свой портрет издательству.

На этом, пожалуй, я закончу краткую биографическую справку о замечательном человеке и моём друге.

Наталья Рапопорт

От редактора:

Рукопись Марка Копелева я получил от его доброго знакомого Якова Фрейдина — блестящего инженера, изобретателя и талантливое писателя, постоянного автора нашего журнала. Он предложил напечатать «Синее перо» — о приключениях, вернее сказать, похождениях на легендарном Брайтоне обладательницы уникальной фамилии, некоей Эсфири Марковны Розенпоц, уроженки Гомеля, похожей манерой общения и разговора на типичную одесситку.

Повесть я прочёл и погрузился в ни на что не похожий мир «еврейской Одессы», как называли Брайтон лет тридцать с лишним назад. Сам я познакомился с этим весьма колоритным уголком Нью-Йорка несколько позднее, но успел вкусить его прелести, ощутить его абсолютную неповторимость. И следуя извивам бурной деятельности «тёти Фиры», я улыбался, смеялся, вспоминал слегка подзабытые эпизоды тогдашней брайтонской реальности. Зорким глазом автор подметил немало сочных деталей, иногда даже с перебором. О Брайтоне писали многие, иммигрантские хохмочки и фразочки присутствовали у разных писателей-сатириков, но у Копелева это звучало как-то по-особенному.

Однако что-то останавливало от немедленного принятия решения — печатать.

Ярко написанное Копелевым уже принадлежало истории. Нынешний Брайтон вовсе не похож на тот, прежний — исчез еврейский колорит, под корень, к счастью, изведена мафиозная преступность, другие лица, другие речевые обороты, не говоря уже о новых огромных супермаркетах во главе с «Ташкентом» (само название о многом говорит), ресторанах и кафе с узбекской едой, бутиках с претензией на западный шик, жилым комплексом светло-кофейных многоэтажных домов, где поселились местные и приезжие богачи, и многим другим. Хотя и пляж с замечательным песком, и залив, и залатанный бордвок остались, но всё равно это — уже другое. Написанное Копелевым надо было публиковать много раньше — но не вышло. Автор скончался пять лет назад, не дописав свою повесть...

Поразмышляв, я и коллеги, члены редсовета, решили — печатать. Пусть «Синее перо» напомним читателям о том, каким был Брайтон, какие люди населяли его и как зарабатывали на жизнь, хотя и не вполне кошерно...

Давид Гай

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

... И так, тётя Фира. Эсфирь Марковна Розенпоц. Что? Говорите, таких фамилий не бывает? Бывают. Ещё не такое бывает. Вы даже представить себе не можете, какие чудеса случаются в этом странном подлунном мире. Я мог бы рассказать вам пару невероятных историй и, возможно, расскажу чуть позже, но сейчас не хочу отвлекаться, потому что речь идёт о действительно удивительном персонаже — тёте Фире Розенпоц.

Вы, наверное, хотите знать, кто она. На такой вопрос нам, живущим в эмиграции, всегда отвечать сложно. Жизнь эмигранта, любого эмигранта, разорвана на две части — ДО и ПОСЛЕ. И в каждой из этих частей своя история. Ведь эмиграция, надеюсь, вы извините меня за банальность, — это второе рождение. Эмигрант был кем-то в ТОЙ жизни, в утробе, так сказать, матери-родины — он стал кем-то в ЭТОЙ. Чаще всего эти две жизни не совпадают. В эмиграции говорят, был врачом, был инженером, был режиссёром, актёром... Был, был, был... Ну, был. Плюнь и забудь. Теперь важно, не кем ты был, а кем стал. То, чем ты был, только фундамент, на котором ты решил построить здание новой жизни. А что на этом фундаменте вырастет — засранная халупа, сортир или небоскрёб, зависит от того, что этот фундамент выдержит. Это касается всех эмигрантов. Кроме художников. Художники бывшими не бывают. Этот крест на всю жизнь. Тётя Фира — художник.

Вообще-то, это только так говорится — «тётя Фира». На самом деле никакая она не «тётя». Это совсем не старая сорокалетняя женщина, весьма привлекательная, полная сил, юмора, здоровья, пользующаяся невероятным успехом у пожилых евреев на Брайтоне. И всё-таки — «тётя Фира». Почему? Не знаю. Тётя Фира и всё. Все её так называют, а она не возражает. Ну, не называть же её, в самом деле, мадам Розенпоц.

Познакомились мы с ней в «приёмном покое» аэропорта JFK. Вы не знаете, что это такое? Ну да, ну да, конечно. «Приёмный покой» — это такой нынешний Эллис Айленд. Что? Вы и про Эллис Айленд ничего не знаете? Ваше счастье! Эллис Айленд — это клочок земли в устье Гудзона, размером в три акра, на котором раньше была устричная отмель. С приходом цивилизации этот островок приспособили для казни пиратов, для чего на нём воздвигли прекрасную виселицу. А потом

этот эшафот увеличили почти до пятнадцати гектаров и построили на нём пункт сортировки эмигрантов, искавших счастья в Новом Свете. То есть своё назначение этот островок изменил не очень. Не зря его называли «остров надежды и слёз». В самый разгар переселения в США в начале 20 века через этот «остров надежды» проходило по 5000 человек в день, и сегодня более 100 миллионов американцев могут найти в списках Эллис Айленда своих предков, прошедших через эти ворота в Америку. Теперь на Эллис Айленде музей эмиграции, а место, где эмигранты ждут, пока идёт оформление документов, переместилось в аэропорт JFK и называется «приёмный покой».

В этом «приёмном покое» мы с тётей Фирой и познакомились. Процесс оформления документов долгий, нудный, все устали после двенадцатичасового перелёта, не говоря уже про отходняк от прощания с милой родиной и, естественных в этой ситуации, мыслей «что день грядущий нам готовит...». Все нервничают, то там, то тут вспыхивают локальные свары. Какой-то вальяжный господин, видать, бывший начальник, начинает возмущаться и качать права, мол, «сколько можно ждать...», «это что же с нами, как со скотом...», ну и тому подобное. В нём неожиданно проснулась гордость. Отчего бы и нет, если тебе за это ничего не будет. Не Эллис Айленд, поди, где тебе заглядывали в зубы, как коню на ярмарке, и рисовали кресты мелом прямо на одежде, обозначая степень твоих умственных способностей: крест — слабоумие, крест в кружке — идиотизм.

В данном случае крест был в кружке. Сидящая рядом со мной женщина вдруг обращается к нему с такой речью:

— Ну, шо вы скёте ногами? Вы что, спешите скорее, чем все?! Или у вас есть деньги, чтобы себя так вести? Нет!.. Так уже сидите и не спрашивайте свои вопросы.

Этот очаровательный спич пленил меня своей узнаваемой сочностью.

— Вы из Одессы? — спросил я.

— Почему вы так себе думаете? — покосилась на меня женщина.

— Язык, — ответил я, — замечательный одесский язык.

Женщина улыбнулась, поманила меня пальцем и сказала на ухо без всякого акцента:

— А вы что, не видите, что с этим поцем только так и можно разговаривать? Он думает себе, что ЗДЕСЬ он ТАМ. А на самом деле, он был говном ТАМ и таким же говном останется ЗДЕСЬ. Из Гомеля я. А вы?

— Я из Питера.

— Я почему-то так и подумала. Меня зовут Фира. То есть Эсфирь Марковна Розенпоц, — она усмехнулась. — Замечательная фамилия, не правда ли?

Я пожал плечами.

— Фамилия как фамилия. Ещё и не такое бывает. Вон Дина Рубина уверяет, что нет на свете такого слова, которое не могло бы стать еврейской фамилией. Эммануил Сергеевич Жоппа гораздо хуже. А я знал и такого.

— Приятно иметь дело с интеллигентным человеком, — сказала она. Было непонятно, что имеется в виду, то ли что я спокойно отреагировал на её не совсем обычную фамилию, то ли что я читал Рубину. А может, вообще, что я из Питера или знал человека по фамилии Жоппа.

Впоследствии мы несколько раз встречались, и наши отношения даже переросли в некое подобие дружбы. То есть, в отношения, которые формулируются фразой — «не друзья, но дружны». С ней было интересно общаться, её было интересно слушать. У неё был живой язык еврейского местечка, и она рассказала мне несколько замечательных историй из своего прошлого. О детстве, об учёбе, о славном городе Гомеле, о друзьях, об учителях...

Конечно, из-за своей фамилии тётя Фира натерпелась в жизни, страшно сказать. Одно время она даже серьёзно подумывала сменить её. Но когда она пришла в гомельский ЗАГС, штымп с печальными глазами и ненадёжным профилем, сидящий за столом, спросил:

— И на какую же фамилию, любезная Эсфирь Марковна, вы хотели бы поменять?

— Ну, не знаю... На какую-нибудь более приличную. С фамилией Розенпоц в Советском Союзе жить невозможно.

— Фирочка, — сказал штымп, пожевав оттопыренную нижнюю губу — в Советском Союзе с любой фамилией жить невозможно. Но хочу посоветовать вам, как родной. Не делайте этих глупостей.

— Почему? — спросила тётя Фира.

— Потому что пока вы живёте в Гомеле, смысла в этом нет никакого. Всё равно все знают, как ваша настоящая фамилия, и поменяйте Вы её хоть на Иванову, хоть на Рейган — это ничего не изменит. А вот если вы захотите из этой замечательной страны уехать, то с фамилией Иванов или Рейган у вас будет большой макес. Как, например, у меня, — он горестно вздохнул и развернул табличку на столе лицом к тётя Фире. На табличке было написано: «Иванов Арон Исаакович — начальник гомельского ЗАГСа».

— Понятно, — сказала тётя Фира. — Ну, а почему нельзя, скажем, на Рейган?

— Потому что там, куда вы уедете, уже есть один Рейган. Ещё один из Гомеля им не нужен. Конечно, если очень хотите, можете поменять Розенпоц на Розенкранц, хотя и этого я вам не советую.

Тётя Фира была женщина интеллигентная. Она закончила восемь классов и гомельское художественное училище. Нет, Шекспира она, конечно, не читала, ещё чего, но в молодости Моська Гольдштейн водил её на фильм «Гамлет». Они тогда весь фильм целовались в заднем ряду, так что тётя Фира почти ничего не помнит, кроме того, что этот шлимазл Моська всё время пытался залезть к ней под юбку, но она хорошо запомнила момент, когда на экране какой-то мужик в колготках, по всей вероятности грузин, потому что звали его Гамлет, как грузина из соседнего подъезда, учил двух евреев играть на дудочке. «Нате, — совал он им дудочку, — сыграйте». Те отказывались, потому что, азохенвэй, ну какой музыке может научить еврея грузин, а он говорил: «Шо, не можете? А как у меня на нервах телебенькать — так пожалуйста!» Тётя Фира так хорошо запомнила этот эпизод, потому что тех двух евреев звали почти так же, как их с Моськой — Розенкранц и Гильденстерн.

— Нет, — сказала тётя Фира, — пусть, пожалуй, будет как есть.

Арон Исаакович из гомельского ЗАГСа оказался прав. Когда тётя Фира засобиралась в Америку по вызову любимой троюродной тётки, неожиданно и кстати обнаружившейся в Техасе, проблем у неё почти не было. Или время уже было такое, или действительно фамилия сыграла свою роль. Начальник гомельского ОВИРа товарищ Петров только строго спросил:

— Розенпоц ваша настоящая фамилия?

— Не извольте сомневаться, — гордо ответила тётя Фира. — Можете спросить у Иванова из ЗАГСа.

— Знаем мы этих Ивановых, — проворчал Петров, подписывая тётки Фиринины документы — была б моя воля, я такого Иванова к стенке бы поставил, а вас закатал лет на десять без права переписки. И-эх... Сталина на вас не хватает.

Тётя Фира быстренько выдернула у него подписанные документы, спрятала их в сумочку и поинтересовалась:

— За что?

— Что за что?

— Десять лет за что?

— За то! — лаконичное лицо начальника ОВИРа стало цвета знамени, стоящего на флагштоке в углу. — Предатели вы! А этот Иванов — приспособленец! Иванов!!! Жидяра из Бобруйска этот Иванов.

Этого тётя Фира, отец которой в своё время отсидел пять лет в мордовском лагере, снести не могла.

— А ты, старый эйзл (осёл), конечно, принц английский. Ай воз тущер! По Сталину этот поц соскучился. Да при Сталине таких как ты первыми на Колыму отправляли! — и она выскочила из кабинета, громко шваркнув дверь. При этом табличка на дверях кабинета отскочила и повисла на одном гвозде. Тётя Фира оглянулась. «Начальник гомельского ОВИРа Петров Моисей Соломонович» — информировала раскачивающаяся табличка...

* * *

Почему люди эмигрируют? Станный вопрос. Да потому что жить уже больше не могут в том дерьме, в котором прожили большую часть своей сознательной жизни. И как только приоткрылась щёлочка, капельками ртути раскатились в разные стороны, в разные страны, — в Америку, в Израиль, в Германию, в Австралию, в Новую Зеландию, к чёрту в турки, лишь бы подальше от этого счастья. Всё бросив, уезжают с криком: «Достало!» А если спросить: «Что ищешь ты в краю далёком?» — пожалуй, и не ответят... Или скажут: «Свободы». Только каждый при этом будет иметь в виду совершенно разное. Один хочет молиться на своём языке, другой свободно заниматься творчеством, третий, без очередей, без блата покупать колбасу, просто растить детей, смотреть кино, пить пиво, ходить на футбол, слушать симфонические концерты. Жить!

Сложней всего, конечно, приходится второй категории граждан. Во-первых, амбиции повыше. А во-вторых, свободно заниматься творчеством ты, конечно, можешь. Но попробуй продай. Кому нужно это твоё творчество здесь в Америке, где тебя никто не знает, да и знать особенно не желает. Тут своих достаточно. А ведь надо же ещё чем-то платить за квартиру, что-то есть, на что-то покупать кисти, краски, холсты... Обратная сторона свободы.

Приехав в Нью-Йорк, тётя Фира поселилась в Бруклине на Брайтоне.

Как рассказать тебе, дорогой читатель, что такое Брайтон. Нет, не хватит у меня таланта описать это замечательное место. Гоголь, Булгаков, Зощенко в отчаянии сломали бы свои перья в бесплодных попытках обрисовать эти корявые полторы мили, две трети которой

проходят под грохочущей днём и ночью эстакадой нью-йоркского сабвея. Эту засранную улицу с овощными лавками и продуктовыми магазинчиками через каждые пятьдесят метров; с чёрными пластиковыми мешками мусора, выставленными прямо на дорогу; с какими-то подозрительными конторами и вывесками на русском языке.

Вывески Брайтона — это вообще отдельная тема. Можно бесконечно бродить по этой улице, разглядывая афиши, вывески, объявления, рекламы: «Русские дела» (это юридическая контора), «GASTRONOM ARKADIA», «Ресторан ODESSA» (ну, тут комментарии не требуются), «DELI Матрёшка» (прекрасное сочетание, почти оксюморон), «Лифт вниз не поднимает» (объявление на подъезде), «Заходи народ в свой огород. Товар золотой, хозяин холостой» (что к чему, что рекламируют?), «У нас есть большой и жирный селёдка!», «Навороченные мобилы для крутых парней!», «Вареничная», «Пельменная» (ну, это тоска по родине), «На втором этаже ВСЕ книги, ВСЕХ жанров! ПОЧТИ ДАРОМ!» (прямо Библиотека Конгресса), «Ресторан У Тёщи» (рискованное название, ещё подумаешь, идти ли в этот ресторан).

А народ!!! Нигде в Нью-Йорке вы не встретите таких роскошно одетых дам. Каждый раз, выходя из дома, они одеваются так, как должна, по их мнению, выглядеть Шарон Стоун или Элизабет Тейлор на лужайке перед Белым домом во время президентского приёма. Правда, представления о прекрасном у этих дам весьма своеобразные. При взгляде на них в памяти почему-то всплывает не красная дорожка «Оскара», а парижский Пляс Пигаль и гамбургский Рипербан. А брайтонские мужики — пузатые и в трениках... Не знаю, замечали ли вы, что пузо у российских мужиков совершенно иной конфигурации, чем у американцев или европейцев? Те просто толстые. А русский мужик, если смотреть на него сзади, вполне себе нормальный плотный мужчина. Всё его богатство видно только спереди и сбоку. Чем это определяется, ума не приложу. Может, потому, что в советском обиходе преобладающими ракурсами всегда были «в фас и в профиль?». А если вдруг кривая судьба занесёт вас на знаменитый брайтонский бордвок...

Как! Вы и что такое Бордвок, не знаете?.. Бордвок — это пара миль деревянного настила, одним концом упирающегося в Манхеттен Бич, а другим в громадное колесо обозрения парка Кони Айленд. В центральной его части, с одной стороны, наползая друг на друга, расположены самые разнообразные рестораны и кафе, где можно вольготно посидеть, выпить пива или чего покрепче и вкусно пообедать или

поужинать, наслаждаясь видом на бескрайнюю ширь Атлантического океана. Бордвок — это широкая деревянная набережная вдоль пляжа, по которой выгуливает себя разношёрстная брайтонская публика. Бордвок — это пара деревянных миль тщеславия. Бордвок — это клуб пикейных жилетов и сотня скамеек сплетен, игры в домино, карты и шахматы. Бордвок — это источник самой разнообразной информации. Бордвок — это... Короче, бордвок — это бордвок.

А язык! О, этот замечательный брайтонский язык! Эта дикая, гремучая смесь русского, идиша, английского, украинского, молдавского, белорусского и ещё хрен знает каких языков. Такого вы не встретите больше нигде. Этот язык — уникальное изобретение Брайтона. Слушать этот волапук невозможно. И, тем не менее, есть в нём какое-то обаяние, которое заставляет, хоть и насмешливо, его цитировать. Потому что «дайте мне паунд чиза, только не писом, а наслайсайте» — это классика. Это хочется повторять, от этого улучшается настроение. Это квинтэссенция, ДУХ этого места.

Первые дни и месяцы эмиграции все бывшие советские граждане пытаются найти себе занятие, похожее на то, каким занимались на родине. Но поскольку ТАМ практически любой бизнес был криминальным или полукриминальным, то и здесь он у них получается какой-то кривой, до тех пор, пока они не осознают, что надо умерить аппетиты и соблюдать законы. Иногда бывает слишком поздно.

Каждый вновь прибывший из России пытается убедить окружающих в своей значимости. Врачи вначале надувают щёки, доказывая, какими крутыми специалистами они были ТАМ. Все как один заведующие отделениями. Возможно, и были, но тут их и в санитары-то принимают неохотно, до тех пор, пока они не плюнут на свои амбиции и не займутся всерьёз подтверждением своей квалификации. А это язык, это экзамены, это получение лицензии, это длинный тяжёлый путь. Зато те, кто выдерживает, становятся, как правило, действительно хорошими врачами, потому как проходят заново ту науку, на которую за бабами и пьянками-гулянками не хватало времени в вольготные студенческие годы. Да и медицина здесь на несколько ином уровне.

Журналисты пытаются предложить свой талант в русскоязычные газеты, которых на всех не хватает, хотя в ту пору, когда тётя Фира появилась в Нью-Йорке, их было около сорока. Художники пытаются продать свои картины, которые, возможно, и шедевры, но тоже никому здесь не нужны, потому что американская публика, как, впрочем,

и российская, и вообще всякая другая, не склонна покупать картины, а те, кто покупает — покупает работы уже известных художников или, по крайней мере тех, о ком пишет американская пресса. А чтобы пресса написала, нужны деньги. И даже не только на то, чтобы подкупить журналиста (напоить, подружиться, сделать подарок), но даже просто на устройство выставки. А где у бедного эмигранта деньги? Замкнутый круг.

Но у нас, у эмигрантов, есть одно безусловное и неоспоримое преимущество — наивная вера в то, что Америка действительно страна неограниченных возможностей, невероятная активность, желание пробиться, и, главное, прививка против всех трудностей, которую мы получили в стране, где «всё было во имя человека, всё на благо человека». Умение преодолевать это «ВСЁ, что во имя и во благо», очень помогает нам в стране, которая о благе твоём заботится не очень, но зато даёт тебе возможность позаботиться о своём благе самому.

Тётя Фира прошла этот путь в полной мере. Поначалу она тоже пыталась продавать свои работы. Что-то у неё даже покупали, она ведь действительно была очень хорошим, самобытным художником. Но этого «что-то» на прожитые явно не хватало. Она пыталась пристроить свои работы в какие-то галереи. Там вежливо кивали, хвалили, говорили «да, да, мы подумаем...» Этим дело, как правило, и заканчивалось. Джонни — русский художник, с которым Фира познакомилась у Центрального парка, где она предлагала свои работы, сказал:

— А ты что хочешь от этих факинг гэллери? Они без рекомендаций никогда ничего не возьмут. Вот твои картины. Думаешь, они не понимают, что это хорошие работы? Понимают, и ещё как! Там ведь профессионалы работают. А не возьмут. Травки хочешь?

— Нет, спасибо, — поблагодарила тётя Фира.

— Ну, как хочешь, — сказал Джонни, закручивая косяк.

— Ну, почему? Ты же сам сказал, что работы хорошие.

— Почему, почему... По кочану! Потому что им не искусство нужно. Им продать надо. Чуешь разницу?

— Ну, так, если работа хорошая, её и продать можно.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому, — сказал Джонни, затягиваясь. — Потому что в искусстве никто ни хера не понимает. Те, у кого есть деньги, покупают работы или уже известных художников, или тех, вокруг которых шум, скандал.

Пена, одним словом. Ну, не может же нормальный человек, у которого есть хоть что-то в его факинг котелке, всерьёз считать, что работы Уорхола или Лихтенштейна — это произведение искусства. Да я таких «мерлин монро» под копирку могу за день сотню нахерачить. Что, кстати, эти ребята и делали.

— Вообще-то, у нас в Гомеле это, честно говоря, и даром никто бы не взял, — сказала тётя Фира. — Но ведь покупают. И за сумасшедшие бабки. Может, в этом что-то есть.

Джонни посмотрел на неё и усмехнулся.

— Ну, ну...«Всё-таки в дерьме что-то есть. Не может же миллион мух так ошибаться!»

— Ой, вэй! — восхитилась тётя Фира и с уважением посмотрела на Джонни. — Здорово сказано! Сам придумал?

— Нет, конечно. Ежи Лец сказал.

Тётя Фира не знала, кто такой этот самый Е. Жилец, а спрашивать постеснялась. Вообще-то в школе она училась в одном классе с козлом по фамилии Жилец, и его даже звали Фимка, Ефим значит. Но такие мудрые мысли тому Е. Жильцу в голову прийти, конечно, не могли, потому что он был хулиган, второгодник и полный дебил. «Наверное, это какой-то другой Жилец — подумала она. — Мало ли на свете жильцов».

— Но ведь как-то этот самый Уорхол пробился, — сказала тётя Фира.

— Жопу подставил, вот и пробился, — сказал Джонни и с наслаждением выпустил облако дыма. В воздухе густо запахло марихуаной.

— То есть? — не поняла целомудренная тётя Фира.

— Вот тебе и «то есть». Гомик этот твой Уорхол, — зло сказал Джонни и сплюнул.

— А, вот ты о чём, — наконец поняла тётя Фира.

Нет, она, конечно, знала, что на свете существуют гомосексуалисты и что в искусстве их хватает, но у них в Гомеле этот вопрос не был слишком актуальным.

— Они всюду, — продолжал Джонни, — не плодятся, но размножаются. Один пидор банку супа «Кэмпбелл» нарисовал, или там, ту же «Мерлин», другой из «Нью-Йорк Таймс» написал, что это гениально, ещё куча таких же подхватила, они же друг за дружку держатся — и пошло-поехало. «Гений! Новое направление в искусстве! Поп-арт! Поп-арт!..» Жоп-арт!!! А куча дебилов всю эту хрень повторяет. А другая куча дебилов, у которых есть деньги, эту факинг х...ю скупает. И вешает в своих домах. А картина в раме, да на стене богатого дома или

в вестибюле банка, уже вроде и ценность представляет. «Не будет же Рокфеллер всякое дерьмо покупать...», — думает какой-нибудь debil, придя в банк и посмотрев на стену.

Джонни опять затынулся.

— Но ведь купил же этот самый Рокфеллер... Значит понравилось... — робко сказала Фира.

— Да, ни хера твой Рокфеллер не покупал. Рокфеллер делом занят, бабки куёт. У него в штате какой-то там хмырь искусствовед-дизайнер за это отвечает. Такой же пидор, как этот Энди Уорхол. И вот этот пидор-дизайнер посмотрел на этого пидора Эндичку и обкончался. Купил и повесил в вестибюле Чейз Манхэттен Банка. Рокфеллер, поди, посмотрел и спрашивает: «Что это за факинг х... ты тут мне повесил, Билл?». А тот с умным видом отвечает: «А это новое направление в искусстве, сэр. Поп-арт называется». Рокфеллер репу почесал и спрашивает: «А с чего это ты взял, Билли, что это вообще искусство?» «А вот, — говорит этот пидор-дизайнер, — вот статья в „Нью-Йорк Таймс“. Как раз про эту банку с супом и пишут. Я её вам на аукционе всего за двести тысяч купил». Рокфеллер берёт газету, а там: «Гений! Неподражаемо! Teriffic! Unbelievable! Новое направление в искусстве! Поп-арт!..» «Ну, — думает Рокфеллер — может, я действительно чего-то не понимаю. Отстал за делами... А, в общем-то, насрать! Двести тысяч не такие уж большие деньги. Не говорить же, что это говно — эти писаки вой поднимут, что я ретроград, что я ничего в искусстве не понимаю. Ещё и акции „Стандарт Ойл“ обвалят. Хер с ней с этой „Банкой супа“, пусть висит. Надо будет акций „Кэмпбелл“ прикупить. Возможно, они после этой картинки и подскочат». А Рокфеллер потому и Рокфеллер, что на много ходов вперёд умеет считать. Акции «Кэмпбелл» действительно подскочили, после того как картина в Чейз Манхэттене была вывешена.

Джонни сделал глубокую затыжку и глаза его затуманились.

— *«Я за искусство, которое смешано с повседневной чепухой и всё же поднимается наверх!»* — процитировал он. — Это Рой Лихтенштейн сказал, их идеолог. Конечно «поднимается наверх». Говно, оно всегда всплывает.

— Ну, что-то ты уж слишком сурово, — поёжилась тётя Фира.

— Нет, — Джонни затоптал окурочок. — На самом деле ещё хуже. Да ты скоро сама всё поймёшь.

Через какое-то время тётя Фира действительно поняла, что прокормиться продажей своих работ неизвестному художнику в Америке, как, впрочем, и в любой другой стране мира, невозможно, и если ты

хочешь заниматься творчеством, то надо найти какую-то работу, приносящую хотя бы минимальный доход.

И тогда тётя Фира занялась весьма своеобразным бизнесом.

* * *

Зарабатывать на жизнь тётя Фира стала тем, что «гнала фальшаки». Вам неизвестно, что такое «фальшак»? Ну да, да, конечно, вы же, наверное, далеки от всего этого. «Фальшак» — это когда делается копия с полотна какого-то известного художника или пишется картина в манере известного мастера, а продаётся как оригинал. Довольно распространённый и прибыльный бизнес в сфере искусства. Рынок картин перенасыщен всякого рода подделками, и спрос на эту продукцию не иссякает. Как только какое-то быдло, особенно российского разлива, наворовало столько, что и у него образуются излишки денег, оно (быдло) начинает «вкладываться» в искусство. А поскольку ни вкуса, ни знаний у него нет, то впарить ему какую-то подделку особого труда не составляет. Ибо покупает он-оно не понравившуюся картину, а имя. Вы можете возразить: а как же эксперты? Какой идиот выложит бабки, не убедившись, что это действительно Пикассо, Матисс, Жорж Брак или, скажем, Маринетти? Так вот, тётя Фира писала эти фальшаки так, что ни у одного эксперта не возникало сомнений в подлинности. Там, правда, есть много своих тонкостей, и в первую очередь, возраст и структура холста, но тётя Фира решала эту проблему просто. Она ходила по гарбиджам, по блошиным рынкам, по гараж-сейлам и покупала по доллару — по два старые, не представляющие никакой ценности, картины. Она очищала холсты от старой краски и писала на них свои шедевры. Затем с помощью соответствующих техник старила картины, делала кракелюр — возрастные трещинки в слое краски, обрабатывала подрамники, чтобы они тоже выглядели старыми и т.д., и т.п. В этом деле много всяких премудростей, известных только специалистам. Эксперты, захлёбываясь от восторга, утверждали, что это неизвестные произведения великого Модильяни или Джакометти, и несколько таких работ даже ушли с аукционов Сотсбис, Кристи, Fritz Reiss, Друо, и других менее известных.

Естественно, она не сама продавала эти работы, а сдавала посредникам, которые, собственно, и подвигли тётю Фиру на этот преступный бизнес. Они — эти ребята, которые заказывали Матиссов, Пабло Пикассов, Беню Николсонов и прочих Габриэлей Россетти, тоже не были лохами. Они подтасовывали провенанс, нанимали экспертов

и доказывали, что это настоящие утраченные оригиналы известных мастеров.

Вы спрашиваете, что означает такое красивое слово — «провенанс»? Я сам первый раз услышал его от тётки Фиры. Грубо говоря, провенанс — это «биография» картины. Он включает историю создания, историю владения и т.д. и т.п. Хороший прозрачный провенанс поднимает стоимость картины чуть ли не вдвое-втрое, а зачастую без него работу и покупать-то никто не будет. Так вот эти ребята собирали информацию, внедрялись в окружение родственников, наследников, подкладывали поддельные письма художника, где описывался замысел картины, которую писала в настоящий момент тётка Фира. В общем, работали вдумчиво, грамотно и с фантазией.

Это продолжалось довольно долго, но однажды в дверь тётки Фиры постучали люди в серых костюмах.

* * *

Как-то раз, гуляя по Брайтону, тётка Фира зашла в супермаркет «National». Она оторвала талончик с номером очереди и стала ждать, когда её вызовут. Какой-то мужчина стоял у прилавка, разглядывая сыры на витрине.

— Дайте мне паунд пошехонского чиза — сказал мужчина, — только не писом, а наслайсите. И ещё полпаунда гомельской колбасы.

Голос мужчины показался тётке Фире знакомым. Где-то она его слышала. Мужчина взял наслайсанный чиз и повернулся, чтобы уходить. И тут тётка Фира его узнала:

— Здравствуйте, Арон Исаакович, — окликнула она мужчину, — вы меня не узнаете? Я Фира Розенпоц из Гомеля. Помните, вы меня отговорили поменять фамилию?

— Ну, как же, как же... Припоминаю. Эсфирь Марковна, если не ошибаюсь?

— Ну, конечно! — обрадовалась тётка Фира. — Вы и имя моё помните! А вы Иванов Арон Исаакович из гомельского ЗАГСа. Правильно?

— Нет, неправильно, — сказал Арон Исаакович и почему-то тревожно оглянулся. — Звать меня действительно Арон Исаакович, но фамилия моя не Иванов, а Розенпоц.

— Как Розенпоц? — удивилась тётка Фира. — Ведь Розенпоц — это я!

— Милочка, — сказал Иванов-Розенпоц, — что же в этом удивительного? И вы Розенпоц, и я Розенпоц. Или вы полагаете, что в Америке должен быть только один человек по фамилии Розенпоц? Не будьте эгоисткой.

— Но вы же сами говорили, когда я хотела поменять фамилию на Рейган, что Рейган может быть только один.

— Рейган, действительно, может быть только один, а Розенпоцов — сколько угодно. И не кричите так громко. Вас слышно аж на Билецкой улице.

На Билецкой улице в славном городе Гомеле располагалось, кто не знает, заведение с не самой хорошей репутацией. Называлось оно — Комитет Государственной Безопасности. Поэтому тётя Фира тоже оглянулась и понизила голос.

— Но вы же были Ивановым. Вы мне табличку показывали, — сказала тётя Фира шёпотом.

— Понимаете, Фирочка. После вашего визита я подумал: вот молодая красивая женщина, перед ней открыты все дороги. Ну, зачем мне этот макес? Зачем мне всю оставшуюся жизнь маяться с фамилией Иванов в Гомеле, когда я могу счастливо жить в Америке, как эта шейн ви голд с фамилией Розенпоц. И я написал заявление с просьбой поменять мне фамилию на Розенпоц. И вы знаете, этот старый осёл Иванов мне не отказал.

— Но почему, почему на Розенпоц? У вас же была какая-то фамилия до «Иванов»?

— Была, — вздохнул Иванов-Розенпоц. — И, между прочим, не менее красивая, чем ваша.

— Какая?

— Кацнельсон, — гордо сказал Иванов. Но вспомнив, что теперь он Розенпоц, опять загрустил.

— Ну, так и вернули бы. Действительно фамилия красивая.

— Ишь вы какая, — сказал бывший Кацнельсон. — Для того, чтобы стать Ивановым, мне в своё время пришлось заплатить большие деньги. Вы что же хотите? Чтобы я за те же деньги вернул то, что у меня уже было? Азохен вэй — ничего себе гешефт!

— Жаба давила! — догадалась тётя Фира.

— Давила, — признался Иванов. — И я решил — пусть уж будет Розенпоц, как у той шейнеле мейдл, что только что ушла.

— Так это вы в мою честь, — улыбнулась польщённая тётя Фира.

— Можно сказать и так... — согласился Арон Исаакович, бывший Кацнельсон, бывший Иванов, ныне Розенпоц.

В другой раз, проходя по Брайтону в районе Си Парка, тётя Фира попала на какой-то митинг. Вокруг кричали, размахивали флагами и плакатами. Тётю Фиру притиснули к широкой спине толстозадого

мужика, который держал плакат: «Свободу российским диссидентам!» При этом он как барбудос воздевал к небу кулак и кричал: «Но пасаран, чтоб вы так жили! Но пасаран!»

Тёте Фире захотелось отлипнуть от толстозадого, и она упёрлась руками в эту широкую спину.

— Ты чего толкаешься, поганка, — развернулся к ней толстозадый.

— Ой, — узнала его тётя Фира. — Здравствуйте, товарищ Петров!

Толстозадый подозрительно посмотрел на тётю Фиру:

— С чего это вы, уважаемая, решили, что моя фамилия Петров?

— Ну, как же, — удивилась тётя Фира, — вы же Моисей Соломонович Петров, начальник гомельского ОВИРа. Вы разве меня не помните? Я Фира Розенпоц из Гомеля. Вы ещё хотели посадить меня лет на десять без права переписки, — мстительно добавили она.

— Что-то вы путаете, дорогуша, — сказал Петров, беспокожно оглядываясь по сторонам. — Никакой я вам не Петров. Отвяньте от меня. — Он развернулся, чтобы уйти.

— Ой, ой, ой!.. — обиделась тётя Фира, — вы только не расчёсывайте мою девичью память. Она у меня таки пока есть. Не хотите быть Петровым — не надо. Я не вахтёр гомельского завода резиновых изделий, чтобы проверять ваши документы.

На них стали оглядываться. Петров засуетился и поспешно нырнул в толпу.

— В чём дело, Эсфирь Марковна? — спросил тётю Фиру сосед по подъезду, бывший дирижёр большого симфонического оркестра города Бердичева Иван Иванович Кац.

— Этот штымп делает мне нервы за то, что он не Петров Моисей Соломонович из гомельского ОВИРа. Я понимаю, что с такой героической биографией он не желает, чтобы его портреты печатались в «Нью-Йорк Таймс». Таки имеет право. Мне только обидно, что этот поц, который обещал мне десяточку в Гомеле, теперь кричит «но пасаран» здесь на Брайтоне.

— Фирочка, — сказал Иван Иванович, — он действительно не Петров. Вы, наверное, ошиблись. Это активист «Шор фронта», председатель совета ветеранов пострадавших от сталинских репрессий. Его фамилия Розенпоц. Розенпоц Моисей Соломонович.

Тётя Фира потеряла дар речи.

— Как? — наконец выдавила она из себя. — И этот тоже?

— Да, да, — улыбнулся Кац, — Он даже баллотировался в президенты Брайтона, но Боря Талис его обошёл.

Вечером тётя Фира, купив бутылку водки, плакалась своей подружке Лильке Фердыщенко, ныне фрилансеру «Нового Русского Слова» Лиле Брод:

— Ай воз тучер, — рыдала она. — Это что ж такое делается? Куда ни плюнь, всюду одни розенпоцы! А глик от мир гетрофен. (И за что мне такое счастье?)

Лилька сочувственно кивала:

— У меня тоже вокруг нечто похожее, — подливала она водку Фире. — А если и отыщется Иванов или Петров, копни — Розенпоцем окажется.

— Ну, ты не нахальничай, — слабо возражала тётя Фира.

— Да что ты, Фирочка! Я тебя в виду не имею. Тебя это не касается.

За этой содержательной беседой они уговорили литровую бутылку водки. Под конец циничная Лилька сказала:

— Да плюнь! Будешь заполнять документы на гражданство, помняешь фамилию. Хоть на Вашингтон, хоть на Рейган. «Свобода, бля, свобода, бля, свобода...» — пропела она.

— Ну, нет, — шмыгнула носом тётя Фира. — В Америке уже есть один Рейган, второго из Гомеля им не надо.

Через пару дней Лилька зашла к тёте Фире и сказала:

— Помнишь, ты говорила, что ищешь спонсора для устройства своей выставки. Я тут вчера брала интервью для газеты у одного х... с горы. Хочешь познакомлю? Он на меня запал.

— А что за х...? — заинтересовалась тётя Фира.

— Очень богатый.. Роллс-Ройсами в России торговал. Сейчас из России сбежал. По-моему, на него там сильно наехали. Теперь искусством интересуется. Скупает работы российских гениев — Кабакова, Целкова, Булатова, Комара с Меламедом... Вот сейчас собрался в золоте и платине скульптуры Шемякина и Неизвестного отливать.

— Зачем?! — удивилась тётя Фира.

— Что зачем?

— Ну, в золоте, в платине зачем? Он что, больной или ударился?

— Дура ты, Фирка, — сказала Лилька. — Кому на х... нужно твоё искусство? Кто в нём разбирается? Похвалят в «Нью-Йорк Таймс» — искусство, не похвалят — говно на палочке. А когда в золоте и платине, то и работы Шемяки за шедевр сойдут. Ты же понимаешь, что кусок золота и какая-нибудь цацка из него цену имеют разную. Феликс же не картины коллекционирует, а бабки вкладывает. Короче, подруга, познакомить или нет?

— Ну, конечно, познакомить, — сказала тётя Фира. — Вдруг чего и обломится. Хотя не с нашим-то счастьем...

— Не бзди, — успокоила Лилька, — прорвёмся.

Она достала телефон и набрала номер:

— Феликс, здравствуйте, — томно выдохнула в трубку, — это вас Лиля Брод из «Нового Русского Слова» беспокоит... Что? Да, да, конечно, я тоже очень рада... Я бы хотела с вами встретиться, — она сделала многозначительную паузу, — материал завизировать... Да... Где хотите и когда хотите... У вас? Почему же нет... О, да... Да... — она прикрыла трубку ладонью, подмигнула тёте Фире:

— Ключёт, поц мелконаструженный.

— Что?.. Ну, конечно, конечно... Когда? Завтра? O'key... Буду, конечно, буду. Только знаете, Феликс, дорогой, я приду не одна, а с подругой. Ну, что вы, что вы... Она очаровательная женщина, а главное, замечательная художница, и вам с вашим вкусом будет интересно посмотреть её работы... Обязательно. До встречи.

— Козёл! — поставила она окончательный диагноз и резко захлопнула крышку телефона. — Ну, вот скажи, Фирка, почему они все такие козлы?

На этот, признаться, риторический вопрос у тётя Фире и ответа не было, поэтому она просто пожала плечами.

* * *

На следующий день тётя Фира и Лилька поднимались в зеркальном лифте на какой-то немислимо высокий этаж билдинга на Мэдисон Авеню в Манхэттене.

— Забудь свою еврейскую мову, — наставляла подруга тётю Фиру, — вообще, выбрось на хер свои гомельские примочки. Он хоть и козёл, но из Питера всё-таки, под интеллигента косит, и на ваши местечковые феньки реагирует нервно.

— Ой, ой, ой, — проворчала тётя Фира, — азохен ээй. Надо же, какие мы нежные.

Дверь им открыл какой-то хмырь. Он сразу Фире не понравился. Тонкие усики, прилизанные волосы, и вообще какой-то глистоватый. Она было решила, что это и есть обещанный Лилькой «х... с горы», но та тут же развеяла её заблуждение, обратившись к хмырю:

— Феликс Сигизмундович дома?

Хмырь оценивающе посмотрел на девушек и с нагловатой усмешкой спросил.

— А вы кто такие будете, дамочки?

— Я Лиля Брод из «Нового Русского Слова». А ты, сукин сын, вместо того чтобы лыбиться здесь, быстренько на цырлах, мухой — лети и доложи хозяину.

Хмырь тут же стёр ухмылку и засуетился:

— Ну, как же, как же... Сию минуточку, — и юркнул за дверь.

— Кто это такой? — спросила тётя Фира.

— А х... его знает. Лакей, наверное.

— С чего ты взяла?

— Не видишь, что ли? Морда же абсолютно холуйская — Лилька умела разбираться в людях. С полувзгляда она определяла возраст человека, общественное положение, статус, характер, семейное положение и ещё много других полезных вещей. Там, где другие получали от ворот поворот, Лилька грудью прокладывала дорогу. Зная это свойство Лилькиной груди, главный редактор на ответственные интервью посылал именно её.

Выглянул хмырь, ставший как будто даже меньше ростом.

— Ну, что же вы стоите, милые дамы? Проходите, проходите, пожалуйста. Феликс Сигизмундович сейчас будут.

Фира и Лилька вошли в громадную комнату, можно даже сказать, залу с огромными во всю стену окнами и высокими, метров шесть-семь потолками. Тётя Фира переступила порог и остолбенела. Посередине комнаты стояла громадная скульптура шестнадцатисисечной женщины. Сиськи начинались на том месте, где им и положено быть, но затем неудержимым водопадом низвергались до колен по восемь с каждой стороны. При этом шестнадцатисисечная была почему-то в шапке-ушанке какого-то невиданного покроя, на маленькой, в полсиськи голове. Тётя Фира застыла перед этим чудом, превратившись в соляной столп, как жена Лота.

— Что это? — наконец хрипло спросила она.

— Это замечательное произведение искусства великого художника Михаила Шемякина, — сказала Лилька. — Копия, наверное. Одна такая, чуть покрупнее, стоит в Гринвич Виллидже на Spring Street. Перед «Mimi Ferzt gallery».

— А для чего ей столько сисек?

— Ничего ты не понимаешь, — презрительно сказала Лилька. — Шемяка гениальный художник — он ничего просто так не делает. Уж, наверное, что-то он имел в виду.

— Что?

— Ну, не знаю... Наверное, такое количество сисек символизирует материнство, — предположила Лилька. — Или там ещё что-то. Х... его знает, что в голове у этих гениев делается.

— Вэй’з мир, — прошептала тётя Фира — Ой, вэй’з мир. Аф алэ сой-ним мир гезукт! (Чтоб всем моим врагам так было!)

Должен открыть вам одну очень интимную тайну. Тётя Фира была симпатичной женщиной и всегда пользовалась вниманием мужчин. Причём не только в Гомеле. Она не была недотрогой, однако, когда надо, она могла быть и стойкой, и неприступной, как крепость Моссада пред мечами римлян. Но у неё было одно слабое место — грудь. Все бастионы, все женские укрепительные редуты рушились в мгновение ока, стоило ухажёру добраться до груди и нежно её поцеловать. Голова у Фиры сразу шла кругом, она переставала что-либо соображать и приходила в себя после того, когда, собственно, делать уже было нечего, только продолжать. Этим, кстати, и воспользовался в своё время шлимазл Моська Гольдштейн, когда Фирочке было 16 лет. С тех пор много воды утекло, тётя Фира повзрослела и умела отшивать нежелательных кавалеров, но опять-таки только до момента, когда ухажёр добирался до её бюста.

Неудивительно, что скульптура Шемякина произвела на неё такое впечатление.

— Вэй’з мир, — думала тётя Фира, ощущая сладкое томление. — Если я не могу справиться со своими двумя, то как же она, бедолага, живёт с шестнадцатью? Этот цудрейтер Шемякин, наверное, сексуально озабоченный тип. Надо же такое придумать.

— Ну, ты что застряла? — поторопила её Лилька.

Тётя Фира с трудом оторвалась от чудесной скульптуры и огляделась. Увиденное поразило её не менее, чем шестнадцатисисечная подруга по несчастью. По стенам висели прекрасные сияющие химическими цветами полотна Целкова. Она знала и любила этого художника. Борис Жанович несколько раз давал задание скопировать его работы. На его примере Жердин объяснял, как надо работать с цветом. Рядом висело огромное полотно Комара и Меламеда, на котором какие-то античные тётки вручали Сталину отравленную Конституцию. То, что Конституция отравлена, следовало из таблички рядом с картиной. Чуть поодаль висел громадный портрет Леонида Ильича Брежнева на фоне герба СССР, окружённого флагами союзных республик, а рядом такой же огромный плакат с буквами «Слава КПСС» на фоне синего облачного неба.

— Слышь, Лилька! — спросила Фира, — если этот Феликс так любит Советскую власть, какого хера он из Совка слинял?

— А с чего ты решила, что он любит Советскую власть? — удивилась Лилька.

— Ну, как же... — тётя Фира показала на портрет Брежнева и на плакат «Слава КПСС».

— Всё-таки ты, Фирка, дура дремучая! — сказала Лилька. — Это же две козырные работы Эрика Булатова. Его работы уже миллионы стоят. Вот Феликс и вкладывается.

— Иди ты! — не поверила тётя Фира. — Вот за это?!

— Представь себе. Его «Советский космос» за полтора лимона на каком-то аукционе ушёл. На «Филипс» кажется.

«Ой, вэй, — вздохнула тётя Фира. — Всё-таки Джонни был прав. Идиотов в мире немеряно. Я в Гомеле такие плакаты к каждому празднику сотнями рисовала в своё время. И за работу не считала. Платили по червонцу — и хорошо. А тут миллионы... Что ж это такое на свете делается».

В углу стояла громадная скульптура Петра Первого. Эту работу Шемякина тётя Фира знала. Когда она пыталась поступить в Ленинградскую Академию художеств, она видела её во дворе Петропавловской крепости. «Гляди-ка! — подумала тётя Фира. — Этот Феликс не промах — не только сам из России слинял, но ещё и скульптурку из Петропавловки с собой прихватил. Молодец! Как это ему только удалось... А впрочем, азохен вей, чему тут удивляться, если он Роллс-Ройсы в Россию пачками ввозил...

В комнату вошёл, нет, не вошёл, а влетел Феликс Сигизмундович. На Феликсе Сигизмундовиче был красный бархатный шлафрок с атласными отворотами. Он был чем-то похож на персонажа картины Федотова «Утро чиновника», которую Фира копировала на третьем курсе училища, только в голове у него не было папильоток, по причине почти полного отсутствия волос. Голова Феликса Сигизмундовича была лыса и кругла, как череп «бедного Йорика». На груди у него вместо федотовской медальки на золотой цепочке висели позолоченные очки.

Феликс Сигизмундович распахнул руки и «стремительным домкратом» устремился к нашим дамам.

— Лилечка, дорогая, вы даже не представляете, как я счастлив вас видеть, — преувеличенно радостно сказал Феликс Сигизмундович.

Лилька, повидавшая на своём веку всякое, достойно встретила феликсовый напор. Она вытянула руку, чтобы удержать Феликса на дистанции, и холодно сказала:

— Ну почему же не представляю? Очень даже представляю.

Феликс схватил Лилькину руку и попытался нежно её облобызать. Фира, не привыкшая к такому яростному выражению чувств, непроизвольно попятилась.

— Вы бы, Феликс, своего халдея уняли, а то он с дамами разговаривать не умеет... — наябедничала Лилька, отнимая руку.

— Что?! Что этот сукин сын себе позволил? Я его уволю нах... сейчас же.

— Феликс Сигизмундович... Хозяин... Я же не знал... — залепетал глистоватый, — вы же сами сказали, никаких блядей не пускать...

— Пошёл на х...! — рывкнул хозяин, и глистоватый исчез.

* * *

Однако, вернёмся к тёте Фире. Читателю, я думаю, интересно проследить, каким образом она пришла к своему бизнесу. И тут, наверное, надо начинать с самого начала. Как говорили древние «*ab ovo usque ad mala*»...

Почему так случается, что один человек становится художником, другой актёром, третий инженером, четвёртый, не к ночи будет сказано, политиком или жуликом, что, собственно, одно и то же? Что предопределяет пути наши? Гены ли в этом виноваты, окружение, или, как утверждают классики марксизма, социальные условия. Сие тайна великая есть. Наверное, и то, и другое, и третье. А скорее всего — божественный промысел. Только ОН решает, кого наказать талантом.

Для тёти Фиры проблемы выбора профессии не существовало. Сколько себя помнит, она всегда рисовала. Вначале, как все дети — домики, солнышко, деревья, травку, маму, папу... В этом она никак от прочих детей не отличалась. Но почти с самых ранних лет была в её рисунках какая-то пристальная детализировка. Она умела подмечать мелкие детали, характерные чёрточки, и тонко, скрупулёзно выписывать их. Что рисует обыкновенный ребёнок? Какой-то абстрактный домик с трубой, дым над этой трубой, вообще дерево, вообще травку, вообще речку, вообще дождик, вообще солнце, вообще птичку. У маленькой Фирочки всё было иначе. При взгляде на её рисунок все сразу понимали, что нарисован не просто домик, а, скажем, бывшее здание аптеки Эфрота, что на Троицкой. Оно, правда, было чуть-чуть перекошенное, как это всегда бывает на детских рисунках — ну, так оно и в жизни было слегка кривое. Особенно после того, как Троицкую переименовали в Крестьянскую, а в аптеке Эфрота разместили райком пар-

тии. Если Фирочка рисовала первомайскую демонстрацию, то в праздничной толпе угадывались соседи, родственники, родители, короче, вся фирочкина мешпуха. А в портретах, которые они несли, вполне узнавались члены родного политбюро. Правда, и здесь они были слегка искажены детской фантазией. Никита Сергеевич Хрущёв был похож на Хрюшу из передачи тёти Вали Леонтьевой, а, скажем, дорогой Леонид Ильич — на Карабаса-Барабаса в исполнении артиста Этуша, только без бороды и усов. Папа тёти Фиры, который отсидел 5 лет в мордовском лагере, увидев однажды рисунок Фирочки, хотел даже выпороть её, чтобы было неповадно рисовать такие антисоветские глупости. Он уже вытащил ремень из брюк и, поддерживая спадающие штаны, бежал за Фирочкой по квартире, но в это время к ним на шум заглянул сосед сверху, замечательный гомельский художник, незаконный сын знаменитого французского артиста Жана Маре — Борис Жердин.

— В чём дело, Марик? — спросил он. — Ты что кричишь, как зарезанный бегемот?

— Нет, ты посмотри на эту маленькую *идене* мишугенер, — кричал папа, пытаясь ремнём достать Фиру, которая спряталась за дядю Бору, — она таки хочет, чтобы меня посадили взад обратно. Вот, ты только погляди, — он потряс рисунком, — это же минимум три года лагерей.

Борис Жанович расправил листок и внимательно посмотрел.

— Марик, — сказал Жердин, — во-первых, подбери штаны. А во-вторых, не надо делать в бруки. На мой взгляд, замечательный рисунок. У твоей девочки талант. Ей надо учиться. Если хочешь, я её возьму в свой кружок в Доме Пионэров.

Борис Жанович Жердин был очень уважаемым в Гомеле человеком. Его дед по материнской линии Давид Абрамович Жердин организовал первую в Гомеле Коммунистическую артель слепых коммунистов — ГомКомАСК, которая производила тележные колёса. Он дружил с Шагалом, Луначарским и Казимиром Малевичем, которые часто бывали в доме Жердиных. Малевич для артели слепых коммунистов даже нарисовал вывеску, которую очень образно назвал — «Чёрный квадрат». Эта вывеска сейчас хранится в Третьяковской галерее. А дядя Бориса Жановича Абрам Жердин был основателем очень популярного ныне в мире жанра «квилт», и даже ходили слухи, что большинство работ Пабло Пикассо были написаны именно Абрамом Жердиным. Во всяком случае, всемирно известная картина Пикассо «Герника» первоначально называлась «Забой скота в Рогачёве» и была написана Абрамом

Жердиным по мотивам его одноимённого квилта, когда дядя Абраша ездил в Париж за нитками. (см. рассказ Жердина «В Париж за нитками»). Он тогда останавливался у друга семьи Жердиных Марка Шагала в мастерской на Монмартре, где и познакомился с Пикассо. Это, в общем, всем известные факты, и я упоминаю о них только для того, чтобы объяснить, что Борис Жанович Жердин был в Гомеле фигурой заметной и значил почти то же самое, что Шагал для соседнего Витебска. К его мнению следовало прислушаться.

Папа подтянул брюки и сказал.

— Да, ради бога, пусть учится. Только я тебя умоляю, Боря, — скажи ей, чтобы она больше не рисовала членов политбюро. Я своё уже отси-дел.

Из этого случая тётя Фира вынесла твёрдое убеждение, что рисовать представителей власти дело далеко не безопасное, и делать это следует только в том случае, если у тебя есть поддержка сверху. Хотя бы в виде дяди Бори. А лучше вообще от греха подальше.

Несколько лет тётя Фира ходила в кружок рисования Бориса Жановича, а после восьмого класса поступила в Гомельское Художественное училище на его курс. У Жердина была своя система обучения студентов. Он считал, что художник, прежде чем начнёт писать что-то своё, должен освоить наследие великих мастеров прошлого. Поэтому большую часть времени он заставлял студентов копировать работы известных художников. Фирочка с её цепким взглядом и тягой к детализации была у него любимой ученицей. В конце концов она так набила руку, что могла скопировать любую работу от импрессионистов, кубистов, фовистов, пуантилистов, экспрессионистов и прочих «...истов» — до Рубенса, Веласкеса и всех пятерых Кранахов вместе взятых. Об абстракционистах, или, извините за выражение, супрематистах я даже не говорю. Тут, как говорится — «два пальца об асфальт!» И однажды сам Жердин, работу которого «Уборка озимых в колхозе Нижние Цыкуны» она скопировала так, что тот не смог отличить где копия, а где оригинал, сказал ей:

— Всё, Фирочка. Мне учить тебя нечему. Ты и так рисуешь лучше всех, кого ты копируешь. Хочу только, чтобы ты взяла в голову на всю жизнь — никогда не подписывай копии. Ни своим именем, ни тем более именем мастера. Иначе ты с этого будешь иметь большой, большой маекс и дырку в голову. Оно тебе надо?

— Нет, — сказала Фира. — Оно мне не надо. Спасибо, Борис Жанович!

Жердин взял фломастер и на копии картины над своей подписью, подделанной Фирой так, что она выглядела лучше настоящей, напи-

сал: «Победителю-ученику от побеждённого учителя!» Эту фразу ошибочно приписывают Жуковскому. Якобы он подарил Пушкину свой портрет с такой надписью. На самом деле фраза эта принадлежит замечательному гомельскому художнику Борису Жановичу Жердину, и Пушкин здесь абсолютно ни при чём.

Но самым высшим шиком и развлечением в училище считалось не скопировать картину какого-то мастера, а написать свою в манере этого художника, а затем, сочинив правдоподобную легенду, подсунуть какому-нибудь искусствоведу. Тот начинал копаться в справочниках, искать упоминания об этой картине и в конце концов, не найдя, объявлял её неизвестным шедевром. Здесь равных Фирочке Розенпоц не было. Не в смысле сочинения легенд, конечно, а в создании неизвестных шедевров.

Однажды за этим занятием её и застал этот шлимазл Моська Гольдштейн. Фирочка как раз писала работу в стиле Шагала, которую она назвала «День рождения». Моська вначале без дела тынялся по студии, мешал Фире работать, пытаясь её обнять, а потом, когда она на него цыкнула, разлёгся на диване и стал смотреть, как она работает. Он долго смотрел, а потом сказал:

— Дура ты, Фирка! При таком таланте никто тебя не знает, твои собственные картины не продаются, сидишь без гроша, холсты и те старые покупаешь. Где ты только такую рухлядь берёшь?

— Где, где... — проворчала Фира, — в гнезде, на высокой сосне... На барахолке, конечно. Старые картины покупаю. Новый холст в магазине 20 рублей стоит, а на барахолке пяток старых картин по рублю. А чего?! Вон, Шагал, — она показала на картину, — между прочим, тоже писал на старых картинах для экономии. А чего! Старую мазню смоешь, подгрунтуешь чуток — и пиши себе. Таки это — *холсты!!!* Не то что нынешнее говно! Умели раньше делать.

— Эх, — покрутил головой Моська, — цудрейтерша ты... Шла бы лучше за меня замуж.

— Щас, — сказала Фира, — пойду фату духами побрызгаю. Будем вместе без денег сидеть. Азохен вэй, тоже мне женишок нашёлся. Помог бы мне лучше штуки две достать — папа болеет. Ты ж у нас известный гешефт махер.

У Фирино папы в это время обострился туберкулёз, которым он заболел в мордовском лагере на лесоповале. Нужно было доставать какие-то дорогие дефицитные импортные лекарства.

Моська при упоминании о деньгах сначала загрустил, а потом вдруг оживился, вскочил и забегал по мастерской:

— Я знаю, — сказал он, — я знаю, где достать деньги.

— Ну?

— Надо продать эту картину, — он показал на мольберт, где стоял Шагал тёти Фиры.

— Ну, ну... — сказала Фира. — Много ты за него возьмёшь. Кому нужен поддельный Шагал.

— А кто сказал, что этот Шагал поддельный? — ответил, как и положено еврею, вопросом на вопрос Моська.

— Я! Я тебе сказала. Если ты намекаешь, что картину надо подписать, так этого таки не будет.

— Да и не надо, — хмыкнул Моська. — Я сделаю так, что её и без всякой подписи примут за настоящую. Ты можешь её чуть-чуть состарить?

Фира презрительно пожала плечами.

— Ну, вот и сделай. Остальное не твои заботы.

Он подошёл к телефону и набрал номер:

— Галочка? Здравствуйте. Да, это я... Да... Вы меня уже узнаете?... Будьте любезны, соедините меня с Валентином Петровичем... Валентин Петрович, здравствуйте! Это вас Моисей Гольдштейн беспокоит... Да, президент фонда молодых любителей искусства при горкоме комсомола. Мне звонили из вашего аппарата насчёт экскурсии для гостей из Москвы... Да... Да... А когда они приезжают? Через две недели... Конечно, к среде буду готов... Хорошо... А что, у них своего искусствоведа не будет? А, понятно... Ну, хорошо. Хорошо... Скажете, во сколько. До свиданья.

* * *

На следующий день Моська с младшим Фириным братом Венькой задвинули фириногo Шагала в самый дальний угол чердака дома Моськиной бабки, закидали её старыми тряпками, заставили сломанными стульями и всяким другим хламом. А Венька (тоже ещё тот шайгец) наловил целую банку пауков и выпустил их на чердаке.

Тут надо кое-что объяснить. Бабку Моськи Гольдштейна звали Тея. Тея Брахман. Именно в её доме Шагал познакомился с Беллой Розенфельд. Правда, тогда он ещё был никаким не Шагалом, а неизвестным, всегда задумчивым, непризнанным витебским художником Мойшей Сигалом, который часто наезжал в Гомель в гости к Жердиным. Там он познакомился с умной, интеллигентной и вполне эмансипированной

дочкой гомельского врача Вольфа Брахмана Теей. У них возник бурный роман, и они даже подумывали пожениться. Тея была первой любовью художника. Очень много картин того периода, в том числе и знаменитый портрет «Обнажённой», для которого ему позировала Тея, Шагал написал в доме Брахманов. В сарае у Моськиной бабки в своё время пылилось много набросков раннего Шагала. На свою беду, но безусловно на счастье всего человечества, Тея познакомила его со своей лучшей подругой Беллой и та, выражаясь простым языком, увела Мойшу у Теи.

Честно говоря, женишок-то он в те времена был незавидный. В зажёртотом, вечно испачканном краской лапсердаке, ничего кроме недоумения и жалости Мойша у окружающих не вызывал. Белла Розенфельд непостижимым женским чутьём угадала в нём талант, твёрдость духа и поверила в него. Во всех жизнеописаниях Шагала много пишут о Белле Розенфельд как о музе великого художника, но о Тее, которая так много сделала для становления таланта Шагала, известно мало. Следы Теи Брахман после того, как она рассталась с Мойшей, теряются. А между тем, она просто вернулась к себе в Гомель и вышла замуж за Моськиного деда Исаака Гольдштейна и соответственно сменила фамилию. В шагаловедческой литературе имя Теи Брахман упоминается неоднократно, и факт, что в её доме творил Шагал, широко известен.

После того как Шагал стал известным художником, всякие шустрые деятели от искусства хорошо почистили места его бывшего обитания, в том числе и дом Гольдштейнов, и скупили за бесценок работы у Моськиной бабки. Единственное сокровище, которое у неё осталось, — пачка писем художника, которые она впоследствии передала дочери Шагала Иде во время одного из её приездов в СССР. Когда по Гомелю водили экскурсии, дом Теи Вольфовны Брахман-Гольдштейн показывали как местную достопримечательность — «ЗДЕСЬ ТВОРИЛ ШАГАЛ».

Вот в этом-то доме на чердаке Моська и спрятал фириного Шагала.

Тут надо бы сказать пару слов и о самом Моське Гольдштейне — персонаже ничуть не менее примечательном, чем сама Тея. Должен сказать, что это был по-своему гениальный человек. Он, как и многие в те годы, вначале немного фарцевал, но после того, как его пару раз прихватили менты и чуть не посадили за валютные операции, от этого рискованного бизнеса отошёл, сформулировав на всю дальнейшую жизнь своё главное кредо: «*Торговать надо тем, чего нельзя уронить на ногу*». О том, что существуют какие-то другие виды человеческой деятельности кроме торговли, юный Гольдштейн, как настоящий еврей,

даже и помыслить не мог. Причём в понятие «торговля» у него входил достаточно широкий спектр занятий. От собственно стояния за прилавком до, скажем, работы в партийных или советских органах. Следует заметить, он был, как это ни прискорбно, по-своему прав.

Осознав простую истину, что всё в этом мире продаётся и покупается, Моисей вступил в комсомол, от чего прежде всегда отказывался, освоил нехитрое искусство произнесения пламенных речей о мудрой политике партии и правительства, а затем организовал Гомельский Фонд молодых любителей искусства «Парнас» при горкоме комсомола.

«Любите ли вы искусство так, как люблю его я!» Эта фраза неистового Виссариона, с придыханием произнесённая Татьяной Дорониной в фильме «Старшая сестра», вышедшего в то время на экраны, немедленно возникала в сознании любого, кто видел президента Фонда молодых любителей искусства Моисея Гольдштейна. Глаза его пылали восторженным блеском фанатичной преданности искусству. Он часами мог говорить о кино, о балете, о музыке, о живописи и о прочих высоких материях. Причём, когда он рассуждал, скажем, о фильмах Козинцева или Феллини, у слушателей возникало ощущение, что оба гения являются его ближайшими родственниками, а скажем, Леонардо да Винчи — соседом по лестничной клетке. Ясен пень, что такой человек просто был рождён руководить «Парнасом». Пусть даже и гомельским.

* * *

Большинству несознательной молодёжи очень быстро надоедало делать то, что они могли делать и без всякого фонда, поэтому членом правления «Парнаса» был по сути дела один Моська. Он же президент Моисей Давыдович Гольдштейн.

«Ну и что же здесь гениального?» — спросите вы. Подождите. Я пока рассказываю о том, что касалось низового уровня. Но кто, где и когда интересовался мнением этого «низового уровня». Гораздо интересней обстояло дело с уровнем верхним, то есть с Почётным Членством. С «Пантеоном Богов», так сказать. Здесь Моська, используя хитроумные извивы советской системы, разработал и внедрил уникальную систему создания из НИЧЕГО НЕЧТО.

Любой человек, мало-мальски знакомый с основами физики и химии, хотя бы на школьном уровне, может сразу сказать, что так не бывает, что это невозможно, что величайшие умы человечества, такие, как Леонардо да Винчи, Джироламо Кардано, Симон Стевин, Галилео Галилей давным-давно доказали, что создать «НЕЧТО» из «НИЧЕГО» —

невозможно, что это противоречит законам природы и т.д. и т.п. Навивные люди! Они не жили в Советском Союзе. Там, где отступились Готфрид Лейбниц, Юлиус Майер, Джеймс Джоуль и Герман Гельмгольц, без особых усилий продвинулся и осуществил вековую мечту человечества о «вечном двигателе» простой еврей из Гомеля Моисей Гольдштейн. И знаете почему? Потому что и Лейбниц, и Майер, и Гельмгольц опирались на законы природы, а Моисей Гольдштейн на законы советского бытия, которому вообще никакие законы природы и здравого смысла — не указ.

Попробую объяснить суть работы «вечного двигателя» Моисея Гольдштейна, ибо принцип производства «чего-то из ничего», собственно, и есть смысл существования этого устройства. Гениальность Гольдштейна заключалась в том, что он применил этот принцип не в физической сфере, где обломали зубы вышеуказанные товарищи, а в социальной.

Моська просто объявил о создании Фонда молодых любителей искусств «Парнас».

Ты, дорогой читатель, наверное, думаешь: «Ну и что? Объявил и объявил. Кому интересен этот гомельский „Парнас“?» Ан, нет! Не спеши. Это только «в начале было слово». Дальше Моисей Гольдштейн, молодой идеалист с горящим взором, приходит (внимание!) к какому-нибудь известному человеку, скажем, к тому же Почётному Художнику Гомеля Жердину, благо тот живёт в соседнем подъезде, и говорит:

— Здравствуйте, Борис Жанович! Я президент Фонда молодых любителей искусства «Парнас». В наших рядах уже почти сто членов и почти триста кандидатов, желающих попасть в члены «Парнаса». И все они искренне преданы искусству. Недавно мы все посетили вашу выставку...

— Ну и что? — с кислой миной говорит Борис Жанович, едва продравший глаза с похмелья. — Много там всяких ходило... От меня-то вы что хотите?

— Мы хотим, чтобы вы были Почётным членом «Парнаса».

— А... Ну-ну... А на хера мне, юноша, это надо? Что, собственно, я буду там делать?

— Ничего. Абсолютно ничего. Просто быть Почётным членом.

— Так не бывает, — икнув, говорит умудрённый жизненным опытом Почётный Художник Гомеля, мечтающий в данный момент только об одном — о бутылке пива или о рюмке водки с солёным огурцом.

— Ну, иногда надо будет посидеть в жюри. За деньги разумеется.

При упоминании денег Борис Жанович начинает проявлять признаки интереса. Хлебнув из банки рассолу, он говорит:

— Ну, да, да... это хорошо. Молодёжь м-м-м, искренне преданная искусству... Это замечательно. Почему бы и не посидеть.

Президент Фонда любителей искусств вручает художнику грамоту, за рубль купленную в соседнем писчебумажном магазине, которой удостоверяет, что Почётный Художник Гомеля Борис Жанович Жердин является почётным членом клуба «Парнас». В ответ получает набросок художника с масляным пятном от селёдки и с надписью: «Фонду молодых любителей искусства „Парнас“ от Почётного Художника Гомеля Бориса Жердина».

— Мы это вставим в раму и повесим в нашем офисе, — говорит Гольдштейн, восторженно глядя на художника. — А не могли бы Вы приписать, что рады быть Почётным членом нашего Фонда?

— Конечно, конечно, — говорит Почётный Художник и дописывает требуемый текст на наброске. — Слышь, юноша... А ты не мог бы дать мне в долг червонец под будущие доходы?..

— Конечно, конечно, — понимающе улыбается Президент Фонда, доставая деньги — об чём речь, Борис Жанович.

Дальше молодой идеалист Моисей Гольдштейн идёт в редакцию газеты «Гомельский комсомолец».

— Здравствуйте! — говорит он. — Я президент Фонда молодых любителей искусства «Парнас» при горкоме комсомола. В наших рядах уже почти сто членов и почти триста кандидатов. И все они искренне преданы искусству. Мы собираемся проводить художественные выставки и фестивали искусств. В нашем правлении такие уважаемые люди, как подруга Шагала Тея Брахман, моя бабушка, между прочим, и Почётный Художник Гомеля Борис Жанович Жердин. Он согласился принимать участие в работе нашего молодёжного Фонда.

— Да что вы говорите? — удивляются в редакции газеты, — сам Жердин?

— Да! Сам Жердин. Вот, посмотрите, какую замечательную работу он презентовал нашему Фонду, — и он показывает набросок.

— А что это за жирное пятно? — спрашивает редактор, брезгливо указывая на селёдочный след.

— Неужели вы сами не понимаете? — удивляется юный искусствовед. — Это авангардный поиск выразительности путём совмещения разнородных фактур. Можно сказать, первый экспериментальный образец подобной уникальной техники в живописи.

— А-а-а... Понятно. А я-то думал...

— А не надо ничего думать, — сурово обрывает редактора Президент Фонда, — Борис Жанович великий художник. Его колыбель сам Шагал качал. Он, можно сказать, его грудью выкормил. И не нам с вами, знаете ли, судить о поисках гения.

— Да, да, конечно, — поспешно соглашается редактор. — Это я так...

На следующий день в газете «Гомельский комсомолец» появляется большой материал о гомельском Фонде молодых любителей искусства «Парнас». О его планах, о почётных членах Жердине и Тее Брахман, подруге великого Шагала, и конечно, о её внучке, молодом энтузиасте, президенте Фонда молодых любителей искусства Моисее Гольдштейне. А также о поисках уникальной техники живописи знаменитого гомельского Мастера.

Моська скупает штук сто экземпляров и едет в Минск. Там он приходит, ну скажем, к народному артисту Белорусской ССР, народному артисту СССР композитору Игорю Михайловичу Лученку.

— Здравствуйте, Игорь Михайлович! Я президент Фонда молодых любителей искусства «Парнас» при гомельском горкоме комсомола. Вот посмотрите, про нас статья в газете. В наших рядах уже почти сто членов и почти триста кандидатов. И все они искренне любят Вашу музыку. Мы знаем наизусть все ваши замечательные песни: «Память сердца», «Мой ридны кут», «Песню о Ленине», «Журавли на Полесье летят», «Спадчына», «Алеся», «Вероника», «Майский вальс», «Дорогие мои земляки», «Верасы», «Пока на земле существует любовь», «Авэ Марыя», «Дзе ж ты, зорка мая»...

— Хватит, хватит, хватит... — говорит польщённый таким глубоким знанием его творчества народный артист. — От меня-то, что вам надо?

— Мы хотим, чтобы вы были Почётным членом «Парнаса».

— Да?.. А что я, собственно, буду должен делать?

— Ничего. Абсолютно ничего. Просто быть Почётным членом.

— Так не бывает, — говорит народный артист СССР. И он знает, что говорит. Просто так действительно ничего не бывает.

— Ну, иногда надо будет посидеть в жюри. За деньги, разумеется.

При упоминании денег Игорь Михайлович оживляется и говорит:

— Ну-ка, покажите вашу газетку. Так-так... Хорошо, хорошо... Вы что, действительно внук Шагала?

Моська, сначала удивляется, а потом понимает, что у композитора что-то где-то не так переключилось и он принял Тею за Беллу. Но опровергать не спешит и превращает всё в шутку.

— Все мы чьи-то внуки... — скромно улыбаясь, говорит он.

— Ну, это хорошо, хорошо... Молодёжь, которая искренне любит музыку... Это замечательно...

Президент Фонда любителей искусств тут же вручает народному артисту грамоту, которой удостоверяет, что Народный артист Белоруссии, Народный артист СССР Игорь Лученок является почётным членом Фонда «Парнас». В ответ получает открытку: *«Дорогие молодые любители искусств! Я рад быть членом вашего клуба „Парнас“. Пусть в нашей родной Белоруссии будет больше такой замечательной молодёжи! Народный артист Белоруссии, Народный артист СССР Игорь Лученок».*

Молодой идеалист с благоговением принимает открытку и подшивает её в жёлтую папочку, где уже хранится статья из «Гомельского комсомольца». С этой папочкой он обходит все молодёжные и партийные газеты Минска, рассказывая о планах «Парнаса», предъявляя открытку «от самого Игоря Михайловича Лученка», публикацию в «Гомельском комсомольце» и набросок с экспериментальным пятном с подписью Почётного Художника Гомеля Бориса Жановича Жердина. Через пару дней он получает ещё пяток статей в различных газетах, а главное — статью в газете «Белорусская правда», где рассказывается о славном начинании гомельских комсомольцев, о планах молодёжного объединения «Парнас» и о его замечательном президенте, бескорыстном энтузиасте искусства Моисее Гольдштейне.

«Белорусская правда», братцы мои, это вам не кот начхал. Кто помнит те славные времена, знает: похвала в главной партийной газете республики — это почти сертификат на неприкасаемость. Конечно же, этот сертификат тут же занимает почётную первую страницу в жёлтой папке Гольдштейна.

Затем наш энтузиаст и подвижник отправляется в Москву. Используя какие-то связи, прорывается, ну, скажем, к Майе Плисецкой.

— Здравствуйте, Майя Михайловна! Я президент Фонда молодых любителей искусства «Парнас». В наших рядах уже почти сто членов и почти триста кандидатов. И все они искренне любят балет. Недавно, когда вы выступали в Минском Театре Оперы и Балета, мы специально из Гомеля все вместе ездили посмотреть «Кармен-сюиту» с вашим участием... (Никто, конечно, никуда не ездил, ну, да кто это может проверить? Там и без гомельских любителей искусств было не прорваться.)

А молодой энтузиаст с красивыми еврейскими глазами и честным взглядом этих глаз, между тем продолжает:

— В работе нашего Фонда принимают участие Народный артист СССР Игорь Михайлович Лученок, подруга Шагала Тея Брахман, моя бабушка, между прочим, Почётный художник Гомеля Борис Жанович Жердин...

— О-о-о! Это прекрасно, прекрасно!.. — говорит Майя Михайловна, любясь стройным, черноглазым президентом Фонда молодых любителей искусств. Глаза её затуманиваются, и она надолго замолкает, думая о чём-то своём, о девичьем...

— Майя Михайловна, — осторожно напоминает о себе молодой любитель искусств.

— А... Что? А ну да, ну да... А от меня-то вы что хотите?

— Мы хотим, чтобы вы были Почётным членом «Парнаса».

— Прелестно, прелестно... Членом это хорошо... А что, собственно, я должна буду делать?

— Ничего. Абсолютно ничего. Просто для нас большая честь, что великая балерина является Почётным членом Фонда «Парнас».

— И всё? И больше ничего? — говорит балерина, не привыкшая к такому бескорыстию в стенах Большого Театра.

— Да! И больше ничего... Ну, может быть, иногда надо будет посидеть в жюри. За деньги разумеется.

— Ах, что вы, что вы, — краснеет Майя Михайловна, — какие деньги, когда речь идёт об искусстве.

Стройный президент Фонда любителей искусств тут же вручает народной артистке сертификат, удостоверяющий её Почётное членство и получает взамен прелестную открыточку с фотографией Народной артистки с надписью: «Милому Моисею с благодарностью за бескорыстную любовь к балетному искусству. Пусть ваш Фонд молодых любителей искусства продолжает нести любовь к искусству в массы. Всегда ваша Майя...» и неразборчивая подпись.

— Майя Михайловна, — глядя на балерину влюблёнными глазами, говорит милый президент «Парнаса». — А вы не могли бы написать, что с удовольствием принимаете участие в работе нашего Фонда?

— О, да, да, конечно, конечно, — понимающе улыбается Майя Михайловна.

Вернувшись в Гомель, Президент «Парнаса» появляется со своей уже достаточно толстой папкой в горькоме партии у секретаря по идеологии Валентина Петровича Жирневича.

— Валентин Петрович, я президент Фонда молодых любителей искусства «Парнас». В наших рядах уже почти сто членов и почти триста

кандидатов. Почётными членами нашего Фонда являются Почётный Художник Гомеля Борис Жанович Жердин...

— Сам Жердин! — удивляется Валентин Петрович.

— Да. Борис Жанович принимает активное участие в работе нашего Фонда. Также Почётным членом нашего Фонда является народный артист Белорусской ССР, народный артист СССР Игорь Михайлович Лученок...

— Что?! — не верит своим ушам Жирневич. — Лученок?

— Да, — скромно говорит Президент Фонда. — Вот посмотрите, что он нам написал.

На свет является знаменитая жёлтая папочка. На первой странице вырезка из газеты ЦК Компартии Белоруссии и открытка от Лученка: *«...Я счастлив быть членом вашего клуба „Парнас“. Пусть в нашей родной Белоруссии будет больше такой замечательной молодёжи!..»*

Жирневич сглатывает слюну и тянется к графину с водой. И тут молодой идеалист добывает бедного секретаря горкома мощным залпом из тяжёлого орудия главного калибра:

— А также Почётным членом правления «Парнаса» является народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Майя Михайловна Плисецкая.

Перед потерявшим дар речи Валентином Петровичем появляется розовая открыточка с портретом народной артистки: *«Я рада работать с вами, я счастлива быть членом „Парнаса“.* Жирневич лезет в карман за валидолом. Он начинает подозревать, что за текучкой что-то проглядел во вверенном ему идеологическом секторе. Что на его идеологическом кладбище взрос какой-то диковинный „аленький цветочек», за которым ухаживают очень большие люди, и что это может грозить ему большими неприятностями. То ли за то, что проглядел, то ли за то, что не поддержал.

— Так что вы хотели, Моисей... э-э-э...

— Давидович, — подсказывает президент Фонда.

— Да... Так что вы хотели, Моисей Давидович? — хриплым голосом спрашивает секретарь.

— Мы хотели бы провести Гомельский Фестиваль Искусств, посвящённый 60-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Валентин Петрович облегчённо вздыхает. Заколебавшаяся было под ногами тектоническая платформа прекращает сейсмические колебания. Идеологический пейзаж приобретает привычные очертания.

— Ну, что ж, — мнётся Жирневич — не знаю, не знаю... Лично мне кажется, что вообще-то это неплохое начинание. Но... Надо посоветоваться с товарищем Арцыбашевым.

Он снимает трубку, соединяющую его напрямую с первым секретарём горкома партии.

— Гаврила Кузьмич, — у меня тут сейчас Председатель Фонда молодых любителей искусства при горкоме комсомола. Молодёжь у нас бойкая. Ребята уже задумались как отпраздновать юбилей Октября... Что предлагают? Да вот, фестиваль искусств предлагают. Их и Жердин, и Лученок, и даже Майя Михайловна Плисецкая поддерживают... Да-да... Тот самый Игорь Михайлович... да, народная артистка... Что?.. Да, и в «Белорусской правде» про них статья была... Да, хвалят... Понятно... Понятно, Гаврила Кузьмич. Будет сделано.

— Ну, что ж, Гаврила Кузьмич не возражают. Ты Моисей, вот что. Набросай-ка мне план мероприятий, а мы разошлём циркуляр, определим круг ответственных, назначим исполнителей. Понятно?

— Конечно, Валентин Петрович!

— Вот и действуй. Да, подумай над сметой расходов. А мы изыщем средства, выделим деньги. Прикинь, что, кому, сколько, за что. Понимаешь? — он пытливо смотрит на Гольдштейна.

— Что ж тут непонятного, Валентин Петрович, — улыбается молодой идеалист. — Прикину. Всё будет пучком. Никто в обиде не останется. Вы только помогите нам.

Чем была хороша советская власть — своей предсказуемостью. После «добро» из горкома партии всё закрутилось так, как должно было. Работники музеев организовали выставки, которые они организовывали и до этого, театры ставили спектакли, которые они ставили и без того, но теперь это объявлялось Фестивалем Искусств, филармония приглашала известных исполнителей в рамках Гомельского фестиваля искусств. Это давало дополнительное финансирование.

* * *

Однако мы отвлеклись. Мы остановились на том, что Моська Гольдштейн и младший брат Фирочки Вениамин Розенпоц заныкали картину Шагала (ну или почти Шагала) на чердаке первой любви Великого Художника Теи Брахман.

Представить, как развивались события дальше, для проницательного читателя труда не составляет. Когда приехала комиссия мини-

стерства культуры из Москвы, которую возглавляла известная искусствоведша Бембель Матрёна Николаевна, Моська по личной просьбе первого секретаря горкома партии товарища Арцыбашева провёл экскурсию по Гомелю, и, как бы невзначай, упомянул, что вот, в этом самом доме творил Шагал, что это дом его бабки, что нечистоплотные деятели от искусства почистили сарай любимой бабушки и скупили за копейки ранние работы великого художника, и что в детстве, играя в прятки и в «казаки-разбойники», он видел, помнится, на чердаке какие-то холсты. Матрёна Николаевна живо заинтересовалась этим фактом и спросила:

— А где же они сейчас?

— Да бог их знает. Может до сих пор так там и стоят. Я на этом чердаке уже лет пятнадцать не был.

— А что те, кто скупил всё предыдущее, эти работы не видели? — подозрительно спросил референт Матрёны Николаевны.

— Так они же в сарае шерудили, — беспечно ответил Моська. — Кто же их в дом-то на чердак пустит? Бабка с тех пор поумнела и всяких «гробокопателей» в дом не пускает. Те орлы всё выудили, когда бабка ещё не знала, что Марк Захарович так прославился. Он же по-прежнему был для неё «изменщиком» Мойшей Сигалом, которого увела эта сука Белка. Вот она и продала всё оптом за бесценно. А потом, когда узнала, чуть не умерла. Жадная бабка-то... Ох, жадная...

— А скажите Моисей... э-э-э...

— Давидович... Моисей Давидович, — с готовностью подсказал Моська.

— Да, да, спасибо, — Матрёна Николаевна доверительно положила руку на локоть Моськи, — скажите, Моисей Давидович, а вы не могли бы посмотреть на чердаке? Может, там что и сохранилось?

— Сомневаюсь, — почесал затылок Моисей Давыдович. — Столько лет прошло.

— Сделайте это для меня, — очаровательно улыбнулась вставными зубами Матрёна Николаевна.

— Вам отказать ни в чём не смею... — галантно отвечивал Моська. — Только один я туда не полезу. Там, поди, такие завалы, не пройти. Да и...

— Олег Юрьевич, — не оборачиваясь, приказала референту Бембель, — помогите Моисею Давидовичу.

Олег Юрьевич неприязненно посмотрел на Моську. Лезть на чердак ему явно не хотелось, и в то, что там можно найти что-то стоя-

щее, он не верил. Но и послушаться не мог. При одном взгляде на Матрёну Николаевну было ясно, что непослушание не сулит ничего хорошего.

Моська и Олег Юрьевич полезли на чердак. Венькины пауки постарались на славу. Всё было затянато лохмотьями паутины так, будто чердак не посещался минимум полсотни лет. Моська долго и с наслаждением таскал Олега Юрьевича по углам чердака, пока, наконец, не отправил его в угол, где была спрятана картина.

— Если мне не изменяет память... — задумчиво сказал он.

— Какая память, — злобно прошипел Олег Юрьевич, — какого хрена ты здесь ваньку валяешь? Выслужиться перед этой старой дурой хочешь?

— Извиняюсь, — вежливо сказал Моська. — Это вы о ком? О Матрёне Николаевне, что ли? Я ей передам ваши слова.

— Не успеешь... — рычал интеллигентный Олег Юрьевич, разбрасывая хлам, — я тебя, сукиного сына, прямо сейчас удавлю здесь на этом чердаке! Ты у меня...

Он вдруг осёкся на полуслове. За старым комодом, прислонённая к стене, стояла картина. Сквозь пыль и паутину просвечивал летящий человек с вывернутой головой, пытающийся поцеловать взлетающую женщину в чёрном платье с белым воротничком. Картина дышала, мерцала в полутьме чердака.

— Шагал! — прошептал Олег Юрьевич. — Гадом буду. Настоящий Шагал. — Он даже перекрестился от избытка чувств.

— Может и Шагал... Хотя... Я тоже не первый день на свете живу. Что-то я не помню такой картины у Шагала, — с сомнением сказал Моська.

— Что ты понимаешь, мудило, — не мог прийти в себя потрясённый Олег Юрьевич. — Я диссертацию по Шагалу защищал. — Я эту манеру из миллиона узнаю.

— А-а-а... Ну, тогда ладно. Тебе, конечно, виднее, — пожал плечами Моська.

— Надо будет посмотреть по каталогам. Похоже, это неизвестная работа. Если это подлинник, ты знаешь сколько...

Тут Олег Юрьевич вдруг спохватился, напустил на себя равнодушный вид:

— А может, ты и прав... Знаешь что, давай пока Матрёне Николаевне ничего говорить не будем.

— Это ещё почему? — удивился Моська.

— Ну, ты понимаешь... Если это работа не настоящая, ну, то есть не Шагал, она... она расстроится. Зачем огорчать немолодую женщину.

— Нет, — сказал Моська, — это нечестно.

— Что нечестно?

— Обманывать Матрёну Николаевну нечестно. Врать вообще нехорошо!

Олег Юрьевич посмотрел на Моську и скрипнул зубами.

— Да ты пойми, дурилка... Я чуть позже заберу картину, проведу необходимые анализы, а потом...

— Слушай, Олег Юрьевич, — обиделся Моська. — Ты за кого меня держишь? Я что тебе, лох подзаборный? Чья ещё картина может храниться на этом чердаке? Моя бабка была любовницей Шагала. Об этом весь Гомель знает. Он в этом доме, можно сказать, чуть не поселился... Он здесь написал десятки работ. Если ты защищал диссертацию по Шагалу, ты должен это знать. Интересное кино! «Я заберу работу чуть позже...» Да кто ж тебе её даст. Какие, на хер, анализы ты собрался делать? Ты анализы своей мочи делай. Вот будет картина твоя, тогда и делай анализы. Хоть заделайся.

Олег Юрьевич воспринял слова Моськи как предложение.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько ты хочешь за эту работу?

— Слушай, Олег Юрьевич... Ты что, охуел? Эта картина — народное достояние. А ты хочешь её купить? Тебе не стыдно? — пылая благородным негодованием, возмущился Моська. — Ты хоть понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю, понимаю... Не беспокойся. Я-то понимаю... Это ты не понимаешь, — жарким шёпотом заговорил Олег Юрьевич. — Да ты хоть представляешь себе, сколько эта работа может стоить...

— Ну, не знаю... Много. Тысяч десять-пятнадцать... Может двадцать, — сказал Моська.

Олег Юрьевич посмотрел на Моську долгим, долгим прозрачным взглядом. «Ну, и мудака...» — читалось в этом взоре.

Моська стоически, не моргнув глазом, выдержал этот поток презрения, продолжая изображать из себя лоха, для которого пятнадцать тысяч предел мечтаний.

— Слушай, Моисей! Вот тебе десять тысяч рублей, и я забираю эту картину.

— Сколько?! — переспросил Моська.

— Десять.

— Нет, — сказал Моська. — Это нечестно!

Олег Юрьевич вздохнул, перевернул картину, внимательно посмотрел на изнанку, потёр её, и даже зачем-то понюхал:

— Подписи нет, но холст, вроде, из тех времён... — он опять поскоблил изнанку. — Тринадцать, и разойдёмся.

— Нет...

— Пятнадцать.

— Нет, ну ты понимаешь...

— Двадцать. И ни копейки больше!

— Двадцать пять, и ни копейки меньше!

— Хрен с тобой, — сказал референт, облегчённо вздохнув. — На, считай. Он вытащил пачку купюр. Только Матрёне ни слова.

«Интересно, — подумал Моська. — Он что, всегда столько бабок с собой таскает? Ну, ничего, посмотрим, как он жидко обделается, когда задумает продать эту Фиркину работу».

Через какое-то время в газете «Советская культура» появилась сообщение, что в Гомеле в доме Теи Брахман-Гольдштейн, первой любви Шагала, найдена неизвестная картина «День рождения», что радиоуглеродный анализ холста показал его принадлежность к периоду от 20-го до 25-года, и что Комитет Марка Шагала, возглавляемый внучкой художника Мерет Мейер-Грабер и экспертная комиссия Министерства культуры СССР под управлением доктора искусствоведения Олега Юрьевича Красковского подтвердили технологическую подлинность шедевра, который по приблизительным оценкам стоит сегодня 500–600 тысяч долларов.

Моисей Давидович Гольдштейн, который к тому времени уже был главным редактором отдела молодёжных инициатив газеты «Комсомольская правда», долго сидел с газетным листом, глядя в пространство. «Да... — думал он, — фраернулся. Ах, как фраернулся... Но кто же мог подумать, что Фирка так угадает с холстом. Вот тебе и „в гнезде на высокой сосне...“ Он встал, достал из сейфа бутылку „Хеннесси“, плеснул в пузатый бокал, выпил. „Да, жаль... А впрочем, от греха подальше. Лучше держаться в стороне от этих дел. Провенанс-то у них хиленький. Ещё неизвестно, чем это кончится.»

А кончилось это вот чем. В 1990 году на знаменитых торгах Sotheby's была выставлена картина «Юбилей», написанная маслом на холсте размером 80,8 × 100,3 см., и написана она была Марком Шагалом при-

близительно в 1923 году. Сообщалось также, что первая любовь Шагала Тея Брахман, в доме которой была найдена картина, перед смертью подтвердила, что Шагал писал картину в её доме. Насколько можно доверять этому свидетельству, неизвестно. Старушка-то, честно говоря, была уже не то чтобы ку-ку, но в не совсем нормальных кондициях. Ещё в сообщении говорилось, что первоначально картина называлась «День рождения», и что работа принадлежит коллекционеру, который предпочёл не раскрывать своё инкогнито. При начальной цене в 6 миллионов долларов работа мастера было продана за рекордные \$13,5 млн., несмотря на несколько мутный провенанс.

Но работнице Нью-Джерсийской канатной фабрики Эсфирь Марковне Розенпоц проку от этого не было никакого.

* * *

Однако вернёмся чуть-чуть назад, когда разбогатевший в результате аферы с Шагалом Моська (хотя теперь, зная конечный результат, ещё неизвестно, кто кого в этой некрасивой истории надул), опять закатился к Фире в мастерскую. Он был на удивление честен, этот самый Моисей Гольдштейн. Он отдал Фире все заработанные деньги. Ну, или почти все... Короче, он отдал ей 5000 рублей. Фира, которая сроду не видала таких денег, была ошеломлена. По тем временам за такие деньги можно было купить подержанный автомобиль. Фира совершенно не ожидала, что её Шагала можно продать за такие сумасшедшие деньги.

— Слушай, Моська! Как тебе это удалось? — удивлялась она.

— Секрет фирмы. Как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества.

— Ну, да! Никакого мошенничества! Кому ты впарил эту работу?

— А вот это не твоё дело. Меньше знаешь — крепче спишь.

— И всё равно, Моська. Как-то нехорошо.

— Что нехорошо?! Что нехорошо-то? — вдруг взъярился Моська, — Что, эти деньги у бедных сирот отняты? Тоже мне — чистоплюйка! Кому от этого хуже стало, кроме того жулика, который эту работу купил? Если он, не глядя, выложил эти..., — тут Моська запнулся, — эти пять тысяч, можешь быть спокойна — они у него не последние. Так что не переживай особенно.

— Ну, ты даёшь! Забери себе хотя бы половину.

— Нет, — благородно отказывался Моська.

— Возьми, возьми... Без тебя я и десятой части никогда бы не имела...

— Ну, какая уж тут моя особенная заслуга, Фирочка? — скромно отвечал Моська. — Ведь это же твой талант, твоё искусство. Ни у кого даже и тени сомнения не возникло.

— Нет, Моська, я так не могу. Возьми хотя бы тысячу.

— Отдай, если хочешь, Веньке, — сказал Моська, любясь собственным благородством.

— Венька перебьётся.

— Ну, тогда и разговор окончен. Ты что сегодня вечером делаешь?

— А что?

— Пошли в кино. Сегодня «Гамлет» показывают.

Фира идти хотела не очень, но сражённая Моисеевым бескорыстием, отказать не могла.

* * *

Эх, было славное времечко! Было, было. И мы, старые пердуны, это ещё помним. Время, когда выпускник высшего или среднего учебного заведения после окончания получал распределение. Пусть не всегда отвечающее его амбициям, но дававшее гарантированную работу зелёному неоперившемуся молодому специалисту. Теперь об этом мечтают. А в те годы распределения ожидали, как кары небесной, и всячески стремились от него отвертеться. Всё потому, что Софья Власьева имела одно уникальное свойство. Как мифический царь Мидас, у которого всё, к чему он прикасался, превращалось в золото (отчего, между прочим, этот малопривлекательный персонаж и загнулся), так и советская власть превращала в свою противоположность всё, к чему бы она ни прикасалась. Любое благое дело под ласковыми руками этой кривой тётки тут же шло во вред тому, кого она брала под своё заботливое крыло. Сами посудите. Хорошо ли, что молодой человек, выпускник ВУЗа или училища сразу получает работу? Ну, конечно же, хорошо. Как специалист никакой ценности он из себя ещё не представляет. Надо, чтобы он поработал хотя бы года два-три, набрал опыта, понюхал, как говорится, реальной жизни. А поскольку первая фраза, которую говорят молодому специалисту на месте распределения — «а теперь забудьте всё, чему вас учили», то на это время неплохо бы его как-то законодательно защитить. Правильно?

Правильно! И всё бы хорошо, но распределяли обычно туда, куда, как говорится, «Макар телят не гонял». Из родных городов и весей отправляли в такие замечательные места, которые на географической карте великой Родины без лупы и отыскать-то было невозможно. При-

чём, мнением выпускника интересовались ровно в той степени, в какой интересуются мнением мусульманской девушки, отдавая её замуж двенадцатой женой в гарем какого-нибудь старого козла.

Надо сказать, что тётю Фиру сия чаша, в общем-то, минула. По успеваемости она заканчивала училище одной из первых, и всё руководство училища пророчило, что её оставят в Гомеле. Директор училища Семён Ефимович Слуцкий даже сказал:

— Вы, Фирочка, наша гордость. Вы должны учиться дальше. Хорошо бы вам в Академию художеств попытаться поступить. Мы вам направление дадим.

И Фира даже подумывала ехать поступать, но всё чуть было не повернулось иначе. Прибывший из Минска в качестве председателя комиссии по распределению двадцать пятый замминистра культуры БССР с красивой фамилией Дристовозубов, отчаянная сволочь и антисемит, услышав фамилию Фиры, садистки улыбнулся и сказал:

— Розенпоц? Мда-а-а... Ну, что ж, милочка. Для вас есть очень хорошее место. Прекрасный древний сибирский город Акатуй. Город с богатой историей. Там в своё время жил и трудился декабрист Лунин. Там провёл несколько прекрасных лет Николай Гаврилович Чернышевский. Они собираются сделать музей из этого острога. Там как раз нужен хороший художник.

— Но я... но я не могу, — растерянно сказала Фира.

— То есть, как это не можете? — сладко спросил Дристовозубов. — Чернышевский мог, даже Фанни Каплан могла, а Розенпоц не может?

— Но у меня папа... — она беспомощно посмотрела на членов комиссии. Те молчали и стыдливо отводили глаза.

— У всех папа, — улыбнулся Дристовозубов. — Это никак не освобождает вас от обязанности отдать долг Родине. Государство на вас деньги тратило, обучало, а у вас, видите ли, «папа»!

Так бы, наверное, и поехала Фира рисовать сибирские пейзажи, если бы вдруг не поднялся Борис Жанович Жердин.

— Студентка Розенпоц, — сказал он. — Подождите за дверью.

Фира в тишине вышла.

— Понимаете ли, Егор Виленович, — обратился Жердин к Дристовозубову, — отец Эсфирь Марковны бывший политзаключённый. Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Николая Викторовича Подгорного его недавно реабилитировали. Он очень болен, прикован к постели и требует постоянного ухода. Я думаю, наверху нас

поймут неправильно, если практически единственного кормильца в семье мы сошлём в Акатуй.

— Как ваше имя? — холодно осведомился Дристовозубов.

— Заслуженный художник БССР, Почётный художник Гомеля Жердин Борис Жанович.

— Вы, вот что, уважаемый Борис Жанович... Вы выражения-то выбирайте. Что значит сошлём?

— Извините, Егор Виленович, — сказал Жердин. — Распределим.

— Вот то-то... — отыграл назад Дристовозубов. — А где её мать?

— Матери у неё нет.

— Руководство училища, — ошалев от собственной смелости, неожиданно поддержал Жердина директор училища Семён Ефимович Слуцкий, — ходатайствует о том, чтобы дать ей свободное распределение. А мы ей здесь работу подыщем. Вот у меня как раз запрос от гомельского облисполкома. Им нужен художник в производственно-художественные мастерские. Они просили именно её. И я уже обещал им.

— Покрываете вы здесь своих, — сквозь зубы процедил Дристовозубов, — ладно... Вызывайте следующего.

Таким образом, Фира получила так называемое свободное распределение. В переводе на практический язык это означало — устраивайся как можешь. А поскольку Фира умела устраиваться не очень, то достаточно долгое время она находилась во взвешенном состоянии, пребывая, так сказать, в статусе «свободного художника». Бралась за любую работу, рисовала плакаты, оформляла стенгазеты, пыталась даже продавать свои картины, но кто же их купит в Гомеле. Нет пророков в своём отечестве. Впрочем, и в других отечествах их не густо.

Однажды, когда она рисовала очередную халтуру, к ней закатился Моська Гольдштейн:

— Что делаешь, подруга? — спросил Моська.

— Хернёй занимаюсь.

Фира была не в настроении. Денег не было, папа болел, Венька, сукин сын, чтоб он был трижды здоров, в очередной раз чего-то отчебучил в школе, и её опять вызывали, поскольку ответственность за воспитание этого засранца лежала в основном на Фире. Папа в деле воспитания сына участвовал эпизодически, используя в качестве педагогического инструмента свой старый, оставшийся с партизанских времён, солдатский ремень. К сожалению, применять этот действенный инструмент становилось всё более затруднительно, поскольку

Венька был уже здоровый лоб и так просто не давался. А мог и сдачи дать. К Фире, правда, относился с любовью и уважением. Всё-таки она заменила ему мать.

- Чего припёрся? Делать нечего? — буркнула Фира.
- Ага, нечего, — так просто смутить Моську было невозможно.
- Ну, и занялся бы чем-нибудь полезным, шлимазл.
- Не могу, май дарлинг. Не-мо-гу...
- Это ещё почему?
- По тебе соскучился, любовь моя. Сохну в разлуке.
- Вот и усохни.

Моська пожал плечами и по своей привычке приготовился развалиться на диване, но Фира не дала.

- Давай, собирайся, — сказала она — мне идти надо.
- Куда, моя радость?
- Не твоё собачье дело. Работу сдавать, — сказала Фира, складывая в стопку ценники для универсама.
- О, серьёзная работа, — хмыкнул Моська. — Можно я с тобой пойду?
- Как хочешь.

* * *

— Виолетта Матвеевна сейчас занята, — процедила сквозь зубы секретарша директора универсама «Радуга». — Подождите в Красном уголке.

Фира, нахохлившись, села в угол, а Моська от нечего делать стал разглядывать наглядную агитацию. Результаты этой инспекции его явно удовлетворили.

— Ну что, милочка, сделала? — сказала Виолетта Матвеевна, входя в Красный уголок. — Давай сюда, что ты там намалевала.

Виолетта Матвеевна, очень элегантная крашенная блондинка с причёской «артишок» начёсом под Элизабет Тейлор, в кримпленовом немецком костюме и японской блузкой с кружевным жабо на пышной груди, взяла нарисованные Фирой ценники и стала придирчиво их разглядывать.

- Ну, ладно, сойдёт, — наконец нехотя одобрила она.
- А когда за деньгами приходите, Виолетта Матвеевна? — спросила Фира
- За деньгами? — пожалала плечами директорша. — Ну, зайди через недельку.
- А у вас никакой работы больше нет?

- Нет, милочка, сейчас нет, — она взялась за ручку двери.
— Да, непорядок, — вдруг вполголоса сказал Моська, — не-по-ря-док.
Виолетта, собравшаяся было уходить, обернулась.
— Где непорядок?

— Да вот тут у вас непорядок, — он показал на стены. — Стенды старые, график соцсоревнования уже год как не обновлялся. Доска почёта как следует не оформлена. Что, разве кроме Смущевич, у вас нет ни одного передовика производства? Разве можно так запускать идеологическую работу, Виолетта Матвеевна?

— А ты кто такой? Ты как сюда попал?

— Это со мной, — поспешно сказала Фира, — это со мной... Не обращайтесь внимания...

Моська отодвинул Фиру в сторону.

— Президент фонда «Парнас» при горкоме комсомола, Моисей Гольдштейн, — представился он. — Три дня назад на бюро горкома комсомола было принято решение провести смотр-конкурс Красных уголков торговых предприятий города Гомеля. Сами понимаете, юбилей Великого Октября скоро. Вы разве ещё не получили циркуляр с условиями конкурса?

— Нет.

— Ну, значит, на днях получите. Хочу сказать вам, Виолетта Матвеевна, ваш Красный уголок выглядит, образно выражаясь, не совсем «красным». Где стенд соцсоревнования? Где наглядная агитация? Где, наконец, портреты членов Политбюро? — он со значением посмотрел на директоршу.

— Ты что здесь, с проверкой? — обеспокоенно спросила та.

— Что вы, что вы. Я здесь как частное лицо... Пока. — Моська доброжелательно улыбнулся. — Просто советую обратить внимание.

— Знаешь что, частное лицо... — успокоилась директриса. — Шёл бы ты отсюда. Советчик! Будет циркуляр, будем и разговаривать.

— Ну, как знаете, как знаете... Жизнь, дорогая Виолетта Матвеевна, по-разному, знаете ли, поворачивается. — Моська достал из кармана визитную карточку. — Возьмите. Вдруг понадобится.

Виолетта Матвеевна была опытным руководителем. Она точно знала, что миром правят связи и деньги. Поэтому карточку, на всякий случай, взяла. Действительно — авось, пригодится.

— Ну, и на хера ты весь этот цирк устроил? — спросила Фира, когда они вышли из универсама. — Так я хоть иногда там имела работу, а теперь и того не получу.

— Через неделю она тебе позвонит — уверенно сказал Моська.

— Ну-ну.

— Посмотришь. Что-ты сейчас собираешься делать?

— Не знаю. А что?

— Давай-ка пройдемся ещё по универмагам. Ты же всё равно ищешь работу.

Они зашли ещё в несколько крупных магазинов. Везде Фира получила отказ, а Моська везде оставлял карточку. На всякий случай. Наконец, устав мотаться, Фира сказала:

— Хватит. Всё это халоймес. Надоело унижаться. Я пошла домой.

— Не расстраивайся Фирка. Всё будет о'кей. Через неделю они сами тебе все позвонят. Поверь мне.

.....

Фира стояла в углу и плакала. К ней подошёл преподаватель по композиции Владимир Семёнович Черво. Высокий, сутулый, седой, он очень походил на академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

— В чём дело, милочка? — спросил он. — Что за слёзы?

Фира ничего не ответила, только ещё пуще зарыдала.

— Понятно, — сказал Лихачёв. — Как ваше имя?

— Фира, — сказала Фира. — Эсфирь...

— Прекрасное библейское имя. Красивое, — он помолчал. — М-м-да... Очень красивое. Одно плохо. С библейскими именами в этот храм искусств не очень-то принимают. Вот у меня на искусствоведческий факультет ещё один из Гомеля с библейским именем идёт. Хорошо всё сдаёт, умненький, а ведь, поди, тоже не примут. Но мне почему-то кажется, что этот и без Академии художеств не пропадёт.

— Этот не пропадёт, — всхлинула Фира. — Этот нигде не пропадёт.

— Знаете что, милочка, — сказал Черво, — зайдите-ка ко мне на кафедру теории искусств послезавтра, часов в десять-одиннадцать.

Через два дня Фира и Моська стояли перед дверью на кафедру искусствоведения. Моська, который, как и предсказывал многомудрый Черво, не прошёл по конкурсу, говорил:

— Да, идут они все в жопу, Фирка. Пошли отсюда. Охота тебе унижаться? Ты же художник! И всегда будешь художником, закончишь ты эту блядскую Академию или нет. Вон Левитан тоже диплома художника не получил.

— Хватит врать-то, — сказала Фира. — Он Московское училище живописи, ваяния и зодчества окончил. У меня этот вопрос на экзамене в училище был.

— Ни хрена он не окончил. Это они сейчас так пишут. А когда всех евреев после покушения на Александра II из Москвы повысылали, Левитан тоже под раздачу попал. Его со свистом выпнули из этого училища и дали диплом *учителя чистописания*. И что? Он перестал от этого быть художником?! Да ладно, Левитан! А Сутин? А Модильяни? Да Шагал тот же. Они какие академии кончали?

— Это вы, молодой человек, правильно заметили, — раздался сзади негромкий голос.

Моська и Фира оглянулись. Владимир Семёнович Черво стоял, прислонившись к стене, и слушал Моськины филиппики.

— Правильно, — повторил Черво. — Всё действительно так. Только, знаете ли, юноша, эта, как вы экспрессивно выразились э...э...э... «не очень хорошая академия», при всех её недостатках школу даёт. Левитан, конечно, диплом не получил, но он, знаете ли, у Перова учился, и в классе Саврасова премудрости пейзажа постигал. А Шагал у самого Юдея Пэна обучался.

— Ну и что, — буркнул Моська. — Фирка вон тоже у Жердина училась. И что-то ваш храм искусства её не очень привечает. Видать, как и Левитан, профилем не вышла. Слава богу, что ещё из Петербурга пока не высылаете.

Черво внимательно посмотрел на Моисея. Потом вздохнул и тихо сказал:

— Мне нечего вам возразить, ребята. Я просто прошу у вас прощения.

Он достал из внутреннего кармана конверт и протянул его Фире.

— Идите на Моховую в Театральный институт, отдадите это письмо Николаю Павловичу Акимову. Я с ним договорился. Если у него есть места, он вам поможет. В этот институт пока ещё принимают — он покосился на Моисея, — независимо от профиля. А вам, молодой человек, я, к сожалению, ничем помочь не могу. Очень хочу, но не могу...

— А мне и не надо, — сказал независимый Моська. — Я как-нибудь сам.

Забегая вперёд, хочу сказать, что в Театральный институт Фира тоже не поступила. Николаю Павловичу очень понравились Фирины работы, он хотел взять её к себе сразу на второй курс и даже согласовал этот вопрос с руководством института, но в этот момент из Гомеля пришла телеграмма от брата Веньки, что состояние отца резко ухудшилось, и Фира вынуждена была вернуться домой.

* * *

— Фирочка! — сказал папа, — Ты таки будешь смеяться, но я умираю.

— Папа, — сказала Фира, — не морочьте мне голову. Вы умирали уже раз пять, и что-то я пока ещё уже не вижу результатов, чтоб вам жить до 120.

— Фира! Не надо меня успокаивать, — сказал пронизательный папа. — Раз я сказал, что я умираю, значит, я умираю. И не надо спорить. Просто сядь и послушай, что я тебе скажу. Я никогда этого тебе не говорил. Сейчас, когда трубы архангелов играют мне марш, прости господи, «Прощание славянки», я должен рассказать тебе правду. Послушай меня внимательно. Я прожил нелёгкую жизнь. Беллочка, твоя мама умерла рано, когда рожала этого шайгеца твоего брата Веньку, цукер зис ему и здоровья. Мне пришлось растить вас одному. Но и это мне не дали сделать спокойно. Меня посадили, когда Веньке было два года, и если бы не твоя тётя Роза, моя сестра, дай ей Бог здоровья, и добрые люди, чтоб им всем до 120, неизвестно, что с вами стало бы. Но наш Господь милостив. Он не дал вам умереть, а мне сгинуть в лагере.

— Папа, — сказала Фира. — Я всё это знаю. Вы уже это рассказывали.

— Рассказывал... — помолчав, сказал папа, — но я никогда не рассказывал, за что меня посадили.

— Вы говорили, что набили морду какой-то штабной крысе.

— Говорил... Но только это не совсем правда. Я его убил. Они просто не смогли ничего доказать.

— Как... — не поверила Фира. — Как убил?

О том, что папа может начистить рыло любому, она знала и не раз была свидетелем, как папа усмирял здоровых мужиков, когда те слишком уж распоясывались. Папа, несмотря на туберкулёз, полученный в лагере, был крепкий и сильный. Он работал грузчиком в порту и запросто завязывал узлом железный прут толщиной в палец. Но как все сильные люди, папа был достаточно спокойным и мирным человеком. Чтобы довести его, надо было сильно постараться. А уж чтобы убить... Нет, в это Фира поверить не могла.

— Папа, а зохон вей, что вы такое говорите? Ди цунг зол дир опфалн («чтоб у вас язык отсох»).

— Я его убил, — повторил папа. — Я его убил и ничуть об этом не жалею. Его надо было убить.

Фира молчала, переваривая услышанное. Папа вздохнул и сказал.

— Всё началось во время войны, когда я был в партизанском отряде...

— Вы были в партизанском отряде, — удивилась Фира. — А почему я об этом ничего не знаю? Что вы там делали?

— Я таки там воевал, — сказал папа.

— Вэй'з мир! А почему же вы никогда об этом не рассказывали?

— Потому что гордиться тут нечем, — сказал папа.

— Как нечем! — возмутилась Фира. — Вы же защищали родину от фашистов... И никогда, никому...

— Никого и ничего я не защищал, — прервал Фиру папа, — я просто старался выжить. Не повторяй этих глупостей из телевизора. Эта война вообще была схваткой двух пауков. Один фашист воевал против другого. Убийцы убивали друг друга. А мы... Мы просто попали между жерновами. А потом и сами стали убийцами.

— И вы тоже? — тихо спросила Фира.

— И я тоже.

— Вы стреляли в людей?..

— Стрелял... — папа помолчал. — И убивал. Вначале это трудно. Ты даже не представляешь, Фирочка, как это трудно выстрелить в человека. А потом с каждым выстрелом всё легче и легче. И ты сам не замечаешь, как превращаешься в убийцу. А каждая душа, отлетевшая в рай от твоей пули, прихватывает с собой часть и твоей души. Ты этого не замечаешь, но это так. И постепенно души у тебя почти не остаётся.

Папа опять помолчал:

— Даже когда человек уже убит, он ещё существует. Потому что близкие его, друзья, семья, мать, жена поверить в это не могут... Они тоскуют по нему, они привыкли, что этот человек ЕСТЬ... И как же можно отобрать у него жизнь?

— Но это же были враги.

— Враги, не враги... — сказал папа. — Стреляешь-то всегда в человека. Да и откуда ты знаешь, кто перед тобой — враг или не враг. Он же тебе ничего плохого не сделал. Может его так же, как тебя, стрелять заставили. Вот и стреляем друг в друга... Часто бывает, что враг не перед тобой, а сзади. Поди, разбери. Про заградотряды слышала? Они нашего народа положили, пожалуй, больше, чем немцы.

Фира молчала, переваривая услышанное.

— А как же за «Родину!», «За Сталина!» Это что, выдумки? Неправда?

— Ну, почему неправда. Были и такие, кто кричал. Только вот они-то чаще всего сзади и оказывались. А мы молча воевали. Или матерились от боли, от страха... От ненависти. От отчаяния. Какой там Сталин...

— Если всё, как ты говоришь, как же мы тогда войну выиграли?

— А ты думаешь, мы её выиграли?

— Ну, да... А как же... — неуверенно сказала Фира.

— А почему же тогда мы живём хуже, чем немцы?

Фира молчала. Этот простой вопрос ей в голову как-то не приходил.

— Ты слышала когда-нибудь, — продолжал папа, — чтобы немцы расстреляли хотя бы одного своего солдата, вернувшегося из плена? А нас, победителей, как ты говоришь, расстреливали сотнями и тысячами, а ещё десятками тысяч ссылали в лагеря, только за то, что мы били фашистов у них в тылу. А кто выжил в этой мясорубке, оставшись без рук, без ног, тех собрали и на Соловки умирать отправили. Чтоб «победный» пейзаж не портили. Нет, Фирочка, мы не выиграли войну, мы просто раздавили одного паука в угоду другому. Это, конечно, можно назвать победой, можно сказать, что мы выиграли войну. Но это не так. Это не мы. Войну выиграло пространство, которое, в самом деле, проглотит любого цудрейтера, задумавшего завоевать эту страну. Войну выиграли потому, что этот мишугане Гитлер надеялся завершить свой блицкриг до холодов. Ну и, конечно, нечеловеческими жертвами, которых могло быть меньше. Много меньше.

Папа опять помолчал.

— А ещё он проиграл потому, что любой, запомни это Фирочка, любой, кто кричит — «бей жидов» обязательно проигрывает. Это в 42 году сказал мне один старый еврей из Рогачёвского гетто за несколько дней до расстрела. Когда его уводили, он улыбался. А Гитлер войну проиграл. Запомни — не мы выиграли, а Гитлер проиграл.

Фира молчала, переваривая услышанное.

— Я скоро уйду, Господь уже ждёт меня, — сказал папа. — Похороните меня и уезжайте из этой страны. Эта страна мертва. Она не покаялась. Она всё ещё считает, что победила. А без покаяния нет будущего. Бегите из этого Египта.

* * *

Вы помните, я остановился на том, что однажды в дверь тёти Фиры постучали люди в серых костюмах. Кто такие люди в серых костюмах? Ой-вэй, сказала бы тётя Фира. Серые костюмы выдают всем работникам так называемых спецслужб. И в Америке, и в России, и в Аргентине с Венесуэлой. Почему они предпочитают серый цвет, я могу только догадываться. Впрочем, не так важно, какого цвета костюмы у этих ребят. Они и без костюмов, как правило, достаточно серые.

— Good afternoon, madam, — сказали люди в сером — Мы из FBI.

— Откуда, откуда? — спросила тётя Фира.

— Из FBI. По-русску это ФБР. Федеральный Бюро Расследовать, — пояснили на скверном русском серые ребята и показали свои жетоны.

— Ой, ну, так бы сразу и говорили — сказала тётя Фира.

— Do you speak English? — поинтересовался главный серый. — Говорить ли вы по-английски?

— Только со словарём. С людьми пока стесняюсь.

Люди в сером раскрыли большой планшет, в котором было несколько картин.

— Это ваш работ? — спросил один из них.

Тётя Фира была женщина умная, тёртая, и поэтому ничего скрывать не стала.

— Мои. А где вы их взяли?

— Это мы хотим спрашивать — где вы их взяли.

— Сама написала, — честно ответила тётя Фира.

— O'key, — сказал главный серый. — В таком случае, before you answer, перед вы начать отвечать следующие вопрос, я должен читать вам правило Миранды. Do you know what is this? Знаете ли вы, что это такое?

— Да уж как-нибудь. Не первый день в Америке.

— O'key, — сказал серый и пробубнил: «Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством». — Всю эту ахинею он произнёс, естественно, по-английски.

— Вы понимает свои права?

— А то, — сказала тётя Фира.

— Вы признал, что подделывал шедевры, — обрадовались ребята в серых костюмах.

— Когда?

— Только что.

— Ничего подобного, — сказала тётя Фира. — Я только сказала, что написала эти картины. Не знаю, где вы их взяли. Я их выставила за дверь, они мне были не нужны. Для меня это были не более чем учебные упражнения. Так сказать, разработка руки, совершенствование личной техники, уроки мастерства. Разве эти картины подписаны великими именами, перед которыми я склоняю голову? Разве я выдаю их за работы великих мастеров?

— Нет... — почесали затылки серые костюмы.

— В таком случае, идите на х... — вежливо сказала тётя Фира...

То есть она сказала, конечно, по-другому, потому что в английском языке нет столь ёмкого выражения. Их банальное «fuck off» не передаёт всего эмоционального богатства нашего родного «иди ты на...» Но, как говорится, «за неимением гербовой — пишем на простой». Пришлось использовать то, что у русского человека всегда под рукой. Для ребят в сером хватило и этого.

В результате с этим доходным промыслом тётя Фире пришлось завязать. Посредников, которые скупали и продавали, посадили кого на три, кого на пять лет. Я думаю, что судья, когда выносил им такие мягкие приговоры, рассуждал примерно так: *«Чай не сирот эти проходимцы обворовывали. А если какие-то богатенькие буратины хотят и дальше выдавать у себя дома подделки за оригиналы Россетти или Дюбюффе, то кто им доктор?»*

После этого финансовый ручеёк иссяк, и тётя Фира пошла работать на канатную фабрику. Сейчас она плетёт канаты и считает себя абсолютно свободной. Конечно, ей приходится вставать в шесть утра, ехать на работу, что-то там такое делать весь день. Но в конце недели она получает свой чек, который даёт ей возможность заниматься тем, чем хочет. А в свободное время пишет картины и сочиняет рассказы.

Смерть помешала Марку Копелеву продолжить историю тётя Фире.

Владимир ТОРЧИЛИН

В АВТОБУСЕ

История эта случилась с ним в одном из московских автобусов, в котором он ехал зимним вечером из института домой, порядком голодный и усталый. Войдя в автобус, он невнятно пробормотал «Проездной», что, впрочем, вполне соответствовало действительности, и, пока основная масса пассажиров толпилась около кассы, он сразу уселся у окна и стал смотреть, как быстро машина наполняется народом. Час пик. Ему ехать было до конца, и избыток пассажиров его не пугал, более того, давал даже некоторую пищу его размышлениям.

— Интересно — думал он — в автобусе всегда легко определить, кто едет до конечной. Они, независимо от возраста и пола, торопятся сесть, предпочтительно, у окошка, а не успевшие примоститься стоят в проходе намертво, на просьбы пройти вперёд склочно огрызаются и не вглядываются, пригнувшись, в продышанные на окнах дырочки в страхе пропустить свою остановку.

Он уже успел многократно убедиться в этом и сразу понял, что девушка на сиденье перед ним по диагонали через проход едет до конца. Окончательно он убедился в этом, когда она достала из джинсовой сумки обёрнутую в коричневую бумагу книжку и, не дожидаясь даже пока автобус двинется и не обращая внимания на голос водителя, просящего входить побыстрее, погрузилась в чтение. Девушка была симпатичная, временами просматривалась между стоящими пассажирами неплохо, ехать через весь город было минут сорок, и он решил, что в дороге сможет на неё наглядеться — на красивых девушек глядеть он любил, да и знакомился с ними обычно вполне успешно.

— Время есть — решил он — пока можно и почитать минутку-другую.

Тоже достал книжку, но довольно быстро убрал. Чтение в автобусе иногда раздражало его — буквы ёрзали, менялись местами, слова переходили со строчки на строчку, и, чтобы понять смысл даже короткой

фразы, приходилось перечитывать её по несколько раз. По поводу чтения в общественном транспорте у него была даже собственная ранжировка: лучшие условия в идущем ровно и спокойно метро, хотя и несколько темновато, особенно, если над тобой сидящим стоит, слегка склонившись, другой пассажир; в троллейбусе можно читать только на длинных перегонах, когда он не меняет скорость ежесекундно; автобус — ещё ступенька вниз, особенно, если он ходит по маршрутам, где мостовая так себе; ну а трамвай — хуже и не придумаешь, поскольку непрерывное подёргивание лишает какого бы то ни было смысла даже самый простенький текст. Так что с чтением и на этот раз ничего не вышло, и он стал смотреть на девушку, сидевшую к нему вполоборота и периодически появлявшуюся в просветы между телами стоящих.

И чем больше он смотрел на неё, тем больше она ему нравилась. Красивая шея, густые волосы собраны в пучок на затылке — если распустил, красота! — маленькие уши с розовыми мочками и без серёжек — потому, наверное, и собирает волосы в пучок, что такие шею и ушки показать не стыдно, лоб высокий, но не выпуклый, стало быть, умная, но не упрямая, ресницы свои и пушистые до чрезвычайности. По тому, как она сидела, можно было предположить, что роста она немаленького, а это ему всегда нравилось.

— Если и ножки хорошие — решил он — то просто прелесть девочка. Надо заговаривать. Вот ещё хорошо бы рассмотреть, какого цвета у неё глаза, и тогда, как опять просвет между стоящими появится, и заговорю.

Он всё приглядывался. Иногда автобус пересекал не закрытые домами места, и тогда в салон попадали лучи низкого вечернего солнца. Они рисовали в воздухе дорожки, в которых беспорядочно метались не видимые до того пылинки. Один лучик попал девушке в глаза, она взмахнула ресницами, и было отчётливо видно, как пылинки жёлтыми струйками разбежались в стороны.

— Ого, — подумал он — вот это реснички — прямо бурю поднимают!

Девушка, похоже, почувствовала, что её разглядывают, и слегка обернулась, чтобы посмотреть на него. Он увидел её глаза... Знаете, бывают люди, у которых глаза не имеют определённого цвета, вернее, они меняют его в зависимости от освещения, погоды, настроения и ещё Б-г знает чего. Это были именно такие глаза. За те несколько секунд, что она смотрела на него, её глаза увиделись ему и тёмно-зелёными, и коричневыми, и серыми. Он погиб. Он открыл рот... и не заговорил.

Девушка отвернулась и снова стала смотреть в книгу. Да ещё кто-то встал между ними.

— Чёрт, такой момент упустил. Неужели же ты, дурак, не мог сказать что-нибудь приличествующее случаю милое, весёлое и необязательное просто, чтобы завязать разговор, дальше ведь проще, лишь бы начать. Да господи, любую чушь типа — где вы такие ресницы купили! Чем вы глаза красите! Да что угодно! Пусть чушь, пусть пошло, всё равно женщинам комплименты нравятся, а потом уж сумел бы себя в достойном виде показать. А ты? Ну, вот что, сейчас будет остановка около универсама. Похоже, её соседка выходит — что-то она подозрительно ёрзает и привстаёт, моя дама справа тоже выходит, вот уже сумки собирает, встать, чтобы её пропустить, всё равно придётся, так вот — ты присядешь к ней и найдёшь, что сказать! Всё — действуй!

Решено. Он приготовился. Автобус начал тормозить. Народа вышло немало — естественно: универсам! Пришлось приподняться и девушке, и ему, пропуская соседей. В проходе начались давка и суета. Увидев, наконец, что место рядом с девушкой освободилось — она, выпустив соседку, придвинулась на её место у окна — он уже почти сделал шаг, но чего-то вдруг засуетился, даже покраснел почему-то и... плюхнулся обратно на своё место, пропустив за спиной кого-то — он даже не заметил мужчину или женщину — на освободившееся место справа у окна. Он, было, дёрнулся опять, но место рядом с девушкой уже заняла какая-то корпулентная дама из свежевошедших.

— Ну, это даже хорошо, — успокаивал он себя — в автобусе народу много, разговор пришлось бы начинать при всех, обязательно получилось бы излишне развязно, она бы ещё и отшила, все бы слушали, как-то неудобно получилось бы, и вообще... Так что лучше уж подождать до окончательного выхода, а там пристроюсь сзади в проходе, скажу что-нибудь весёлое о счастливой толкотне в общественном транспорте и... есть контакт!

Автобус медленно подходил к конечной остановке — метро. Пассажиры поднимались с мест и ненужно спрашивали впереди стоящих, выходят ли они сейчас. Девушка, судя по всему, спешки не любила и не торопилась подняться с места, ожидая, пока в машине станет посвободнее. Он тоже помедлил, но по мере того, как народ выходил, начал нервничать.

— Да что ж такое! Это уже становится просто глупо. Она сейчас увидит, что я тоже не тороплюсь выходить и, не дура же, поймёт, что это я её жду, и прощай тогда внезапность знакомства, всё пойдёт не так.

Поднимайся же — это ей просьба — не встаёт! Идея — быстро выхожу, становлюсь у подножки и с остроумным обращением подаю ей руку и помогаю выйти из автобуса. Хотя может получиться неуклюже — вдруг будет смотреть в другую сторону и руки не увидит. На руку смотрят, когда ждут, что подадут, а она-то не знает. Ладно, если она на меня посмотрит, то подаю руку, а если нет, то ещё что-то придумую.

Он выскочил из машины и стал ждать прямо у ступенек, от которых его упорно отпихивали последние из выходящих. Наконец показалась и девушка. Он замер. Она внимательно и весело посмотрела на него, а он вдруг почему-то дёргано отвернулся и даже отошёл на пару шагов в сторону. Девушка вышла из автобуса и стала поправлять замявшуюся от долгого сидения дублёнку. Он из последних моральных сил судорожно соображал, как поступить. Ничего в голову не приходило.

— А девушка — прелесть! Неужели так и исчезнет! Нет, если пойдёт ко входу в метро — догоняю и заговариваю, чего бы это мне ни стоило!

Девушка привела себя в полный порядок и неторопливо пошла к метро... Он остался стоять. Девушка уже смешалась с пёстрой толпой у вестибюля подземки, распалась на отдельные пятна меж других фигур, а потом и совсем исчезла, а он с каким-то стеснением в груди тоскливо глядел ей вслед и ругал себя последними словами. Потом, сутулясь и шаркая, тоже двинулся ко входу в подземку.

У самых дверей, около ряда будок с телефонами-автоматами, он вдруг увидел около одной из будок другую девушку, ничем не напоминавшую только что исчезнувшую случайную попутчицу, но столь же юную и прелестную, выпрямился, перестал шаркать и решительно направился к ней, позабыв про метро. Через пятнадцать минут он уже договорился с ней о свидании, получил номер её телефона и был говорлив, остроумен и неотразим, как всегда.

А ту, первую девушку, он больше никогда на этом маршруте не встречал, хотя по сторонам и посматривал. И что только на него тогда в автобусе нашло...

ОБ АВТОРЕ

Владимир Торчилин — доктор химических наук, профессор, лауреат Ленинской премии. Работал в МГУ. Потом в Кардиологическом центре АМН. С 1991 года — профессор Гарвардской медицинской

школы; потом профессор Северо-восточного университета в Бостоне. С 2009 года—Директор Центра Фармацевтической биотехнологии и наномедицины в том же университете. Член Европейской Академии Наук и лауреат многих международных премий.

Пишет прозу и публицистику. Рассказы Владимира Торчилина публиковались во многих российских изданиях, в том числе в журналах «Дружба Народов», «Новый мир», «Континент». В США проза печаталась в альманахах «Сталкер» и «Побережье», в журналах «Новый Журнал», «Вестник», «Русская Америка» и других.

Автор восьми сборников повестей и рассказов.

Валерий СКОБЛО
ИЗБРАННОЕ

* * *

Почти что все друзья уехали
Из этой, скажем так, страны.
Отъезд их был такими вехами...
Но нету в том ничьей вины.

И на кого меня-то бросили,
Так что по плечи в землю врос?
И маленькие есть вопросыки,
И есть один большой вопрос.

Я рос на городской окраине,
Привычный к общей нищете.
Стал сиротою всех я ранее,
А хорошо ли сироте?

И вот — оставили, покинули,
Не оглянулись на меня.
На дом сменяли, на скотину ли,
На вклады в банках, на коня?

Как трактовать теперь судьбу мою?
Пожаловаться мне кому?
Один как перст, я думаю...
...Нехорошо мне одному.

* * *

Я был торговым кораблём,
Я плыл из Мексики в Китай,
Я вёз контейнеры с углём...
Ты так и знай, ты это знай.

Я был ажурный углевоз,
Лицо от копоти отмой...
Но я прошу: не надо слёз:
Был белоснежен парус мой.

...И две трубы, но белый пар
Валил из белоснежных труб...
Не трогал копоти кошмар
Ни парусов, ни рук, ни губ.

Ты юнгой был на корабле,
И всё: от мачтовых снастей
До малых винтиков в котле —
Ты знал, как хруст своих костей.

Нас принял Тихий океан
В свой симметричный небу свод.
Стоял над волнами туман,
И был бесшумен наш уход.

И от безмерной красоты,
Без всяких видимых причин
Я растворился, как и ты,
В бездонной черноте пучин.

Нас поглотил девятый вал,
И разом был разорван круг...
Поскольку в том, чему внимал,
Ни слова правды, милый друг.

* * *

Проснулся — и не понял, где я?..
а я — в больнице.
Что же поделать? — зато не в морге
и не в темнице.

Рядом похрапывают
соседи по палате.
Вчера был дома, а сегодня, гляньте:
вот-те, нате!

Какая странная есть
закономерность в этом:
Стал пациентом,
а был хоть плохоньким, но поэтом.

Стишки я писал
и не знал никаких пробирок.
Не знал анализов
из всех, как говорится, дырок.

Вот оно как:
результаты наших трудов — крохи:
Что все разом стишки
и что все анализы — плохи.

* * *

Чего ты хочешь от бозона Хиггса?*

Ну, оглянись внимательно вокруг:
Уж подступают к горлу воды Стикса!
Ты прикипел к нему — с чего бы вдруг?

Тут что-то с головою не в порядке:
Ты без него не можешь жить и дня.
О нём все думы и стихи в тетрадке.
Он кто тебе — коллега, друг, родня?

Ночей не спишь: ах, что же там с бозоном?
Темна материя... слаба глава твоя.
Все разговоры с явственным уклоном
Таинственных загадок бытия.

Нормальным был... как все, учился в школе...
Откуда к физике возросший интерес?
Занялся акциями лучше бы ты, что ли,
А с этой темы поскорее слез.

— Кто этот Хиггс? Не знаю Хиггса, право!
От всех бозонов я прошу УДО —
Скажи такое, я воскликну: Bravo!
Бозон нам этот, прямо скажем, до...

* *Бозон Хиггса* простыми доступными словами — частица, которая переносит взаимодействие между другими частицами и имеет инертную массу. Ее поиски стали ключом к разгадке взаимодействия темной материи.

ИЗ ЦИКЛА
«РАЗМЫШЛЕНИЯ МОЛОДОГО КОЛЛЕГИ»

Благодарят за внимание к ихней редакции...
(В смысле того, что послано именно им).
Стишки написал (а мог бы скупать акции),
Неясным чувством каким-то всё время томим.

— Ищите, — пишут они, — и обрящете,
Но публикацию предложить не могут... пока.
Стихов я качество буду, конечно, наращивать,
Может, меня и заметят тогда... дурака.

Заметят... и стишки у себя пропечатают,
Вот и привалит мне счастье со всех сторон,
Прославлюсь... буду полюблен девушками...
А пока за окном — только карканье мёрзлых ворон.

* * *

Хороших мужиков не бывает совсем —
Грубый побьёт, ласковый вынет всю душу...
Это одна из тех увлекательных тем,
Цельность которых словом я не нарушу,

Ни своим замечанием глупым о том,
Что дамы такие же самые точно...
Впрочем, что воду в ступе толочь? О пустом
Случайно не сто́ит болтать и нарочно.

Ещё Лев Толстой говаривал за глаза,
Что баба опасна не шейкой, не ножкой —
Не та, которая держит вас крепко за...
А сердце ваше тронувшая ладошкой.

Но промолчу... С феминистками спорить лень,
Что за лавры сыщешь?.. Вот я не рискую.
Наблюдая за дамами не первый день,
Пока не встретил с крылышками такую.

ДВУШЕЧКА

Всякий знает, что некий ушлый Лилиенталь,
Нашу гордость национальную не жалея,
(Этим пиндосам ничего святого не жаль!)
На стратостате приземлился у Мавзолея.

Он не действовал в одиночку, с ним заодно
Братья в сговоре были — Райт и Руст с Монгольфьером.
Их желанием было опустить нас на дно,
Знак подать, разрушительным послужить примером.

Из гондолы поганой вышли они, куря,
Размечтались: и мы закурим сигары срочно,
Но сигары они жевали, конечно, зря:
«Беломор» позабористей будет ихних — точно.

Эти Райты обое ворвались в наш светлый храм —
Осквернить наши церкви было их тайной целью.
Что за стыд сотворили там, что за страшный срам!
Им отвратный канкан служил отправной моделью.

Как собою непрост он, русский наш человек,
Шепчет, превзойдя европейские все науки:
Никогда не забудем и не простим вовек...
Наизусть в голове — Уилбер и Оруэлл, суки.

Да, тот самый Оруэлл, что написал свой роман —
Слова правды там нет, ни совести нет, ни чести.
Мы его не читали, знаем — сплошной обман,
За это одно без суда пристрелить на месте.

Возжелали?.. — Что ж — теперь получили отпор...
Закулиса заморская во всём виновата,
Но оправдан будет суровый наш приговор:
По «восьмушечке» грамм свинца между глаз на брата.

* * *

Бесконечный список читаю почтенных имён —
Тех, кто подпись поставит под текстом любого письма.
Вот сподобил Господь: дожил я до новых времён,
Зажился на белом свете, сошедшем совсем с ума.

А подобных-то писем разве одно или два?
Это самый верняк — забиться в толпу подписантов —
Режиссёров, актёров... всех их упомяну едва,
Вот о чём подумаешь: сколько в России талантов.

Ведь не то, чтоб пытали... или грозили тюрьмой,
И сума, кажется, не светила из них никому.
Это чернь поднялась с колен, стала сама собой,
Пишет письма и сама их читает... в день по письму.

Разве я кого-нибудь и чем-нибудь попрекну?
Слава богу, сам-то могу доживать бесшабашно.
Вместе с целой эпохой я ухожу ко дну,
Мне недолго совсем остаётся... и мне не страшно.

ЮНОШЕСКИЕ МЕЧТЫ

В отличие от... от подавляющего большинства,
Я мечтал отчалить не в Германию, не в Штаты,
А в страну, о которой едва доходила молва —
К антиподам (в чём австралийцы не виноваты).

Вот был бы подарочек на их головы... И за что?
Что бы я делал там? Вот бы всплеснули руками...
В те времена, как сейчас помню, я посещал ЛИТО,
Так и обрушился бы прямо к ним со стишками.

Английский не изучал, а читал по ночам муру,
Руки росли, помягче если сказать, из попы.
Нет, не скажу, чтобы привлекли меня кенгуру
Или мечтал вступить на аборигенов тропы.

Всё же не в такой степени был я тогда идиот:
Думал в другой перебраться Союз, подальше
От своего... Только выйду из самолёта — и вот:
Распахнув объятия встретит меня Австралия.

На свете вдоволь, казалось мне, и воды, и огня,
Не окажусь без еды, одежды и крова я.
...Впрочем, на случай, если Канберра не примет меня,
Был запасной вариант — Зеландия (Новая).

* * *

Будучи поверхностны,
ждём от женщин некоторой глубины —
Об этом финн написал,
шутивший на темы пониже спины.

И преуспевший в том чрезвычайно:
Четвёртый его позвонок
Был весьма и весьма популярен,
С Шекспиром соперничать мог.

В романах его я в детстве
Искал — ясно что: «такие места».
Жизнь всегда и у всех начинается
С пустого совсем листа.

Ну, понятно, что я со временем,
Как и все, обрёл глубину...
И, барахтаясь на поверхности,
Задыхаясь, пошёл ко дну.

Почти по АНДЕРСЕНУ

И ведь не то, чтобы: соглашайся —
не то застрелю!
А все скопом поддакивают
голому королю.
И то-то всем жутко нравится
королевский парад:
Наверное, не замечают
голый перёд и зад.
Перевелись все разом —
несогласных нет и задир.
Как же всех кругом восхищает
королевский мундир!
— О, Ваше Величество!..
о, Ваша Безмерная Честь!
Покуда есть Вы, Ваша Светлость,
наша Родина есть.
Намного краше всех прочих
Ваши Корона и Трон.
А уж как бесподобен, как мил
Ваш Основной Закон!
Не приведи, случись что с Вами...
всем нам тогда кранты,
Мгновенно окажемся
среди форменной пустоты.
Рухнет нашей страны величие,
набегут враги...
О, нет, Ваше Величество,
нас оставлять не моги!
.....
А он и не думает...
ещё много чудес припас.
Да и не о нём я вовсе —
собственно, я о всех нас.

* * *

Договоримся сразу: говорить не станем всерьёз,
Чтоб не пролить понапрасну ненужных и горьких слёз.

А станем шутить как дети: это намного умней,
В лёгкой беседе минуем много подводных камней.

Пусть те, кто степенной беседой так уж увлечены,
В солидных переговорах достигнут в ней глубины.

Мы же на танцплощадке, услышав весёлый стишок,
Радостно потанцуем, не жалея усталых ног.

Мы шутки юмора любим... Их не любить почему?
Доступны они любому — слабому даже — уму.

Никто к нам не придерётся — ни умный, ни полный псих:
Это шутки такие... шутки! Не понимаешь их?

* * *

Уехать отсюда. Забыть, как дурной сон,
Зассанный парадняк... собачье говно... лужи.
Это не страшно — поставить всю жизнь на кон.
Везде ты устроишься.
Уж точно — будет не хуже.

Свалить подальше: в Австралию... Уругвай...
Ты не гордый: готов на любую работу.
Где примут, туда и отчаль. Разузнай,
Куда есть билеты на ближайшую же субботу.

До субботы два дня, можно ещё успеть
Собрать бумаги, оборвать все концы и нити.
А жизнь прожита — на распроклятую треть,
Не жалко её мне рубить по живому, простите.

А вы останьтесь, слушая, как по ночам
За окном ветер трогает мокрую крону.
Он не по веткам шарит — по вашим плечам.
...И не отвечайте на вызовы по телефону.

Своих не осталось, их совсем замело
Колючей февральской, мирной ещё метелью.
В окна заглянет нас одолевшее зло,
В душу нам смотрит оно,
повод находит к веселью.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 г. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда–Петербурга.

Издан несколько поэтических сборников.

Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной печати. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012) и премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020),

Живёт в Санкт-Петербурге.

Зоя ПОЛЕВАЯ

ЖИЗНЬ В ТВОРЧЕСТВЕ И ТВОРЧЕСТВО В ЖИЗНИ

ИГОРЮ МИХАЛЕВИЧУ-КАПЛАНУ — 80

З. П.: Дорогой Игорь, Ваш замечательный юбилей — отличный повод для диалога. Начать мне хочется со слов благодарности. Спасибо Вам за присутствие в литературе и в жизни, за талант и вдохновение, за поэзию и прозу, за Вашу издательскую и подвижническую деятельность, за твёрдость позиции, жизнестойкость, за точность слов, за неожиданность ракурсов, за импровизации, за чувство юмора и обаятельный смех, за интерес к людям, за хлебосольность и гостеприимство. Быть в числе Ваших друзей — и радость, и привилегия. Сердечно благодарю Вас за дружбу и с удовольствием перехожу к вопросам, предвидя интересный разговор впереди.

Прежде всего, хочу дать короткую биографическую справку: Игорь Михалевич-Каплан, поэт, прозаик, переводчик, издатель родился 22 июля 1943 года. Место рождения — город Мары, Туркменистан. Послевоенное детство и жизнь до эмиграции прошли в украинском городе Львове. 1978 год — окончание Львовского полиграфического института, факультет журналистики. 1979 год — эмиграция в США.

Начать хотелось бы со строк Вашего стихотворения, рождённого на стыке тысячелетий:

Над берегами синий мост,
как рыба, серебрит
жабрами решёток.
Рассыпана на нём
монеток горсть —

мои шаги
на высоте пролёта.
Мне кажется:
всю жизнь иду
не по земле,
а по мосту,
где воздух будущего
в полпути до неба.

.....

В золе лишь бренность,
злато слито в небесах,
где дух и смысл воображенья...

Итак, начнём: как живётся одарённому человеку с ощущением высоты, «где воздух будущего в полпути до неба»? Этот ли взаимообмен со «златом, слитым в небесах», называется вдохновением? Что для Вас творчество и каковы в нём доли труда, муки и блаженства?

И.М-К.: Прежде всего, благодарю Вас за такое количество лестных слов. Я понимаю, что это юбилей и принято подхваливать автора. Но прошу учесть, мне всего лишь 80 лет, а не 100, так что ещё чуть-чуть рановато. Творчество для меня — это чудо света, так же, как сама жизнь. Творчество, прежде всего, воспитывает самого автора, открывает для него уникальность мира, его вечность и бесконечность. Творчество капризно и обидчиво, может в любой момент исчезнуть, не попрощавшись. Это как любовь, как судьба, а иногда как болезнь... Что же касается «труда, мук и блаженства» — это как воздух, без которого невозможно существовать... Я честно признаюсь, что пробовал иногда уйти от активного творчества, но потом опять возвращался к «знакомому дому». А иначе, видимо, не бывает. Тут ещё один важный момент. Творчество сливается со временем прожитого, историей, философией, и у тебя появляются соучастники твоего пребывания: наследие, география, национальное. В общем, всё просто и сложно одновременно, не так ли?

З. П.: Давая Вам интервью, поэт, эссеист, критик Марина Гарбер вспоминает, что для биографической справки в молодом ежегоднике «Побережье» она услышала от Вас вопрос: «Кто Вы?!». И вот её ответ: «Теперь, по истечении двадцати лет, я, безусловно, считаю себя поэтом, и не „прежде всего“, а исключительно. Всё остальное видится мне приложением к поэзии...».

Игорь Михалевич-Каплан

Разрешите теперь, Игорь, спросить: «Кто Вы?» Когда в Вашем творчестве поэзия уступает место прозе? Что даёт писателю смена жанров? Есть ли у поэзии особые преимущества? Можно ли сказать, что поэзия — жанр литературы, дающий автору дополнительную степень свободы, и, если это так, то в чём здесь «секрет»? Как получилось, что, верлибр выбрал Вас, а Вы его, отступив от традиционно рифмованного стихосложения? Помните у Окуджавы: «Вымысел не есть обман...», — какова роль вымысла в Ваших произведениях, и какова его доля в них? В какое взаимодействие с повседневностью вступает правда жизни и правда творчества?

И.М-К.: Ответ очень естественный и простой, я — писатель, это одна из моих профессий. Я писатель-«многостаночник», ибо люблю многие виды, роды и жанры творчества: поэзию, прозу, эссеистику, переводы, культурологию, литературоведение, редактирование и так далее. Ведь у меня специальное образование, которое я получил в уникальном Львовском Полиграфическом институте имени Ивана Фёдорова, и моя бесконечная благодарность моим дорогим и любимым преподавателям этого заведения. Тут я должен заметить, что верлибр — это традиционное стихосложение и очень сложное чисто технически. Просто у меня его много, вот люблю я верлибр. Я вырос на Западной Украине и поэтому, прежде всего, на меня повлиял сплав славянских языков и литератур: украинского, русского, польского: их музыкальность и певучесть, ритмический строй. Характерными чертами своего творчества считаю тяготение к свободному стиху и фольклору, а также к лирике со сложными, ассоциативными метафорами, элементами имажинизма и импресси. Влияние оказала и лапидарность малых форм японской поэзии — предельно отточенная лаконичность. (см. «Словарь поэтов Русского Зарубежья», С.-Петербург, 1999, изд. РХГИ). Плюс дают о себе знать древние корни — Восток, поэзия царя Давида и Соломона, мудрость еврейского Талмуда...

З.П.: В рассказе «Китайская тарелка» Вы, вспоминая голодное время, пишете: «И вот однажды случилось так, что я как дежурный остался убирать класс после окончания занятий. И никого вокруг не

было. Я нашёл нетронутый завтрак в парте Нолика. Моим первым побуждением было выбросить его. Но вместо этого развернул свёрток. И, естественно, удержаться уже не мог. Я съел завтрак. Испытал при этом необыкновенное удовольствие. И я помню до сих пор вкус булки, масла и куриной котлеты. Это было потрясающе! В доме у нас было пятеро „ртов“, а работала только одна мама. Ценился каждый кусочек хлеба. О куриных котлетках мы и не мечтали».

Вы голодали!?

И.М-К.: Да, по пословице «голод — не тётка». Я и сейчас берегу каждый кусочек хлеба. Бережно собираю и отдаю голубям. Как-то соседка по моему американскому дому, пожилая воспитанная дама, вычитала мне мораль, что я кормлю бесхозных птиц. Я ей очень вежливо ответил: «Я им отдаю то, что отбирал у них в 45-м году...» Она всё поняла. У неё появились слёзы на глазах...

З. П.: Расскажите, пожалуйста, о своём детстве, о родителях, о семье, о военных и послевоенных годах. Как сложились судьбы Ваших родителей и детей, которых у Вашей мамы в те голодные и трудные годы было четверо? Кому Вы обязаны умением хорошо готовить? Сохранилась ли память о людях, которые сыграли особую роль в ранние годы Вашей жизни?

И.М-К.: Дорогая Зочка! Это уже будет не интервью, а многотомный роман. У мамы её ребёнком был только я. Остальных детей она приютила (их отец был репрессирован). Моя мама была очень умной, толковой и образованной женщиной. Поэтому мы были окружены незаурядными людьми. Например, лекции по литературе мне лично читала Евгения Семёновна Гинзбург, мамина близкая подруга, автор «Крутого маршрута», мать писателя Василия Павловича Аксёнова. С Василием Павловичем в дальнейшем мы встречались уже и в Америке, после его изгнания из СССР. Моей наставницей была профессор и писательница Мария Николаевна Бондаренко (по мужу). У неё была шикарная библиотека на десяти языках, сама она была из древнего норвежского аристократического рода и знакомила меня с западноевропейской литературой. Вот она-то меня и научила очень хорошо готовить, так как окончила курсы благородных девиц при царском дворе, и их обучали всему. А вот мама моя готовить не умела, так как выросла в детском доме, её родителей, то есть моих бабушку и дедушку, убили бандиты во время печально знаменитых погромов на Украине.

Среди друзей нашего дома был известный дипломат Александр Коротков, один из организаторов «дороги жизни» во время Второй Миро-

вой войны из Ирана в Советский Союз. Он давал мне уроки истории и дипломатии, рассказывал массу забавных случаев из своей неординарной жизни. Заходила в наш дом и племянница поэта Брюсова, Нина Брюсова, скульптор, педагог и юрист. Близкой моей подругой была Ольга Павловна Савченко, дипломат и знаток мировой культуры, мама которой девятнадцатилетней девушкой воевала в коннице Будённого в Гражданскую войну. Дружил я с гениальным актёром Богданом Ступкой, который жил рядом с нашим домом, режиссёром Сергеем Данченко, тоже соседом. Был я знаком и пересекался с многими интересными и незаурядными людьми. Например, с Юрием Гагариным во Львове, с балериной Майей Плисецкой и писательницей шотландского происхождения Елизаветой Стюарт в Новосибирске (Плисецкая там ставила спектакль), композитором Альфредом Шнитке. И так далее, и так далее, всего не перечислишь.

З. П.: Вы родились в Туркменистане, в еврейской семье, ребёнком переехали в Украину и в тридцать шесть лет оказались в Америке. Какие языки формировали Вас и какова доля каждого из них в Вашем творчестве? Когда и на каком языке были написаны первые стихи? Как влияет на процесс мышления многоязычность? У Вас — два образования и одно из них — техническое. Расскажите, как «победила» литература? Как пригодилось в жизни и творчестве знание точных наук?

Чем для Вас стал переезд в Америку? С чего началась здесь Ваша жизнь, в том числе литературная? Можно ли отнести какие-то события к благоприятному стечению обстоятельств, к судьбой подаренным встречам? Кого в связи с этим особенно хотелось бы Вам вспомнить?

И.М-К.: В начале пути меня сопровождала удача. Впервые была напечатана в Зарубежье моя проза, рассказы из повести «Седой снег», истории детства моей матери. Журнал был англоязычный под названием «Friday». Это были четыре рассказа с иллюстрациями. Перевела их Ирина Вульф-Гольдовская, мой большой друг и покровитель. Работал я добровольцем на протяжении нескольких лет на еженедельной передаче радиостанции «Голос Ватикана». Писал рецензии для журнала «Сучасність», издававшегося в Мюнхене. В это время я довольно успешно начал читать лекции в американских университетах. Но... потом на пять лет я отошёл от литературной деятельности. Это был трудный период в моей жизни.

З. П.: Когда и как зародилась идея создания альманаха «Побережье»? Как он изменялся в течение двух десятилетий? Как формиро-

вался круг авторов? О ком из пишущих коллег особенно хотелось бы вспомнить сегодня? Расскажите о роли художников в Вашем журнале.

И.М-К.: Вспомнить хочется всех, но такой возможности нет. Это был литературный дом для молодых авторов третьей волны. Всех их объединило желание публиковаться. С многими из них я до сих пор поддерживаю добрые отношения, многие оказались верными и благодарными литературными друзьями, как, например, Гари Лайт из Чикаго. Вы, Зочка, Татьяна Шереметева, Юрий Садхин. Были у меня соратники и из старшего поколения: Борис Филиппов, которого я уже упоминал, Ираида Лёгкая, Евгения Жиглевич, Эдуард Штейн и многие другие. Работали с нами и художники: редактор Юрий Крупа, старейший график Сергей Голлербах, иллюстратор Лана Райберг, скульптор Эрнст Неизвестный (у меня хранится его подарок — художественный альбом с фотографиями работ) и другие.

З.П.: Такие многостраничные ежегодники, в первую очередь, — огромный труд. Вся работа, связанная с Вашим альманахом, делалась на сугубо волонтерских началах. Были ли у Вас помощники? Вокруг журнала сформировалось целое общество «Побережье», какие мероприятия организовывались в рамках этого общества? Расскажите, пожалуйста, о «домашних» литературных встречах, которые проходили в Вашем филаделфийском гостеприимном доме. Чьи имена хотелось бы Вам сегодня вспомнить?

И.М-К.: Как теперь говорят — вся тусовка. Приезжали гости из Вашингтона, Нью-Йорка, Бостона, многих городов и весей. Устраивались творческие встречи с писателями из России и Украины, Европы. Вообще, Зочка, это такая огромная тема, не менее тысячи авторов. И у нас печатались не только прозаики и поэты, но и переводчики, культурологи, документалисты, драматурги, философы, историки литературы, профессора университетов, академики и т.д. Но сейчас я хочу вспомнить несколько человек: критика Ирину Панченко, редакторов Наталью Гельфанд, Евгению Каценелинбойген, дипломата Эли Саттер и многих других.

З.П.: В 2016 году вышел из печати Ваш двухтомник. Второй, поэтический том назван «Музыка в Нью-Йорке». Поименовать книгу — всё равно, что дать имя ребёнку. Как родилось это название? Какую роль в вашей жизни играет музыка, изобразительное искусство, театр? Как они соприкасаются с поэзией? Хотелось ли бы Вам рассказать о львовских театрах четвёртой четверти двадцатого века, о своих украинских друзьях? Не так давно, помнится, Вы ездили на львовскую

книжную ярмарку. Какие встречи были особенно яркими и с кем Вы там разминулись? В чём особенная притягательность украинского искусства и что Вас особенно привлекает в американской культуре?

И.М-К.: Зочка, Ваши вопросы очень интересные и глубокие, но настолько широкие, что ответить на них в небольшом интервью просто невозможно. Давайте подождём до моего столетия, постараюсь дожить. Но коротко — на украинскую тему я спокойно говорить не могу, слёзы и всё, когда я вижу изуродованными мои любимые украинские города. Это мой народ, это моя культура, это моё сердце. Помогаю чем могу. Может быть, Вы удивитесь моей следующей фразе: «Теперешняя война не война национальностей, а война идеологий. И победителем будет страна Украина!!».

Об украинском театре последней четверти двадцатого века ничего, к сожалению, сказать не могу — я ведь сорок пять лет в эмиграции...

З. П.: Не так давно Вы переехали из Филадельфии в Нью-Йорк. Чем Вам дорог каждый из этих городов, какова палитра вдохновений в каждом из них?

И.М-К.: Филадельфия напоминает мне, да-да, Львов. Город американской культуры с множеством музеев, театров, университетов. Чего только стоит Музей искусств, Барнс Фаундейшен — лучший частный музей мира, Вортон Скул — финансовая школа Пенсильванского университета и т.д., и т.д. Нью-Йорк, где я уже живу почти десять лет, совершенно другой город, город Мира, высоченный, столица финансов, международной политики (ООН), мой дом недалеко от этого здания, узел путей-дорог. Я многих своих друзей вижу, потому что они едут через Нью-Йорк. Я живу в центре Манхэттена, чего уж боле. Рядом остров Рузвельт и знаменитый Центральный парк.

З. П.: Среди Ваших друзей много интересной, думающей и высокообразованной молодёжи. Как совмещается роль старшего наставника и друга, что способствует прочности и долговременности взаимоотношений? Какие, на Ваш взгляд, общие черты между людьми старшего поколения и новыми поколениями молодых людей, в чём существенные различия, с которыми необходимо считаться? Что является универсальным ключом к общению и есть ли таковой?

И.М-К.: Культура общения, равный с равными — вот ключ общения с молодёжью. Они хотят дружить, они хотят общаться — давайте им эту возможность, будьте толерантными к ним, и они будут толерантными к Вам. Да, рядом со мной потрясающие и необыкновенно талантливые молодые люди. Это певица и композитор Валентина Иофе, биолог Сер-

гей Якличкин, профессора Александр Веккер и Ахир Гопалдас, переводчица Жанетта Баркар, финансист и индустриалист Михаил Гусев, инженер Бойя Гао, компьютерщик Дмитрий Тимофеев и многие другие. В моём окружении писатели, учёные, художники, композиторы, дипломаты и т.д.

З.П.: Среди Ваших рассказов у меня есть любимые, один из них — «Пятак на счастье». Повествование идёт от лица немолодой женщины, в раннем детстве оставшейся без родителей, покидающей навсегда свою родину. И дело здесь не в сюжете, а в том, сколько сердца и грустной поэзии в этом повествовании. Есть ли здесь автобиографические мотивы? Что Вас вдохновило на этот короткий по форме, но эмоционально не кончающийся прочтением рассказ?

И.М-К.: Да, это рассказ о моей маме. Как ей было ужасно тяжело и больно уезжать, покидать любимых людей, любимую землю... Этот рассказ был также напечатан на английском языке в одной из американских антологий.

З.П.: В первом томе двухтомника 2016 года после рассказов из серии «Американские истории» — раздел «Статьи, рецензии, эссе, интервью». Мне хотелось бы спросить, по какому принципу Вы отбираете книги для рецензирования и какими принципами руководствуетесь, приглашая людей на интервью?

И.М-К.: Мне очень интересны люди. Ведь собственно писательская профессия — это всё о человеке. И если я встречаю человека незаурядного, яркого, мне хочется рассказать о нём другим людям, поделиться своей радостью встречи. Труд этот тяжёлый, часто сложные характеры трудно деликатно описать.

З.П.: Читая Ваш поэтический том «Музыка в Нью-Йорке», на полях я оставляла записи. Приведу некоторые из них: «Мастер интересных созвучий, аллитераций, неожиданных сравнений, необычных метафор. Метафоры построены на изумительных парадоксах... Поэзия располагает к откровению, к искренности, к доверительному разговору... Стихи неожиданные, свободные, смелые... находятся верные слова и словосочетания описать чувства». Отдельно, карандашиком выписаны строчки из «пейзажного» стихотворения, которые можно рассматривать как самостоятельный короткий стих: «Луг тонкой ниткою шит/Клювами аистов белых», и вот необыкновенные строки другого стиха: «Поль Элюар. /Париж. /Дождя аллюр, /деревьев миражи...».

Стихи действуют на душу магически. Не могу удержаться от соблазна привести здесь несколько Ваших стихотворений. Позволите?

И.М-К.: Каждому поэту приятно, когда его цитируют, не так ли?

НА НАБЕРЕЖНОЙ ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ

Залив,
И неба синь.
Сок апельсиновый в закат волной разлит.
Кубы цветных домов матрёшками стоят,
По набережной выстроившись в ряд.
Народ в аллеях суетится:
жонглёры, клоуны, артисты,
лихие велосипедисты,
на роликах несутся неформалы,
хиппует субкультура на причале.
И парусники белые,
набравши воздуха крахмал,
проносятся телами белыми,
закатный исполняя ритуал.
В порту большие краны
опускают облака.
А на телеэкранах —
в кинокадрах —
чехарда.
В Гаити — на улицах танцует беднота.
В Испании — дым от вулкана —
чёрная беда.
В Японии — цунами...
Во Франции — конфликт...
В Германии... и в Турции... Китае...
... У нас давно запущен интернет —
заглядывает в небо —
велика ль Земля?
Вот сверху —
точно нет,
а снизу,
по простору горизонта —
да!

Это — просто жизнь и живопись. Даже свежий ветер веет вдоль строк...

И ещё одно стихотворение:

По длинной, длинной дороге

Всё, что есть у меня — продолжение дороги, —
песочные часы и высокое небо,
запах свежего хлеба и ягод,
деревья из нашего сада,
стог сена, которое зовёт меня в поле,
танец птиц и их клёкот, как звуки гобоя.
Природа сделала меня счастливым...
Я научился молиться за тех, кто ушёл...
И теперь я сам иду по той же дороге
им вослед,
по дороге одиночества,
по дороге добровольного изгнания,
по дороге судьбы.
По дороге, чтобы видеть и слышать,
чувствовать и осязать.
Ибо сказал я себе на этом пути:
«Нет поклажи тяжелее, чем прошлое,
И нет поклажи легче, чем будущее».
По дороге, где часть моего племени
превратилась в Освенцима дым...

З. П.: Но вернёмся в сегодняшний день, дорогой Игорь. Одна из Ваших рецензий, касающаяся творчества Татьяны Шереметевой, называется «Когнитивный диссонанс». Речь идёт о поколении писателей, жизнь которых была поделена на две части драматическими переменами «в истории огромной Страны Советов, которой давно уже нет на карте».

Продолжая тему, замечу: Советы рухнули, оставив тяжёлые рубцы на теле бывших советских граждан. Правопреемницей рухнувшей Страны Советов стала Россия, и мы с Вами, люди, чьи детские, юношеские и отчасти зрелые годы прошли в Украине, стали свидетелями невероятных событий, обозначенных в 2014 году «ползучими» захватами украинских территорий и вступивших в фазу тяжёлой и кровопролитной войны

против Украины в феврале 2022 года. Мы, люди, для которых русский язык стал основным языком творчества, люди, воспитанные на лозунгах равенства, братства и дружбы народов, мы, чьи родные воевали, погибали, становились жертвами фашизма, с трудом выживали в эвакуации во Второй мировой, сейчас не просто пережили когнитивный диссонанс — страшный шок мы пережили и продолжаем переживать. Некоторым нашим собратьям по перу война отмерила дар активного сопротивления в полный поэтический голос, некоторые в результате шока не в состоянии подобрать слова, адекватные теме, и напряжённо молчат.

Как реагирует на эти трагические события Ваша поэтическая лира, высекает ли война в Вашем творчестве поэтические образы? Появились ли у Вас в течение этого года новые стихи? О чём сейчас думается? Что пишется, как живётся? У творческих людей принято спрашивать об их планах. Я всегда с удовольствием отмечаю, что перо — Ваш товарищ и брат, что Ваше литературное мастерство требует выхода, что Вы вдохновенно трудитесь и что те, кто в большой степени благодаря «Побережью» обрели своё место в литературе, стали Вашими последователями и приглашают Вас в свои альманахи, передачи, зумы и подкасты. Расскажите, пожалуйста, о своём участии в альманахе «Год Поэзии 2022», изданном в Киеве под редакцией Вашего большого друга и замечательного поэта Виктора Фета. Этот альманах — своего рода оружие за мир и целостность Украины, он объединил под одной обложкой почти девять десятков авторов из разных стран мира, пишущих на русском языке. Многие из этих поэтов хорошо знакомы Вам по «Побережью». Поделитесь своими мыслями по поводу этого сборника. Расскажите об уже состоявшихся новых публикациях. Какие Ваши произведения готовятся выйти из печати, в каких издательствах? Расскажите о журналах, в редколлегии которых Вы трудитесь. Какие из современных зарубежных изданий Вам бы хотелось отметить?

И.М-К.: Вы знаете, Зочка, я ведь по заказу не пишу. Есть, конечно, очень больные темы для авторов — одна война чего только стоит, страдания людей, эмиграция, желание свободы и борьба за независимость и личности, и страны. А сколько гибнет молодых людей, цвет украинской нации. И Россия теряет свои ресурсы и живую силу. Одним словом — кошмар!! И вспоминаются авторы, казалось бы, давно ушедших дней — в первую очередь Толстой, писатели блокадного Ленинграда, стихи Окуджавы, Галича, песни Ошанина и многое, многое другое. Кто же думал, что мы возвратимся в окопы Первой Мировой войны — «На Западном фронте без перемен»... Но возвратились!? А разве то,

что происходит в Израиле, это другое? Нет! Интернет обошла фотография, как два израильских солдата прикрыли своими телами мальчика четырёх лет... Слезы, да и только. А худющие африканские детишки — из моего голодного детства. А из сегодняшнего — разбитые к чёртовой бабушке родные украинские города.

Человечество где-то в середине своего исторического пути... Это долгий и тяжёлый разговор.

Что касается антологии-сборника «Год поэзии», вышедшего в Киеве, это очень хорошая и достойная работа прекрасного составителя — поэта Виктора Фета, необыкновенно работоспособного автора, объединителя зарубежных творческих людей. И, конечно, издателя Олега Фёдорова.

З. П.: Помня Ваше поэтическое признание: «Природа сделала меня счастливым...», и, зная Ваш оптимистический жизненный настрой, не ограничивая Вас никаким вопросом, хочу в конце нашей беседы попросить Вас сказать Вашим читателям, почитателям и друзьям ещё несколько слов.

И.М-К.: Я люблю людей. Ведь писательская профессия — это всё о человеке и для человека. Да благословит нас Всевышний!!

З.П.: А теперь разрешите мне, дорогой Игорь, завершить это интервью словами благодарности и признательности и пожеланиями встреч в литературе и жизни. Будьте здоровы и благополучны. Пусть творчество будет эликсиром молодости и залогом долголетия. И, как Вы пишете в стихах, будем продолжать смотреть на Землю «по простору горизонта» и видеть, что Земля — велика.

ОБ АВТОРЕ

Зоя Полевая окончила Киевский институт инженеров гражданской авиации. В 90-е годы посещала поэтическую студию Леонида Вышеславского «Зеркальная гостиная».

В 1999 году в Киеве вышел её поэтический сборник «Отражение».

Немало лет живёт в США. Печатается в литературных изданиях в Украине и в Америке, в том числе в журнале «ВРЕМЕНА».

В 2002 году организовала в Нью-Джерси литературный клуб, которым руководит и поныне.

Виктор НОРД

ДЕД-ЭПИКУРЕЕЦ

Главы из книги, готовящейся к печати

*Чем труднее препятствие, тем больше
славы в преодолении его.*

Эпикур

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вам, уважаемые читатели, отрывки из книги «Дед-эпикурец» расскажут об удивительных людях — участниках важных событий — и о судьбе одного из ранних открытий в микробиологии, совершённого много лет назад, но по разным причинам не использованного, забытого, надолго упрятанного в архивы академий и исследовательских организаций. Так называемый испанский грипп 1918–1919 годов унёс в могилу больше жизней, чем Первая мировая война. А по некоторым подсчётам, больше и обеих мировых войн, вместе взятых. Оценки колеблются между 30 и 100 миллионами жертв пандемии. Жуткий урожай смерти принято объяснять социальными факторами: войной, революциями, голодом, разрухой. Это понятно: любому это видно невооружённым глазом. Но мало кто обращает внимание на беспомощность медицинской науки перед лицом такой катастрофы. Считается, что уровень понимания микромира и методы лечения инфекционных заболеваний тогда просто ещё не достигли должной высоты. Действительно, виновник катастрофы, первичный возбудитель *испанки* был обнаружен и выделен лишь в 1997 году, спустя 80 лет после спада пандемии, а геном его — и того позже, в 2005-м!

Нынешняя пандемия КОВИД-19, однако, также застала врасплох и мощные исследовательские институты, и многомиллиардную фармацевтическую индустрию. А между тем, трудами многих исследова-

телей был уже накоплен большой опыт противостояния стихийным биологическим бедствиям.

Поскольку в повествовании действуют не совсем обычные персонажи, мне кажется, сперва следует познакомить читателя с тремя из них.

Главное действующее лицо — это мой дед, давший книге её название.

Следующий персонаж — его жена, моя бабка, вышедшая замуж шестнадцати лет и к восемнадцати уже родившая двух детей, — в самый разгар войн, эпидемий, революций и погромов. А также — друг и покровитель деда и его семьи, доктор Вера Гедройц. С ней он познакомился в медицинской школе в Лозанне, где оба обучались профессии и получали свои академические степени. Её биография может занять многие страницы журнала, посему ограничимся лишь несколькими фактами — известными и неизвестными. Вера Гедройц принадлежала к литовскому княжескому роду. Её часто называют первой в России женщиной-хирургом. Будучи выпускницей хирургической школы профессора Сезара Ру (Университет Лозанны), Вера Гедройц стала автором ряда оригинальных научных работ в области военно-полевой, общей и детской хирургии. Она также внесла вклад в становление киевской хирургической школы.

Член партии кадетов, княжна Гедройц была непримиримым врагом самодержавия. Несмотря на её революционные взгляды, с началом войны императрица Александра Фёдоровна пригласила княжну на должность главного врача лазарета № 3 дворцового госпиталя. Двух дочерей Александры, Татьяну и Ольгу, да и саму императрицу Вера Гедройц подготовила к работе сёстрами милосердия. Подружившись с императрицей, княжна, тем не менее, однажды в её присутствии вышвырнула вон из лазарета Григория Распутина, крича, что не позволит лезть в операционную мужику в грязном тулупе и со смазными сапогами, будь он хоть сам Государь-Император.

В Лозанне, замещая на кафедре хирургии знаменитого Сезара Ру, она получала приличное жалование — и поддерживала нуждавшихся соотечественников-политэмигрантов. Среди прочих, она перевела деньги в Берн и семейству неких Ульяновых, которым грозило выселение из квартиры. Принять долг назад она впоследствии отказалась, отпустив при этом нелестные реплики по поводу неумения обеих женщин этого Ульянова, Надежды и Инессы, экономно вести хозяйство. С тех пор Вера Гедройц стала у большевиков неприкасаемой. Поначалу из-за титула местные совдепы арестовывали её каждый год как «кон-

тру» — но тут же по приказу из Москвы немедленно отпускали. Вняв окрикам из центра, её назначили приват-доцентом Киевского медицинского института и стали считать своей «красной княжной». Через пару лет она уже пользовалась неограниченным влиянием среди самых могущественных своих пациентов, чем немало помогала деду.

Стоит ещё упомянуть, что мужчины как предмет романтических устремлений её не интересовали. Оперируя в траншеях и тифозных бараках, княжна Гедройц привыкла к крепким солдатским выражениям, к бразильским сигарам и к своей операционной сестре в качестве сожигательницы.

При этом она была ещё и членом «Цеха Поэтов», дружила с Гумилёвым, часто публиковала стихи и прозу под псевдонимом Сергей Гедройц, в память о любимом ею умершем брате.

Много лет спустя её именем была названа городская больница, в которой она начинала свой путь. А совсем недавно, в нынешнем 2023 году, в Киеве появилась и улица Веры Гедройц.

Теперь несколько слов о деду. Он был, что называется, чудаком. Немало знавших его считали, что он слегка выжил из ума. В разорённой войной Киеве это было свойством небезопасным. Всё странное, непривычное считалось чуждым, то есть враждебным. Особенно если чудаку при этом случалось быть евреем и, тем более — врачом.

Дед происходил из эмансипированной семьи, где из одиннадцати детей семь стали выкрестами. Глава семейства, купец первой гильдии барон Гинзбург, отнёсся к этому с равнодушием: пусть поступают как вздумается. Дед же, обучаясь в Швейцарии, оставил свои метрические записи как есть: его, поклонника Вольтера, сместила сама идея смены одних религиозных оков на другие.

Легче всего ему было говорить, читать и ругаться по-французски. Любил он и сочные украинские проклятия, а также и восклицание: *Саперлипопет!* неизвестного происхождения. «По-еврейски» (на идиш) он понимал лишь одно слово: «Мишигене».

Так называла его бабушка; родом из местечка Бровары, она была младше деда на двадцать шесть лет; подозревали, что именно своими странностями он завоевал её юное сердце. Звал её дед исключительно ведьмой с Лысой горы, или ещё — Бабой-Ягой, но это уже позже, когда у них появились внуки, звавшие её бабой.

Этому была реальная причина. У бабушки действительно была необычайная склонность к колдовству. Она посыпала перед сном

своих внуков солью *от дурного глаза*. Если кто-то зевал — требовала, чтоб зевнувший немедленно сплюнул через левое плечо, а если чихал — через правое, и при этом что-то приговаривала шёпотом. А уж если случалось одному из нас простудиться — нужно было каждые два часа поджигать какое-то ароматическое зелье и при этом повторять: «У кошки — боли́, у собаки — боли́, а у Витеньки — не боли́!»

Дед издевался над бабкиными суевериями и повторял, что в некоем американском городке Сэлем ей пришлось бы худо от таких же обскурантов, как и она сама.

Бабка соглашалась: «Хорошо, Мося, хорошо, значит я — обскурант...» Она не прочь была слыть колдуньей. Она не выглядела обычной ведьмой, старой каргой без зубов и с метлой для полётов на шабаш, напротив! Бабка была молодая и пухлая, как только что выпеченный калач; даже в эпоху советских сиреневых панталон по колено она носила шёлковое, интригующе чёрное (выкрашенное ею самою!) бельё, подводила брови жжённой пробкой, а губы — моим детским карминным карандашом по особому контуру, называвшемуся би-стинг, в стиле роковой звезды кино Клары Боу.

Трудно поверить, но многие считали, что бабкиному колдовству доктор был обязан своей жизнью. В 1919-м году, насильно мобилизованный в Киеве как *медснец* на службу в войска Северо-Кавказской республики, дед разработал рекомендации по профилактике эпидемий в полевых условиях. По дороге в Пятигорск им с бабкой пришлось провести три недели в воинском эшелоне. Почти сразу же после отправки в теплушках начали умирать новобранцы: вспыхнула эпидемия странной болезни, не похожей на привычный тиф; смерть наступала от удушья уже на третий-пятый день заболевания.

К месту назначения поезд привёз менее сорока человек здоровыми, из них восемь — санитарный взвод, спасённый привитой наугад замороженной вакциной деда. Остальных, 178 рекрутов пришлось похоронить по пути в братских могилах, а 166 — оставить умирать прямо на платформах станций, где хотя бы была питьевая вода. Чем ближе к Кавказу, тем страшнее была картина повальных смертей, перроны были буквально забиты умиравшими с кровавой пеной на губах.

Всё, что пока можно было предпринять — рассеять скопления людей на тесном пространстве, обеспечить их питьевой водой, регулярно проветривать бараки и теплушки. Среди других мер, дед предложил командованию временно отказаться от интернирования пленных: следовало просто разоружать их и отпускать восвояси, на все четыре —

и пусть пойдут себе по домам. И вообще, в походных условиях лучше держать пленных, да и родственников солдат подальше от боевого состава.

Отпускать пленных?! За такие контрреволюционные советы *военмедснца* барона Гинзбурга дважды за десять дней приговорили к расстрелу: сперва в Таманской, а затем и в 11-й Северо-Кавказской красной армии.

Случилось однако так, что в последние минуты расстреливали не доктора, а самих командиров, что настаивали на его расстреле. Бабка при этом не переставала ворожить и с приговорами жечь куриные перья — поэтому все уцелевшие в поезде, включая санитарный взвод, были уверены, что только своим колдовством она спасла мужа от неминуемой гибели. А дед с тех пор решил навсегда отказаться от проклятой баронской фамилии Гинзбург и взял девичье имя матери: *Гольдберг*. И стал меньше подтрунивать над бабкиной ворожкой. Как убеждённый клиницист-практик он верил в любые средства, что оказывают действие, во *всё, что работает*. Даже если это — жжённые куриные перья!

ПОГРЕБЁН ЗАЖИВО

Киев. 1930-й

Ранным утром раздался звонок. Дед ещё лежал в постели, но бабка уже готовила ему первый стакан чая. Он дотянулся до телефона, приподнявшись на кровати. Звонила Гедройц. В это редкое свободное утро дед подумал, что срочный вызов опять лишит его шанса нормально позавтракать — но ошибся. Княжна звонила из дома и сразу же принялась греметь в трубку своим оглушительным басом:

— Доктор Моса, вы когда-нибудь оставите свои домашние опыты в покое? Что вам неймётся? У вас служба, оклад, семья наконец, а вам непременно надо призывать беду? Уберите микроскоп назад в ящик и запирайте на замок.

— Какой микроскоп? Вы хоть знаете, который час, Гедройц? — пробасил доктор в ответ.

— Ах, какая разница? Хорошо, вы близоруки, но ведь не слепы же? Чем вы занимаете свой досуг? Не понимаете, что происходит вокруг? Какое пенсне вам надеть, чтобы видеть дальше собственного носа?

— Во-первых, доброе утро, коллега. Во-вторых, кончайте грубить: мы не в траншеях, и я не ваш пациент. В чём дело? У меня первый выходной за месяц...

— Нет, Моса, с вами стало трудно общаться, вы одичали... Вот что: я вам назначаю свидание. Давайте позавтракаем на природе у *академика*, в саду Богомольца. Я всё равно должна передать вам подарок от кафедры, два месяца уже собираюсь.

— Какой завтрак, какой подарок? Когда?

— О Боже мой, да сегодня же, сейчас! Ваш юбилейный подарок, с прошлого года ещё. Скажу Маше, чтоб завернула пирожки — у меня кофе горячий в термосе. Я могу быть через полчаса, вход в сад прямо напротив вашего дома, так ведь?

— Даже и не думайте, безумица... *мерд*, у меня выходной!

— Хорошо, через час! Скажите Иде — пусть не суетится, я всё что нужно, возьму с собой. Метров двадцать от входа направо, там ящик садовой утвари стоит, а рядом — скамейка и столик. Очень удобно, буду ждать вас там. А через час снова будете дома — всего и делов-то...

— Да в чём же дело в конце концов, что за паника, Гедройц?

— Сейчас восемь тридцать. Сад открывается в девять, буду ждать вас там, на скамейке. Всё объясню. Прямо за ящиком...

Она повесила трубку. Перезванивать, возражать было бесполезно: он её хорошо знал.

— Ида, — позвал дед жену, — оставь чай, приготовь-ка мне лучше тазик для бритья и свежую рубашку.

И выругался на своей смеси украинского и французского: «От скажена, *саперлинопет*, шоб ей повылазыло!

Едва выйдя из дома, дед заметил, что зелёная калитка — служебный вход в сад — заперта на висячий замок. Он хотел уже повернуть назад, когда уловил за оградой какое-то движение. Подойдя ближе, близорукий дед разглядел руку с платком, машущую из-за ограды. И только у самой калитки, поправив пенсне, он наконец понял, что это Гедройц, чертыхаясь басом, пытается передать ему ключ от замка. С высоты своего роста дед протянул руку вверх каменной кладки, схватил ключ и отпер калитку. Красная от злости, Гедройц вместо приветствия буркнула: «*Мазлтов!*»

— Пардон? — переспросил дед. Кроме слова «*мишигене*», выученного от бабки, он не понимал идиш.

— Наконец-то! — ответила княжна. — Какой-то идиот запер снаружи вход, пока я вас ждала. Для посетителей сад закрыт. Привезли редкие

деревья, будут сажать. Новый глава академии собственный парк себе делает.

Она жестом пригласила его следовать за собой и пошла вдоль ограды. Возле недавно разрытых ям и завёрнутых в рогожу саженцев дед увидел деревянный ларь для лопат и рядом — врытый в землю стол и зелёную скамейку. На ней стоял большой плоский фанерный ящик.

— Это вам, — сказала Гедройц. — Подарок от кафедры.

— Что это? Зачем это мне? — спросил дед.

— Он только кажется тяжёлым. Это Павлов, гордость науки. Нашей, советской, разумеется: нигде кроме, как в Моссельпроме! Портрет вам к юбилею. К нему ещё вернёмся, а пока что налью вам кофейку: горячий, только сварен.

Она раскрыла свой мешок-*ридикюль*, достала термос и ловко разлила питьё в эбонитовые стаканчики. Не успел дед сделать глоток, как Гедройц снова полезла в сумку и вытащила плотный пакет из пергамента, а за ним — кулёк бисквитов.

— Вот, — сказала она, — только надкусите, воздушные. Из монастыря прислали, Маша их обожает. Заставила меня позабыть про пирожки. Ну как?

— Послушайте, вам не кажется, что вытащить человека из постели в выходной, чтобы оценить вкус бисквитов...

— Ладно, ладно, будет вам, — она воровато оглянулась по сторонам и размотала суровую нитку, скреплявшую пакет. — Вы лучше гляньте сюда: это вам не бисквиты. Пальцы у вас сухие? Нет, сначала поставьте кофе на скамейку. Это ваши письма, оригиналы: три ко мне на кафедру, одно в Институт усовершенствования врачей, одно в Академию, и одно в Наркомздрав, к самому Семашко. Вы отправляли их, как положено, через секретаря Главврача клиники — я едва успела перехватить! И каждое — это приговор себе. Вам и теперь не ясно?

Кровь бросилась деду в лицо.

— Вы хотите сказать, коллега, что перлюстрировали и остановили мою корреспонденцию?

— Я хочу сказать, что в который раз спасла вашу башку — и что этой возможности приходит конец. И гораздо скорее, чем кажется...

— Вы перехватили мои письма, княжна, даже не вам адресованные?!

— Вы действительно не поняли, что происходит? Не видите, что делают с длинными шеями?

Водя по бумаге носом, дед стал проверять адреса на вскрытых конвертах.

— *Баста!* — я вам не княжна больше, Моса, и не *коллега* — нервно продолжала Гедройц. — Мы прошли вместе многое: достаточно, чтобы оставить этот квази-корректный стиль общения... У меня есть имя.

Дед начинал понемногу понимать причину неожиданного свидания, гнев утихал, и он решил пошутить.

— Но кто вообще может запомнить ваше имя? О себе вы говорите не иначе как в третьем лице мужского рода: *он...* «Приват-доцент» будет звучать для вас приятней, чем «княжна»?

— Ах, оставьте сарказмы, Моса. Времена наступают — говно. А вы продолжаете играть в благородство. Ах какой скандал, письма ваши вскрыли! А то, что ваш телефон может прослушиваться, — для вас это тоже новость?

— При чём тут это? Мы правительственная клиника, у всех у нас так.

— Да, но *«все у вас»* знают своё место: прописывают *ответработникам* аспирин и отправляют в санатории, а не опрокидывают принятые нормы. И уж точно не выискивают ошибки у Нобелевских лауреатов!

— Ах, вы о моих записках в Академию? Не вижу в этом ничего криминального. Напротив, обнаружив несурязицу в награждении Нобелевской премией профессора Фибигера, я *обратил на это внимание товарищей, довёл до сведения старших и сообщил по инстанциям...* То есть сделал то, что *товарищи* требуют в каждой газете.

— Вы шею высунули, чудовище! Ещё раз: знаете, что делают с теми, кто высовывается дальше других?

— Насколько мне известно, объявляют, э-эмм, героями труда, награждают...

Это было уже чересчур для Гедройц. Она схватила деда за плечи железными пальцами, сильно встряхнула и взвизгнула неожиданным фальцетом.

— Это вас-то — героем? Да вы что, сговорились все меня сегодня злить? Вас? Еврея, в пенсне, с заграничной степенью — сына барона, купца первой гильдии? Вы серьёзно? Вы же уверяли меня, что *товарищи* ставят очки к стенке за малейшую ошибку в диагнозе?

— То было в гражданскую войну. Я нашёл пробелы в выводах Нобелевского лауреата Фибигера. Они будут рады ошибкам *буржуазного* Комитета...

— Но не на вас же ссылаясь! Вы что, потомственный революционер? Академик Богомолец? Кто вы вообще для них? — попутчик, *медспец!* Хоть представляете себе, сколько раз мне приходится отводить зане-

сѣнный над вами топор? С вашим, чѣрт вас дери, характером вы же приглашаете расправиться с вами любого, кто захочет.

— Да, мне говорили, что вы защищаете меня на учёных советах, за что я искренне...

— Ах, бросьте, Моса. У вас репутация колдуна; вы избавляли — сами знаете кого и от чего. Ваши пациенты — суеверные невежды, они вас боятся; им это кажется шаманством, чѣрной магией. Я всего лишь напоминала об этом на заседаниях коллегии. Но помните! Ваш главный пациент Пятаков — в опале, вот-вот полетит со всех постов, что тогда? В Москве защиты у вас не осталось; здесь я ещё могу оказаться полезной, но оглянитесь же вокруг!

Дед посерьёзнул:

— А что, собственно, вас так тревожит? Я не вижу повода для паники.

Гедройц устало вздохнула. Дед, её старый друг и коллега, явно выживал из ума, неадекватно воспринимал окружающее...

— Протрите глаза, доктор Моса. По республикам идут погромы, весь президиум Белорусской Академии расстрелян. У нас академик Ефремов попал в списки, его ничто уже не спасёт; в Харькове готовят публичный процесс, смертей десять — и кого! Мировые имена, ордера на аресты читать жутко. Черняховского дело, соседа вашего, вы тоже умудрились не заметить?

— Так вы ж теперь на его месте? Ну хорошо, завкафедрой Черняховского, сына священника, заменили княжной, доктором Гедройц. Он, кстати, в диагнозах иногда ошибался ...

— Да замолчите же, Боже мой, уши вянут! — заорала Гедройц.

Несколько секунд она глядела на него молча, печально, безнадёжно. Потом встала и тяжѣлыми шагами направилась к ящику с садовыми инструментами.

— Я на его месте! Лучше не скажешь... — Она выудила из ящика лопату: — Чтоб вы знали, я больше не оперирую. Отказалась дать на него материал, ничего, сказала, не могу припомнить. Дали время подумать до окончания следствия, а если ничего не надумаю — вон с кафедры, без учёта стажа. Поплевав по-мужицки на ладони, княжна вонзила лезвие лопаты в мягкую землю рядом с ямой.

— Вас волнует *соцпроисхождение*, Моса. Всем давно уже на это плевать: кто *анус* Хозяину лижет, поёт хвалу любой его придурки, тот и на коне, хоть граф, хоть белый генерал. А вы всё утаиваете своё баронство, с Гинзбурга сменили имя на Гольдберг, думаете, в этом дело...

Не переставая орудовать лопатой, она продолжала в своей грубоватой манере, будто с кафедры обращалась к интернам:

— Поймите, *они* выводят новый вид, советский великорусский! Изгоняют *чуждое*: казахи, таджики, узбеки на своём языке теперь должны писать русскими буквами. Местных интеллигентов, учителей и национальных самородков убирают и изводят под корень. В Белоруссии оставили на воле трёх академиков — да и те чуть дышат от страха...

Дед слушал молча, не перебивая, а думал совсем о другом — о своей привычке *высовываться дальше других*.

Он не верил в самозарождение заболеваний. Они были частью каждого живого существа и ожидали лишь подходящих условий для атаки. Здоровье означало способность организма держать опасные факторы под контролем. Но в чём природа этой способности, где её пределы? Теория эволюции, которой клялись авторитеты, не давала ответ на этот вопрос, она была инструментом полезным, но не универсальным; он придумал ей ограничивающее определение: линейная эволюция. Экзаменатор в Казани орал на него: «Предельность эволюции?! Да кто вы такой? У вас мания градиуса, любезнейший! Мания величия!»

А он всего лишь не принимал на веру неизбежность прогресса, он допускал возможность завихрений, девиаций и тупиков естественного отбора — святая святых биологии. Его инстинкт вообще был — подвергать сомнению общепризнанное.

Не прошло и получаса, как в земле была готова глубокая узкая щель.

— Я подготовлю ящик, а вы пока сделайте пошире края — попросила Гедройц, но увидев, как дед, поправив пенсне, нерешительно взялся за черенок лопаты, остановила его:

— Ясно, *окапываться* под огнём вам не приходилось. Садитесь тогда и постарайтесь точно запомнить. Слушайте внимательно.

Она начала один за другим пальцами вытаскивать длинные гвозди из крышки ящика, сперва поддевая их шляпки пилочкой для ногтей. Дед невольно следил за ней с восхищением. Он вдруг вспомнил её в Альпах, совсем ещё юным интерном, сидящей прямо на снегу. Стальной хваткой вцепившись в ногу какого-то бедолаги-лыжника, она вправляла ему вывих.

— Вот, — сказала Гедройц, сняв наконец, крышку и вытаскивая содержимое. — Глядите, что я делаю. Это портрет, завёрнут в байку, обмотан бечёвкой: осторожнее, здесь верх, это стекло. Его заберёте отсюда с собой. Теперь... — Пустой ящик она поставила на землю.

— Там внутри всё обложено парусиной — она просмолена, а в неё вставлен пакет из вощёного хлопка. Туда я кладу оригиналы ваших писем и кое-что своё. Понятно?

— Мм... теперь, кажется, понятно...

— Ничего вам ещё не понятно. — Она схватила лопату и чуть расширила края ямы. Потом одним движением приподняла и опустила тяжёлый ящик вниз — он плотно вошёл в землю до самого открытого верха.

— Завтра утром, сразу после десяти, вам отворит калитку садовник, представится — Григорий и проводит сюда, на это самое место. В руках у вас будет ваш обычный портфель, и ничего больше. Садовник уйдёт, но будет неподалёку. Когда он махнёт вам рукой дважды — но не раньше! — вы из портфеля вытащите его содержимое и осторожно, но не мешкая, опустите в ящик. После этого вы его просто накроете снова крышкой — гвозди не трогать, Григорий запечатает ящик сам. Запомнили? Сразу после десяти, но не раньше, чтобы как можно меньше ждать.

— О каком содержимом вы говорите? Что ещё я должен сюда принести?

— Сейчас, сейчас, не всё сразу. Я даю вам с собой листы пергамента, в нём монахи старинные книги хранят. Четырёх должно вам хватить...

— На что хватить? Что вы затеяли?

— Да дайте же сказать, не сбивайте меня. Я всё продумала. У вас ещё будет сегодня время привести в порядок свои бумаги, отобрать, заминайте:

А: ваш швейцарский *curriculum vitae*.

Бэ: вашу диссертацию по микробиологии «Существо или вещество?»,

Це: заграничные отзывы о ней: Хавкина, Эмиля Ру, Мечникова.

Дэ: ваш доклад по этиологии *испанки*;

Эф: приглашение от Введенского в Ростов на этот доклад — я знаю, вы хранили его с конца войны.

Жэ: Вашу статью «Ошибка Комитета», рукопись. Всё.

...Ошибка Нобелевского комитета... Бросающаяся в глаза: «1926 год. За открытие карциномы *Spiroptera*». Главные виновники злокачественной опухоли у мышей — глисты!..

Три недели в поезде мёртвых на многое открыли ему глаза. Это был уникальный опыт, недоступный ни одному исследователю ни прежде, ни впоследствии: за две недели более двухсот взятых на месте проб у умерших и умирающих солдат!

Смертельно больным давали аспирин — а что можно ещё было сделать, пока не найден возбудитель?

Получив результаты, он не посмел тогда глубже заглядывать в тайны органики, обобщать.

Он был доволен, убедившись в фильтруемой, вирусной природе первичного возбудителя испанки; был бы ещё более рад, сумей он тогда выделить патоген. Но в тех условиях, в тряском вагоне под обстрелами, это было, увы, невыполнимым.

Зато чужие ошибки с тех пор сразу бросались ему в глаза, он выявлял их, не считаясь с авторитетами. Но сейчас наступала пора измениться, обуздать эту опасную и несвоевременную жажду потрясения основ, запереть её на ключ и забыть о ней.

Дед вздохнул. Настроение резко пошло вниз. Ясно было, что княжна шутить не собиралась: следовало спрятать подальше свидетельства его самоуверенной, вызывающе дерзкой юности...

«Гедройц явно знает много больше, чем рассказывает, и разбирается в ситуации куда лучше моего», — подумал дед.

— Я гляжу, Вера, вы лучше меня осведомлены о моём архиве, — тихо сказал он.

— Просто я менее рассеяна и беспечна, чем вы, доктор. Когда речь идёт о спасении шкуры, память у меня становится хватче вашей. Я многое о вас узнала, ещё со школьной скамьи в Лозанне; на Кавказе тогда это чуть не стоило нам обоим жизни, а мне стало уроком на будущее... За битого двух небитых дают.

— Это я-то — небитый?

— Не будем терять времени, Моса. Вы собираете оригиналы — от А до Жэ. Нумеруете их отдельным списком, заворачиваете в пергамент в два слоя. Его надо разглаживать тёплым утюгом и прессовать, чтобы пакет вошёл в плоский ящик. Ида пусть смотрит молча, не скрываете от неё, но, чтобы вслух об этом — ни-ни, у стен есть уши. Кладёте всё в свой старый портфель, должно войти. Остальное я уже сказала: после десяти на следующий день!

— И надолго нужно будет это схватать, Вера? — глухо спросил дед.

— До лучших времён, Моса, до лучших времён. Да! Тем же вечером, не тяните, сжигаете малыми порциями в комнате в печке — но ни в коем случае не на балконе и не в кухне! — все копии этих документов, и только затем открываете дымоход...

— И копии тоже?! Но позвольте...

— Не позволю. Всё остальное потом, не здесь. Сейчас нам пора обоим идти. Не то завтрак может показаться необычно затянувшимся. Гедройц разровняла присыпанную яму, потом отнесла инструменты, бросила их в ящик и вернулась к столу с небольшой железной табличкой, прикрученной к стальному пруту.

— Чуть не забыла, — сказала она и воткнула прут в землю возле ямы. На табличке было начертано красной краской: «ТИСС ЯГОДНЫЙ», ниже, трафаретом: «Ядовитое растение. Без разрешения дирекции не копать!»

Перед тем, как выйти из сада и распрощаться, Гедройц вспомнила ещё о деталях:

— Да, завтра, когда захороните пакет, садовник вам отдаст мой пустой термос. Положите его в портфель: забыли, мол, вчера на столе, а утром вот решил за ним зайти — так скажете в случае чего...

— В случае чего? Чего именно?

— Потом, потом, Моса, время не ждёт. Всё узнаете. А завтра сделайте всё, что я сказала, и как можно точнее, память у вас хорошая. Верьте мне, я знаю, что делаю — не зря же пять лет на нелегальном провела. До завтра. Осторожнее там с портретом: стекло!

На следующее утро, в десять без двух минут дед появился у калитки сада. Скрупулёзный до мелочей, он точно следовал указаниям Гедройц. Все бумаги уместились в два больших, но плоских пакета; удалось даже прибавить и аннотацию докторской по-латыни; всё легко вошло в портфель. Одноглазый садовник открыл изнутри замок ровно в десять, произнес лишь одно слово: Григорий, и молча пошёл вглубь сада по едва заметной тропинке. Вся процедура захоронения не заняла и десяти минут. Садовник зажёл две свечи, залил крышку ящика расплавленным парафином. Пока он рыхлил и разравнивал землю под железной табличкой, напомнившей могильный крест, деду на ум пришли слова из песни: «Заживо погребён»... Порожний термос из-под кофе, выданный напоследок Григорием, походил на урну с прахом покойного.

Прощайте, доктор Гинзбург, несостоявшийся микробиолог, думал дед, уходя из сада, прощайте его догадки, которые, конечно, легко опровергнут новые поколения изыскателей. Впрочем, кто знает, а может, и подтвердят, и получают за это награды... Но когда? Через десять ли, двадцать лет? Через сорок?..

Тем же вечером к ним с бабкой пришли трое штатских из УГПУ с обыском, но при этом почему-то без понятых и без ордера. Формальности, впрочем, деда не интересовали; не задавая вопросов, он отдал агентам ключи от стола и шкафа и отправился с бабкой спать в соседнюю комнату. Их не тревожили. Работали всю ночь, вежливо, осторожно переставляя вещи с места на место. Соседей по квартире попросили не выходить ночью в кухню. Проверили ванную и уборную, дымоход, шарили в баках с бельём. Завёрнутый в одеяло портрет даже не развязали, просто отодвинули, чтоб не мешал. Зато старую просевшую тахту зачем-то искромсали в клочки, после чего начисто подмели пол; ничего не найдя, пообещали *обеспечить* такую же, новую, и удалились под утро, извинившись за беспокойство: сами понимаете — служба.

А ещё через неделю вышел циркуляр по Всеукраинской Академии наук. Общим собранием медицинской секции было принято решение об исключении и лишении права занятий врачебной деятельностью зав. кафедрой полостной хирургии Гедройц Веры Игнатьевны. В соответствии с решением, приват-доцент Гедройц увольнялась за политическую беспечность, без начисления пенсии. Её ведомственная квартира по ул. Кругло-Университетской, 7 подлежала возврату в распоряжение Академии.

Узнав о приказе, дед отправился в институт, чтобы предложить ей временное пристанище: у них с бабкой были две смежные комнатки в общей квартире. Он разыскал Гедройц на кафедре; та собирала в свой мешок-ридикюль личные вещи под наблюдением вахтёра и факультетского стукача доцента Алтухова. С помощью деда они управились быстро, вышли на улицу и поймали таксомотор. Гедройц велела запомнить: кроме неё, о месте захоронения архива будет знать её сожительница Мария Нирод; если она не сможет связаться с вами — тогда сосед, художник Поволоцкий, он позвонит, если надо, и представится; а если и с ним возникнут сложности, тогда уж свяжется Авдиева, его жена, тоже художница.

— Возникнут сложности? Какие? — переспросил дед.

Вместо ответа Гедройц прямо в такси развернула листок из блокнота и дала ему прочесть — из своих рук только! — короткий текст, несколько строк, написанных её крупным небрежным почерком.

— Это не целиком, но уж то, что переписано — так это слово в слово, — сказала она. И отвечая на недоуменный, поверх пенсне, взгляд доктора, одними губами беззвучно произнесла имя ответственного работника госбезопасности, своего давнего пациента: *Ба-лиц-кий...*

К удивлению деда, от предложения жилья она отказалась и сообщила, что купила домик рядом с Покровским монастырём:

— Приходите с Идой чай пить под липами — зелень кругом, тишина. Мы с Машей всегда вам рады.

— Спасибо, Вера, но на какие, пардон, шиши вы стали вдруг домохозяйкой? Вам же все: и ординатура, и студенты деньги должны, без всякой надежды вернуть... Вы что, золотые рубли упрятали там с моим архивом? Или у Марии обнаружился богатый покровитель? Гедройц рассмеялась. Она столько лет жила одним домом со скромной женщиной, своей операционной сестрой по фамилии Нирод, что об этом давно уже всем надоело сплетничать.

— Маша нищая, ещё хуже меня, Моса: последнее отдаёт голодающим... Мне монастырь отделил участок, дважды в неделю буду консультировать в их больнице, оперировать в экстренных случаях.

* * *

Много лет спустя мне в архивах удалось разыскать документ, который Вера Гедройц во время медосмотра увидела на столе Балицкого, украдкой (но явно с его молчаливого согласия) скопировала и показала потом деду в такси. Шифрограмма была адресована двум пациентам доктора, наивысшим чинам в правительстве Украины: обоих он спас в своё время от брюшного тифа.

Вот что она успела переписать:

«Шифром. Секретно. Харьков — Косиору, Чубарю.

Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? ...На суде надо развернуть... врачебные фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Пусть знает так называемая «Европа», что репрессии против контрреволюционной части медицинских спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистопациентов, имеют полное «оправдание» и по сути дела бледнеют

перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев — докторов...

И. Сталин 2.1.30 г. 16–45».

Как следует из документа, Сталину давно уже не давала покоя мысль об опасности заговора врачей — отравителей правительства. Но лишь через двадцать три года, под конец жизни, он позволил себе наконец дать волю инстинктам и уже в полную силу размахнулся кампанией против *подлых убийц в белых халатах*.

Терпению и целеустремлённости вождя можно только удивляться.

(После месяца допросов, под угрозами расправы с семьёй, академик Ефремов признал участие в заговоре националистов. Показательный процесс в Харькове обвинял деятелей науки и культуры в организации «Союза вызволения Украины» — якобы вражеской сети. Дело это было сфабриковано ГПУ. Десятки учёных, представителей творческой интеллигенции, священников по облыжным обвинениям отпратились в исправительные колонии. Публичные приговоры были сперва мягкими: лет пять-семь. Но потом дела пересматривались, и уже без излишнего шума многие получали высшую меру социальной защиты — расстрел. Академик Ефремов получил десять лет строгой изоляции и скончался в 1939-м за три месяца до истечения тюремного срока).

SUB SPECIE AETERNITATIS (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕЧНОСТИ)

Без малого десять лет спустя доктор снова оказался в укромном уголке сада, в месте захоронения его архива. Деревянный стол давно сгнил, жестяная табличка исчезла, но скамейка с чугунными подлокотниками и ножками в форме львиных лап хорошо сохранилась. Они сидели на ней и молчали: доктор Гольдберг в своём неизменном белом *кителе* и Мария Нирод, маленькая седая женщина в сером платье послушницы Покровского монастыря.

Многое, очень многое изменилось за эти годы.

Сад разросся и назывался уже «*Парком-дендрарием имени академика Богомольца*». Сам академик, потомственный революционер, жил и ра-

ботал теперь, окружённый диковинными растениями, в парке своего имени.

Вера Гедройц умерла в тридцать втором: рак придатков. Операция не помогла — метастазы оказались сильнее.

А вскоре грянули трагические события.

Сперва голод убил несколько миллионов жителей Украины — и ходили упорные слухи, что власти не помешали массовой гибели населения, а то и намеренно организовали её. А чуть позже уже открытый террор прокатился по *нацреспубликам* — и Украина оказалась на гребне этой волны.

В 1936 году один за другим ушли из жизни Иван Павлов и Максим Горький. Оба пытались спасти учёных, врачей и артистов; иногда это им удавалось. После их смерти на Украине началась вакханалия арестов, публичных покаяний и самоубийств *разоблачённых* вредителей. К концу тридцатых за решёткой оказались не только обвиняемые, но и обвинявшие их — да и те, кто потом обвинял самих обвинявших. Всесильный Балицкий, *Наркомвнудел*, разделил судьбу своих жертв. А репрессии всё росли, и доктору стало уже казаться, что, может, приват-доценту Гедройц ещё повезло: она всё же успела умереть своей смертью дома, рядом с близким ей человеком — Машей Нирод.

Эта маленькая женщина молча, серой мышкой сидела сейчас рядом с ним на скамейке, оба думали об одном. О нелёгком пути её блестящей подруги; о мужестве, с которым та несла свой крест, свой талант, так щедро ей дарованный. Гедройц была автором книг и десятков статей, провела сотни сложных операций, но оба они помнили, что за любое, самое скромное приложение своих способностей ей приходилось драться, не щадя ни своих кулаков, ни самолюбий её завистников и хулителей. Сражаться за право быть собой и не стесняться своей исключительности. За право быть, как говорил о ней доктор, эхом Ренессанса, *Леонардо* Гедройц ... Оба они любили смешные прозвища.

Вот и сейчас ждали садовника, одноглазого Григория, когда-то прозванного Гедройц *Потёмкиным-Таврическим*. Тот должен был принести два захороненных пакета. Доктор уже знал от Нирод, что художник, их друг и сосед, был арестован. Он мог не вынести *побоев и выдать место тайника*. Монашка нашла адрес доктора и бросила ему в почтовый ящик записку, прося о срочной тайной встрече. Так оба оказались в саду. Следуя указаниям покойной княжны, малоречивый садовник соглашался отдать документы архива только в руки самому их владельцу.

Пока в республиках выявляли врагов, боролись с вредителями в науке и стравливали друг с другом учёных, в большом мире исследования шли своим чередом. Они интересовали доктора куда больше, чем полные злобной ненависти передовицы газет. Благодаря своему французскому, доктор мог держаться в курсе событий: иноязычные версии медицинских журналов цензурой из библиотек не изымались.

В 1928-м в Америке впервые диагностировали вирусные заболевания человека.

В 1933-м англичане Смит и Эндрюс сумели изолировать вирус инфлюэнцы!

В 1935-м Уэнделл Стэнли в Институте Рокфеллера повторил ранние опыты с *мозаичной болезнью табака* — и убедился, что колонии её возбудителя, *инфективные «живые» кристаллы Ивановского* действительно существовали, не были сомнительным побочным явлением, как считалось много лет прежде.

В 1939-м в Германии получили первые полноценные изображения вируса. Размерами вирусы были короче волны видимого света, оттого не различимы самыми сильными линзами. Только *электронный микроскоп* обеспечил разрешение, достаточное для чётких микрографий.

Гипотезы, ранее принёсшие доктору лишь репутацию беспочвенного фантазёра, годы спустя подтвердились. Кто посмел бы теперь поднять чудаковатого медика на смех? Никто не дерзнул бы сейчас утверждать, что *«невидимого мира доктора Гинзбурга никогда не существовало в природе!»*.

Присутствие в микромире инфицирующего агента, обладающего признаками и живой, и неживой материи, никем более не подвергалось сомнению!

...Григорий появился из-за кустов неожиданно, беззвучно: правильнее было бы сказать — возник. В руках у него были два небольших деревянных ящика с рассадой; он поставил их на скамейку рядом с сидящими.

— Вот, — произнёс он. — Алоэ... И прибавил с подчёркнутым русским акцентом: *Вера*, как бы упомнив по имени умершую княжну.

Один из ящичков садовник подвинул ближе к Нирод:

— Это — вам. Ваше.

— Благодарю, — негромко ответила женщина.

— Здесь можете сидеть хоть до закрытия, — после паузы, ещё тише прибавил садовник. — Но уходить следует порознь, через разные выходы.

— Поняла, — почти прошептала Нирод.

— Доктору лучше первым — служебный вход не заперт. И чтоб прямо домой, не торопясь, но и не мешкая.

— Учтём. Ещё раз — спасибо, князь ...

Едва кивнув на прощанье, садовник повернул к кустам, шагнул в них — и исчез, растворился в зелени.

Поглядев ему вслед, послушница вздохнула и задумчиво повторила:

— Вот и всё. Алоэ... вера.

— Да... Вера. То, что осталось. — угадав её мысли, сказал доктор. — Но зачем вы так к садовнику — князь? Она в шутку звала его так, за-глаза, но вы-то... Он ведь жизнью для нас рисковал. Нехорошо.

— Да я и не думала шутить, доктор, это его действительный титул.

Доктор невесело усмехнулся:

— Как тогда прикажете величать вас? Графиней, может?

Женщина медленно повернулась и глянула доктору в лицо:

— А вы что, не слышали? Вы вот, хоть и взяли новую фамилию Гольдберг, но я-то давно знала, что вы — Гинзбург, барон.

— Какая чушь! — сердито перебил её доктор. — Титулы не наследуются евреями. Да и будь иначе, я тут же отказался бы. Сроду не признавал никаких титулов: на то и существует гильотина!.. — Он вдруг резко оборвал себя: — ...Постойте, э-это вы что, о себе — графиня? Всерьёз? Э-то вы... в самом деле, что ли?..

— А что делать? — женщина вздохнула, — я, конечно, не ваше сиятельство, а так... старуха из «Пиковой дамы» ... побитый молью персонаж.

— Саперлипопет! Я думал — шутка. Пардон.

— Бог с вами, доктор, — улыбнулась послушница. — Просто мы все в Дворцовом Госпитале начинали, я — сестрой, а Григорий санитаром, Вера ещё всё шутила над нами. Она меня фрейлиной дразнила, а ведь я — вольтерьянка, медик, мне и теперь смешно в зеркало глядеть на себя в этом... облачении. Да и вообще я атеист! После того, что этот народ со своим *царём-батюшкой* и его семьёй сотворил, не верю я больше ни в какие его Чудотворные...

— Да, но как же, как вы... можете там жить?..

— Да так вот. Никого не хотела видеть после смерти Веры, нянькой пошла в детскую больницу, но не смогла больше *товарищей* выносить. Четырнадцать лет были мы вместе — ровно четырнадцать раз они её арестовывали, потом по звонку из Москвы отпускали... Ну а я при первой же оказии — в монастырь, на любую работу за стол и кров. Я даже и не послушница там, а так, *трудница*, светский волонтер. Но теперь за

это сажают, так они из милосердия меня в послушницах держат. Пока и их тоже не прикроют, разумеется.

Нирод ещё раз повторила:

— Алоэ Вера... Здесь в пакете ей приглашение от Сезара Ру возглавить кафедру хирургии в Лозанне; пожизненную должность обещает. А она его спрятала и вот — здесь осталась, со мной, ... — Нирод не то всхлипнула, не то глубоко вздохнула.

— Очень она любила вас, доктор, звала городским сумасшедшим: высший её комплимент. Считала, что вы талант, провидец, а мы с ней так — с ножом мясница, да её ученица. Вы уж... берегите себя. Она боялась за вас, а сама смотрите — не дотянула и до шестидесяти двух. Эх...

Она резко прервала себя:

— Ладно, будет рыдать, к делу. Там в пакете ваш доклад, полностью сохранён, по этиологии испанки. Придёте домой — не бойтесь, уничтожьте только титульный лист — *товарищи* всё равно ни шиша не поймут — а Вера это считала событием в медицине! Теперь давайте разбегаться: вам рядом, а мне ещё идти и идти. Да, ежели вдруг спросят — скажите, по объявлению в «Вечернем Киеве» зашли в сад, рассаду столетника купить, благо рядом.

— Э-э, рассаду — чего, простите?

— Как чего, столетника — так алоэ здесь называют, не знали? Эх, не зря за вас Вера боялась.

— Да уж, не зря, — вздохнул доктор. — И ведь экзамен держал, идиот, на русские термины. Что ж, столетник: запомним. Алоэ Вера... сто лет ей памяти. А вам — обязан: чем смогу, как смогу — только скажите...

— Бросьте, доктор. При чём тут «обязан»? Идите. Ей-ей, пора.

Придя домой, доктор прежде всего попросил жену заправить обе керосинки «Грец» и вставить новые фитили. В доме, где они жили, газ ремонтировали уже несколько лет; не было и горячей воды. К счастью, садовник спрятал в ящике только бумажный пакет и не нужно было избавляться от внешней упаковки. Сам же текст внутри сохранился прекрасно.

В квартире у них с утра работали монтеры, подвешивали на стены чёрные тарелки репродукторов, *радиоточки* — гордость советской всеобщей радификации.

Дождавшись, пока рабочие уйдут, доктор разрезал титульный лист на десять полосок, свернул каждую вдоль пополам и поджёг над огнём

керосинок. Бумага сгорала быстро, оставляя лишь хрупкий пепел. Последним в огонь пошёл отсыревший в земле пакет; этот горел хуже, доктор поддерживал его над огнём пинцетом. Когда ослаб запах гари, открыли балконную дверь, а пепел докторша собрала на совок и бросила на дно помойного ведра.

Покончив, как он говорил, с *конспиративными акциями*, доктор растянулся на диване и пробежал первые страницы — краткое изложение, *абстракт* своего доклада. Потом прочёл ещё раз, внимательнее, медленно водя близоруким носом по строчкам. После чего он опустил ноги на пол, сунул ступни в домашние шлёпанцы и попросил жену не беспокоить, не звать его к телефону — но самой позвонить в клинику и сообщить, что он болен.

Сняв жилетку и расстегнув верхние пуговицы рубашки, доктор снова улёгся на диван и тщательно протёр пенсне. Впервые за двадцать пять лет практики он решил взять на душу грех: злоупотребив званием врача, сослаться на нездоровье. Впрочем, грех этот был не так велик: у него действительно шумело в ушах, сильно ныли виски, и пульс подскочил до ста одиннадцати.

Много часов, не меняя позы, он изучал свои старые сообщения для ростовского съезда, адресованные прежде всего академику Введенскому. Адресованные — но так и не полученные им. Год был девятнадцатый, Введенского свалил с ног свирепый сыпняк; полуживого его отвезли в госпиталь, в занятый Врангелем Симферополь. Доктора же с женой тогда под охраной *доставили* на мотодрезине прямо в Киев — и на следующий день туда вступили части 12-й Красной армии. Всё, что он успел — это передать французский перевод своего доклада представителю Красного Креста, офицеру швейцарской медслужбы, с просьбой отослать его в институт Пастера; дальнейшая судьба этих тридцати страниц была неизвестна.

После изучения старых записей доктор сел за стол, взял красносиний *сталинский* карандаш и начал резко отчёркивать некоторые пункты, а потом медленно, ровным убористым почерком полуслепого выписывать тезисы, поминутно ворча себе под нос то *мерд*, то *саперлипопет*. Рассчитанные на сорок пять минут устного сообщения четыре части... Страницу за страницей он придирчиво, *глазом недоброжелателя*, сравнивал свои, основательно им подзабытые, двадцатилетней давности гипотезы с представлениями, принятыми нынче, — и сам поражался актуальности своих догадок, близости их попаданий в цель.

Оказывается, это он много лет назад ввёл в обиход термин ультрамикроскопия, предсказал появление новых устройств и способов изучения микромира, без которых это было бы невозможно. Получалось, что ещё тогда он предвидел необходимость принципиально иного уровня подхода в изучении вирусов. Да, да, он предположил паразитизм вирусов, их потребность в клетке-хозяине как главное условие воспроизведения; их способность проникать, внедряться в клетку. Наконец, в принципе, он предложил признать способность передачи наследственных признаков необходимым и достаточным свойством живой материи, хотя это и не соответствовало классическим определениям живых организмов, считавшихся тогда незыблемыми.

Доктор твёрдо решил не держать более под замком свои положения и дать им дальнейший ход, чем бы это ни было чревато. Вирусы испанки, унёсшие десятки миллионов людей в могилу, думал он, — стоило лишь их приручить, и они могли бы оказаться убийцами бактерий, мощным оружием терапии заболеваний. А если ещё и удалось бы натравить их друг на друга — они спасли бы те же миллионы жизней, случись ещё одна такая пандемия! — и ведь она рано или поздно должна случиться, лет через сто уже — точно. Но тогда, доктор был уверен, уже овладеют новыми средствами борьбы с инфекцией.

...Оставалось озаглавить титульный лист тезисов и приложить адресацию. Куда адресовать? Доктор задумался, поглаживая правый бок: долгие часы, проведённые на прокрустовом ложе жёсткого дивана, давали себя знать.

Отправить тезисы в украинскую Академию наук, к всемогущему Богомольцу? О нет! Украина больше не подходит. Её лучшие таланты — биологи — уничтожены; личности их растоптаны, кто-то лишён голоса, а кто — и вовсе рассудка...

В Москве его ментор, гениальный создатель биогеохимии Введенский, неожиданно замкнулся на идеях космизма: его утопия ноосфера — под овации кремлёвских вождей — научно предрекает победу вечной справедливости и разума на земле. Ничто другое академика больше не интересует.

В Академии ВАСХНИЛ царит малограмотный агроном Лысенко, надежда Великих преобразований; этот подрядился утроить урожай

пшеницы к концу пятилетки, а пока что отправляет под топор НКВД любого усомнившегося.

В цитологии свирепствует Лепешинская, недоучка, еле вытянувшая первый триместр в Лозанне. Её опус «*Развитие человеческой кости как диалектический процесс*» — просто бред, абсурд! Но по её сигналам Сталину изгоняются из науки известные генетики, многих арестовывают.

Кто остался?

Обращаться за поддержкой надо на самый верх, к Вавилову, решил доктор. Несмотря на все нападки, тот оставался вице-президентом Сельхозакадемии. Это Вавилов посоветовал доктору, тогда ещё юному врачу-инфекционисту, обратиться к полузабытым работам ботаника Ивановского. Тот нашёл *фильтруемый возбудитель* болезни табака; тогда ещё не было слова *вирус*. Западным биологам многое помогли понять «*живые*» *патогенные кристаллы*, обнаруженные Ивановским; опираясь на его наблюдения, в Европе получили неожиданные результаты: первые отчётливые микрографии вирусов были сделаны именно с *Би-Эм-Ти*, этой мозаичной болезни табачных листьев.

А доктору в то время приказали прекратить исследования, срочно сдать всё оборудование и *по мобилизации вступить* в должность диагноста правительственной клиники.

Для академика Вавилова предстояло сочинить объяснительную записку: так просто ни с того, ни с сего, известному учёному тезисы не пошлешь — не настолько были они знакомы. Надо было хорошенько обосновать причину, достойную внимания, и сделать это как можно короче, одной страницей, не более. Чем короче записка, тем больше шансов, что прочтёт её сам академик, а не кто-либо из помощников.

Но как объяснить в двух словах, что какому-то врачу-практику, общему клиницисту, удалось найти комбинацию факторов, при которой вирус репродуцируется с неслыханной быстротой? И при этом оставляет в живых клетку бактерии-хозяина. И что в этом процессе бактерии-хозяева и сами мутируют и становятся агрессивной инфекцией, доводя до уровня смертельной опасности симптомы обычной простуды! Доктор не мог ничего придумать. Объяснительную записку оказалось труднее составить, чем сами тезисы.

И лишь под утро он вывел вверху листа большими печатными буквами три коротких латинских слова.

До сих пор никто не дал внятного объяснения взаимосвязи вирусов с бактериями, думал доктор. Каждый раз, когда предлагались новые модели симбиоза, опрокидывались прежние версии.

Ему как на ладони была видна причина разброда идей: после долгих лет усилий каждый учёный стремился доказать исключительность и всеобъемлемость своих выводов и воевал с конкурентами за финансирование экспериментов. Это мешало обобщению результатов, выработке объективного взгляда на проблему.

*Раньше и ближе всех, казалось доктору, подошёл к причинам вирусных вспышек **Пейтон Роус** в Институте Рокфеллера. Но под градом насмешек скептиков и даже обвинений в манипуляциях, тот на годы прекратил свои исследования онкогенеза куриной саркомы. И так и не дал ответа на главный вопрос: отчего внутри клетки-хозяина достаточно пассивный вирус начинает вдруг активно размножаться. Где искать детонатор, триггер этого процесса? И что происходит в этом случае с самой клеткой? Доктор ворчливо повторял вслух одно и то же, три слова по латыни, просматривая грубую до неприличия полемику даже в солидных журналах **The Lancet** или **Nature**. Повторял как мантру, как заклинание — пока даже его колдунья-жена не выучила их наизусть: **SUB SPECIE AETERNITATIS! С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕЧНОСТИ...***

С точки зрения вечности до общего, универсального описания природы существа-вещества оставалось ещё немало лет, споров... и премий.

— Ида, — позвал доктор жену, — перепиши мне, будь другом, этот текст набело самыми крупными буквами, но так, чтоб всё уместилось на одной странице — и с лихвой: двойной пробел после обращения. Возьми обычное перо, лиловые чернила. Не забудь только: вместо «у нея» теперь пишут «у неё» — и повнимательнее с латынью, прошу.

Ему яснее других стало видно нужное направление поисков. Надо признать: в то время передача вирусами наследственной информации так до конца понята и не была. И не могла быть: требовался переход на иной, более пристальный, молекулярный уровень исследований.

Увидав фамилию адресата, докторша поняла намерения мужа, побледнела, и у неё опустились уголки рта. И пока вздыхая и сморкаясь,

она по всем правилам каллиграфии выводила строчки документа, доктор достал чёрный пакет от рентгеновских пластинок и суровой ниткой надёжно сшил пятнадцать листов своих тезисов. Он не доверял скрепкам: их не занимало и секунды раскрыть, подменить страницы и превратить их в *неопрровержимые улики*. Ухватки своих могущественных пациентов доктор уже хорошо изучил.

— Перестань психовать, — попросил доктор, когда всё было готово, — ничего не случится. Он же вице-президент Академии, а дискуссия открытая, широко освещается. Кроме того, отсылаю я это ему в частном порядке, на домашний адрес.

На стене щёлкнула и гнусавым голосом заговорила чёрная точка — бумажная тарелка репродуктора. Начались «Последние известия», значит, был уже полдень. Через час почтовое отделение закроется на перерыв, надо было успеть отправить бандероль. Да и болтать в комнате больше не стоило бы: ходили слухи, что радио подслушивает разговоры абонентов.

На почту отправились вместе, но прежде, чем выйти из дому, доктор обнял свою притихшую жену и с необычной мягкостью поцеловал в щёку:

— Ну оставь же свои предчувствия, прошу тебя, — он старался пригасить свой бас и говорить понежней. — Ну, уволят в худшем случае, открепят от *Горторга*, ну, *уплотнят*, что ещё, мерд?.. Дети выросли, не пропадут. А речь идёт, может, о миллионах жизней.

— Давай уже, идём, — вздохнула жена и взяла доктора под руку. — Мишигене...

Чёрный пакет на почте обернули серой почтовой бумагой и обляпали штампами. *Москва, Земляной вал, 21/23, кв. 54*. Никаких титулов и званий — только имя и отчество: *Вавилову Николаю Ивановичу*.

По настоянию неожиданно заупрямившейся жены бандероль отослали не заказной, а обычной почтой, лишь с уведомлением о вручении. Два тридцать пять за почтовые марки.

Доктор отдавал себе отчёт в том, что его представления о генетике остановились на уровне двадцатых годов, и потому старался как можно меньше употреблять новые термины, до сих пор ему не привычные и неудобные. Выраженные в обход современной терминологии, положения его выглядели чересчур абстрактными; его научные приоритеты были трудно защищаемы.

Лишённый тщеславия, он знал, что достаточно лишь опубликовать доклад, как его тут же растащат на куски. Их могут вырвать из контекста, исказить и присвоить в своих диссертациях другие исследователи, но доктору было всё равно. Главное — свой шаг к пониманию живого мира он, как мог, сделал — и теперь их дело использовать его выводы для борьбы со вспышками эпидемий. Всё остальное не имело значения — жаль только, что до практического применения его методов фазотерапии придётся ждать ещё долгие годы, и уйдут они на борьбу мнений и самолюбий, на полемику и интриги карьеристов...

Через две недели с почты пришла серая бумажонка-уведомление. В ней сообщалось, что по указанному адресу Вавилов Н. И. более не проживает и дальнейших сведений об адресате не имеется. Отправителю предлагалось оплатить дополнительные услуги в сумме 1 (один) рубль и, по предъявлении извещения в местном почтовом отделении, получить бандероль назад.

Получать бандероль назад на почту пошла докторша. Перед тем муж накричал на неё за отказ отправить пакет заказным; он топал ногами и обвинял её в постоянных попытках помешать ему в любых начинаниях, ставить палки в колёса. Плача, жена уверяла, что она лишь просто так, *на всякий случай* хотела, чтобы всё выглядело поскромней, пообыденнее, понезаметней; чтоб поменьше привлекать внимание к его эксцентрической особе.

Так или иначе, он получил назад свой, так никогда им не сделанный доклад. Его идеи опередили научные изыскания лет на двадцать, и об этом никто не узнает...

Это не удивляло доктора. По всем десяти пунктам его *Санитарно-эпидемических Рекомендаций* вот уже четверть века разрабатывало свои уставы Главное Военно-Санитарное Управление Красной армии. Имя его при этом не упоминалось. Среди авторов фигурировали лишь чины Наркомздрава и высшие командиры трёх родов войск.

Ещё через неделю на закрытом собрании клиники старший медперсонал сообщили, что органами НКВД разоблачена и арестована группа вредителей, срывающих внедрение передовых методов сельского хозяйства. Врачей призывали к усилению бдительности и борьбе с учёными-врагами в биологии. Никто не называл Вавилова по имени, но всем было ясно, о ком речь: полемика между прогрессив-

ными мичуринцами-селекционерами и консерваторами-генетиками открыто освещалась в газетах, обвинения сыпались градом.

Вечером в тот день доктор поздно пришёл с собрания и, не притрунувшись к ужину, неподвижно просидел на своём твёрдом диване четверть часа, не меньше.

— Ида, — наконец сказал он, — надо быть готовыми ко всему. Судя по всему, многих расстреляют. Мы, вероятно, попали на заметку...

— Ну, зачем же огорчаться раньше времени? — философски заметила Ида, пожав плечами, — на-ка вот, глотни лучше, я уже третий раз завариваю. — Она налила мужу стакан обжигающе горячего чаю и придвинула молочник.

Доктор переменял, наконец, позу и сразу же почувствовал, как за-тёк и окаменел у него зад. Он вдруг вспомнил, откуда появился у них этот чудовищный казённый предмет мебели: диван-скамья с буквами НКПС, вырезанными на деревянной спинке. Его когда-то *обеспечили* — *предоставили* чекисты взамен старой тахты, изрезанной ими в клочья при обыске.

— Да, да, не стоит... прежде времени не стоит отчаиваться. — задумчиво повторила жена, и в глазах её вспыхнули знакомые шальные адские огоньки. — Пока в исполнение не приведён, ведь можно ...и отложить... даже и отменить можно...

— Что? Что? — встрепнулся доктор. — Нагадала уже? Наворожила?

— Пей, — сказала жена, — ты же любишь, чтоб очень горячий, и без сахара был, но с молоком. И как можно такое любить? Мишигене.

На стене вдруг проснулась радиоточка, захрипела и грянула *Марш Черномора* из «Руслана и Людмилы».

— ...*Стá-рушка, стá-рjá, бьёт по жопе стá-ри-ка...* — мрачным басом пропел себе под нос доктор, вторя мелодии из репродуктора.

* * *

Читатель, вероятно, заметил, что в этой главе я ни разу не назвал доктора дедом, а жену его — бабкой. Этому есть причина. Это единственный рассказ, не услышанный мною непосредственно от деда. Я просто сам попытался восстановить события по рассказам людей, знавших его хорошо или работавших с ним. А также, получив доступ к некоторым документам. Наиболее интересными из них оказались анналы, сохранившиеся в архиве Красного креста во Франции. Вот что, к своему немалому удивлению, я узнал.

В середине 60-х Институт Пастера опубликовал «*Un Certain Regard...*», «Список имён исследователей, заслуживающих упоминания в физиологии/медицине, но в силу обстоятельств, никогда не представленных к научным наградам».

В списке трижды упоминался некий русский доктор М. Э. Гинзбург.

Первым упомянул о нём в своей работе Нобелевский лауреат Уэндэлл Стэнли в 1946 году. Он отметил, что занялся табачной мозаикой, найдя очень интересными предположения доктора Гинзбурга относительно инфективности «живых» кристаллов Ивановского. Против фамилии М. Гинзбург в статье стоит сноска: «Нет сведений после 1919 года». В том же году французский микробиолог Феликс Д'Эрль признал в мемуарах, что его книга 1926 года «*Бактериофаг и его поведение*» целиком базировалась на исследованиях патогена испанского гриппа, проведённых доктором М. Гинзбургом в 1919 г. Д'Эрль обнаружил их в архивах Красного креста. Он настаивал, что неоднократно пытался связаться с русским доктором, но без успеха. Наконец, во время своего визита в Грузию в 30-е годы Д'Эрль получил справку НКВД о том, что доктор Гинзбург М. Э. в 1919 году был расстрелян в Пятигорске по обвинению в контрреволюционном саботаже. Перепуганный насмерть Д'Эрль никогда больше не ссылался на работы казнённого врача.

В 1954 году имя киевского доктора М. Гинзбурга и его объяснения вспышек репликации вирусов упомянул патолог Франсис Пэйтон Роус в своей речи при получении им Медали Джесси Стивенсон-Коваленко. Он выразил сожаление, что так и не смог связаться и задать несколько вопросов этому талантливому изыскателю, увы, исчезнувшему в вихре войны без следа.

О странном случае никогда не приведённой в исполнение, а потом и вовсе отменённой *вышей меры* академику Вавилову мне рассказала управляющая делами Академии наук Украины Елизавета М. Смертный приговор из *соображений гуманности* заменили академику на 20 лет заключения, и он скончался в тюремной больнице от пеллагры на почве недоедания. Свидетельства его сына и несколько документов подтверждают этот факт.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Норд — режиссёр и сценарист. Ему было 19, когда по его репортажу был сделан документальный фильм «Ночной вокзал». Это помогло ему поступить в Институт кинематографии на факультет режиссуры. В 1973 году В. Норд уехал в Израиль. Первой его работой там стали военные репортажи для Си-Би-Эс и документальный фильм «Третий день войны» («Война судного дня» 1973 г.)

Главную роль в его художественном фильме «Сад» (1976) сыграла 17-летняя актриса Мелани Гриффит, и это положило начало её успешной карьере в кино. Фильм это удостоился награды на кинофестивале в Каннах. С 1982 года Виктор живёт и работает в Нью-Йорке. Работы его представлялись на фестивалях (Канны, Сан-Франциско, Торонто, Таормина). В Москве был издан его роман «Непредвиденные последствия» — первая большая работа, публикуемая на русском языке.

Татьяна ВЛАДИМИРОВА
ЮЛИЙ ЗЫСЛИН:
«БОРИС ПАСТЕРНАК — МУЗЫКАНТ»*

*Века бегут, боятся оглянуться,
И для чего? Чтоб оглянуть себя.
Наводят ночь, чтоб полдни стали книгой...*

Борис Пастернак

Этой новой для читателя книгой стали полдни, ночи, дни... годы — целых сорок лет! — в течение которых автор собирал её — по крупницам, по страницам, настойчиво, самоотверженно, увлечённо. Собирал заодно и себя, потому что, как не раз замечали и пишущие, и читающие, в числе коих и математик Михаил Деза, *литература, конечно, не отражение жизни; литература способ строительства жизни*. Математикам свойственна лаконичная чёткость мысли. Автор предлагаемой к чтению книги — тоже математик, кандидат наук и инженер, и книга его начиналась в горячем цеху одного из московских заводов. Но это был его *горизонтальный* мир. Другой, мир души, располагался *вертикально по отношению к горизонтали движения времени* (по формуле философа), и начинался он задолго до его инженерной поры. Об этом подробно и сокровенно рассказывает нам автор с первых страниц своей книги *«Борис Пастернак — музыкант»*.

* Книга «Борис Пастернак — музыкант» исполнена в электронном и бумажном видах. В электронном виде представлен полный рукописный текст в 408 страниц с 350 иллюстрациями (вступление, три главы, послесловие и примечания): https://docs.google.com/document/d/1vmVUdP-oS5qAY3c3WZKmOpX-DBDolTm_x/edit?usp=sharing&oid=117891983319865841948&rtopf=true&sd=true. Этому электронному изданию и посвящена данная рецензия.

В бумажном виде книга выпущена в октябре 2022 г. московским издательством «Вест-Консалтинг», где помещены только вступление, первая и третья главы и послесловие. (<https://reading-hall.ru/news.php?id=695>)

Предваряя пути-дороги, по которым мы последуем за ним, остановимся на миг и сосредоточимся, чтобы настроиться, найти нужную тональность, произнести и почувствовать строку поэта:

Как спать, когда родится новый мир,
И дум твоих безмолвие бушует...

Чтобы увидеть, представить, как

Неубранный стоит
Забывтый день, и стынет и не сходит
Единый, вечный, долгий, долгий день.

Или по-детски притаиться в полдневной дачной тишине и подслушать музыку божества, о котором с благоговением юности вспомнил поэт в своей «Охранной грамоте», с благоговением и благодарностью, ибо в ту давнюю пору — кумир его *выслушал, поддержал, окрылил и благословил*:

Голоса приближаются:
Скрябин.
О куда мне бежать
От шагов моего божества!

Предваряя чтение, задумаемся над тем, о чём размышляли много-много раз, конечно, усвоили, прониклись, знаем, но знание это, тем не менее, обретаем, открывая книгу, всякий раз заново, особенно, если книга написана современником:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

Не это ли «яростное воссоединение человека с самим собой» (Мераб Мамардашвили) и есть лейтмотив новой книги?.. Автор закончил её в пору, «Когда, — как писал другой поэт, А.Блок, — ни расплести сцепившиеся руки, ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной». Принимая неизбежное — предстоящий уход жены, что и произошло

в самый канун их девяностолетия, автор искал источник силы для продолжения жизни — своей, и в думах ежевечерне отправлялся в Зал филармонии, что неподалёку от дома в Вашингтоне, как когда-то от дома в Москве... Потому что

Попытка душу разлучить
С тобой, как жалоба смычка...
Потому что,
Как музыка: века в слезах,
А песнь не смеет плакать...

Но тут случилась пандемия, круг жизни ограничился домом, и тогда он зарылся в свою книгу и завершил её.

Юлий Зыслин признаётся в том, что фанатично любит музыку, и вносит в книгу немало своего «музыкального» жизненного опыта. Он создаёт портрет поэта, вникая в перипетии его жизни, ведя переписку со множеством людей, так или иначе связанными с его именем, и круг корреспондентов автора поражает обширностью и разнообразием. С дотошностью пристрастного исследователя он по многу раз вникает в одну и ту же строку поэта, открывая в ней новые смыслы и улавливая новые интонации. Он поёт своего поэта, расставляя акценты и позволяя струнам своей гитары опережать его текст или следовать за ним. Читателю новой книги предстоит участвовать в рассуждениях автора по поводу предпочтений поэзии — музыке в жизни своего героя. Сравнить «музыкальные» судьбы Бориса Пастернака и Марины Цветаевой, имеющие один исток — великолепно играющую на рояле мать, наполненное звуками музыки детство, едва ли не главной составляющей которого были собственные домашние уроки музыки, улавливать в стихах отзвуки этих усилий, чаще композиторские — у Бориса и исполнительские — у Марины. Работая над этой темой, автор незаметно для себя увлекается — что неудивительно! — историей чувств двух поэтов, на время словно отдаляется от темы, вникая в подробности, и потеснив пропорции повествования, допустив некоторые длинноты, что, как и в музыкальной композиции, незамедлительно сказывается на стройности его... Но в оправдание, кто же из нас не приведёт пушкинское — *но и любовь — мелодия*; кто не припомнит Данте, определившего поэзию как *вымысел, одетый в музыку*; кто не поблагодарит автора за безмерность его любви к Ма-

рине и Борису, так щедро одарившим всех нас своим вдохновением, *музыкой хлынув с дуги бытия!*

Автор отдельной главкой книги выделяет свой подбор стихотворений Пастернака о музыке, имена композиторов и музыкальные слова по всему тексту. Уникальным представляется собранный автором материал о роялях и пианино, которые в разное время в разных точках жизни разделяли отчаяние, восторг, слёзы и любовь поэта, и *можно ли было быть ближе, чем в полутьме, аккорды, как дневник*. Как величайший подарок судьбы исследователь воспринимает свои прикосновения к клавишам, некогда подвластных поэту инструментов, встреченных им на маршрутах своих поисков подробностей музыкальной биографии Бориса Пастернака.

Достоинством книги, которая вполне может стать подспорьем для разработки другими авторами этой важной и очень привлекательной темы, является обилие фактических сведений и богатый видеоряд. Работа иллюстрирована афишами, фотографиями, портретами, набросками и зарисовками отца поэта Леонида Осиповича Пастернака и других художников, в том числе, и самого поэта; ассоциациями художника Владимира Гордеева; графическими рисунками, среди которых хотелось бы непременно упомянуть работы Наталии Тореевой. Она не впервые иллюстрирует книгу Юлия Зыслина, их творчество с годами стало созвучным. К достоинству художницы в данной, щедро иллюстрированной многими авторами книги, можно отнести её внимательное отношение к представленным в ней изображениям, и созданию своих графических рисунков в стиле, поддерживающем общую гармонию видеоряда — «Пастернак за роялем на собраниях группы „Сердарда“», игра Бориса Пастернака в четыре руки с Марией Юдиной (сб. «Вспоминая Юдину», Москва, 2008 с. 129, 130) и другие.

Несомненным богатством книги-пособия являются её звучащие приложения: ноты сочинений Бориса Пастернака, ссылки на записи его любимых музыкальных произведений, исполненных знаменитыми и дорогими сердцу поэта музыкантами, а также записи авторских песен на стихи Пастернака, сочинённых и спетых самим Юлием Зыслиным.

Таково, в беглом изложении, содержание новоявленной книги, которую мы, читатели, принимаем с благодарностью. Существует убеждение, что *мир (или жизнь) создан для того, чтобы завершиться хорошей книгой*. В своём уточнении заглавия книги «Борис Пастернак — музыкант» автор определил свою работу как «попытку анализа с лирическими и нелирическими отступлениями». Заканчивается

книга отступлением лирическим: автор пожелал, чтобы точкой в его работе стала великая музыка. Мы исполним это пожелание Юлия Зыслина, предварив звучание указанного им сочинения строками Бориса Пастернака, которым он неукоснительно и радостно следует в течение жизни и теперь — в свои 92:

Кто им сказал, что для того, чтоб жить,
Достаточно родиться.

Жить на земле не тяжело
Лишь только бы душа хотела.

О, как мы молодеем, когда узнаем,
Что — горим...

«Как-то я задумался о том, что мне напоминает медленная часть Четвёртого концерта (Прокофьева), — поделился размышлениями дирижёр Владимир Юровский, — и единственное, что мне пришло в голову — это поздняя лирика Бориса Пастернака, тоже в конце жизни впавшего в простоту, как в ересь, и у которого тоже невозможно найти предшественников. И можно поискать среди символистов, среди акмеистов, среди футуристов, но поздний Пастернак абсолютно сам по себе, он будто свалился со звезды Сириус».

Юлий Зыслин завершает свою книгу записью фортепианного трио Петра Ильича Чайковского «Памяти великого артиста» в исполнении С.Рихтера, О.Кагана, Н. Гутман.

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Владимирова — искусствовед, цветовед. Живёт в Нью-Йорке.

Берта ФРАШ
«ГОД ПОЭЗИИ 2022»

*Литературно-художественное издание. Київ, Друкарський двір
Олега Фёдорова. 2022, 655 стр. Составитель Виктор Фет.
Обложка — Николай Сологуб.*

Под интеллигентным, сдержанным оформлением объединились переживающие и сочувствующие души. «Сегодня мы все украинцы» (стр. 141, Анатолий Либерман, США), «Віднині ми всі —УКРАЇНСЬКИЙ НАРОД!» (стр. 346, Андрей Теплов, Украина).

О сборниках поэзии было всегда нелегко поведать. Но об этом — особенно! Пронзительный! И трогательные стихи, и познавательные статьи, и замечательные переводы, которые радуют содержанием, гармонией мысли и чувств. Всех невозможно упомянуть, для этого понадобилось бы просто переписать книгу. И цитирование, как известно, сугубо индивидуально или более соответствует канве статьи, в которой лишь мозаика субъективного отбора.

Во время страшной, коварной войны на русском языке в Киеве издана книга: красиво-качественно (без опечаток!). 29 декабря 2022 года сборник сдан в печать, читаю в конце. Уже 21 февраля 2023 года книга была мне отправлена (штамп украинской почты) и через три дня была в Германии! Нет, это не мелочи, когда идёт война, а страна продолжает работать. И книги, и зерно, и многое другое производится и поставляется в срок (если этому умышленно не препятствуют). С волнением раскрыла пакет с украинским почтовым штампом.

«Год поэзии 2022» объединил около 90 авторов разных поколений из разных стран, которые продолжают писать по-русски за пределами распадающейся империи. Мы гордимся тем, что эта книга выходит в Киеве. О чём бы мы не писали, сердца и стихи тех, кто не может мол-

чать — на стороне сражающейся Украины» — присоединяюсь к словам составителя Виктора Фета.

К этому присоединилась радость, когда в списке авторов, в содержании увидела имена поэтов Украины. И знакомые имена поэтов США, Канады, Новой Зеландии, Израиля, Германии, Франции, Норвегии. Это не сиюминутный всплеск эмоций, это благодарность за предоставленную возможность быть в такой компании и ощущение солидарности с замечательными поэтами Украины!

*Как же тяжело сегодня в кривом зазеркалье войны.
Только стон, только скрежет и свист, только взрывы слышны.
А слова, распадаясь на крики, и всхлипы, и вздохи,
Где беспомощны, где неуместны, где плохи.
Жди! Поэтика выйдет из плена, для жизни восстанет,
Когда дикий металл уже намертво в жерле застрянет,
Когда в пыль превратится чужая, безумная небыль,
Когда души погибших высоко поднимутся в небо.*

Зоя Полевая, США

Не могу вспомнить, где и когда в поэтическом сборнике было больше обращений к Богу, чем в этом. Поэты ведут постоянный диалог с Всевышним (например, стр. 399 — «СМС-переписка с Богом», Людмила Лурье). Просили ли милосердия у Него, идущие в печи Освенцима? Как Он вообще допустил такое. И вот сейчас. Корни зла те же самые — зависть. Банальность зла (Ханна Арендт). И как об этом рассказать в стихах? Оказалось возможным для поэтов, живущих в разных странах.

*Кончается снова февральская ночь,
И красен рассвет в Фермопилах,
Молитесь же с теми, кто может помочь,
Молитесь за тех, кто не в силах.*

Виктор Фет, США

*Когда вовсю свирепствует война,
На ней сосредотачиваешь мысли,
Которые всей тяжестью нависли —
О долге, чести, смерти ... И о смысле.*

Сергей Кодес, США

Русский язык авторов Украины богатый, свободный, многогранный, беспощадный. Очень редкое употребление украинских слов соответствует эмоциональной, политической ситуации, отчего поэтический рассказ становится колоритным. Поэзия украинских авторов — это летопись зла на фоне добра:

*Стала ржавою жалость... От крови, пожалуй...
От могилок на вырост оглохли слова.
А вездесудное Божье в пути задержалось,
Или ангел отмщенья сейчас нарасхват.
Память сильно разбухла от горя и гнева.
В ней взрывают миры, бьют по счастью бедой.
А в колодцах живая вода покраснела,
и нельзя исцелиться погибшей водой. ...*

**Эмилия Песочина,
Украина — Германия**

*Это страшное место бездомных и брошенных кукол.
Это место, откуда весной уехало счастье.
Здесь восьмой ада круг. Данте, глянь, ужаснись — Мариуполь!
Дьявол трахал тут Смерть, и она отдавалась со страстью.*

Максим Коровниченко, Украина

*Птица, лети, бросай на землю перо,
сильными крыльями небо меси, как глину.
Сверху падали бомбы. А люди пели в метро
«Червону калину».*

*Пели — спина к спине, плечо к плечу.
Свет электрический тёк по лицам, как масло.
Ветер над городом пытался задуть свечу.
А свеча не гасла. ...*

Птица, лети, собирай в небесах серебро —

*Падали бомбы. Люди пели в метро.
И были непобедимы.*

**Михаил Юдовский,
Украина — Германия**

*...русский мир
едва привстав с колен
и для надёжности крестами обмотавшись
пойдёт войной на не принявших плен
возжаждав крови преданных и павших*

*Но мы другие
мы — другой народ
и в жажде жизни мы теперь едины
нас не сломить
и нас не побороть
мы — украинцы
мы — непобедимы*

**Марина Тюрина-Оберландер,
США**

*Каждый дом нам родной, каждый камень знаком,
даже воздух — для лёгких отрада.
Здесь Булгаков, укрытый мешками с песком
От обстрелов и чуждого взгляда.*

*Здесь Андреевский купол увенчан крестом,
Словно окаменевшее знамя.
Мы поднимем стаканы за вечный Подол,
И, помедлив, за тех, кто не с нами.*

Анатолий Лемыш, Украина

*Я любила Пушкина и Бродского,
Киев, Питер и Париж в придачу,
Окуджаву, Галича, Высоцкого
и гитары звон. А как иначе? ...
Мир несётся в пропасть, Богом брошенный,
новый круг в аду прислуга чертит.
Как же вас спасти, мои хорошие?
Где найти слова сильнее смерти?*

Ирина Карпинос, Украина

Поэт запечатлел страшную картину войны — городскую акцию скорби. Это показали по многим каналам немецкого телевидения.

*Во Львове пустые коляски...
на площади главной стоят
вдали от безумнейшей пляски.
В них детки грудные... не спят.
Их жизни уже отлетели
туда, где мерцающий свет,
и след заметают метели,
где поле непрожитых лет.*

Андрей Теплов, Украина

Как к этому пришли захватчики, почему все вместе подчинились «главному репейнику» рассуждает Юрий Диденко (Германия): «Ты страдал, ты мерзел на обочине жизни...».

*Умертвить, угробить, прогнать, сломать,
затравить, захватить, с землёй сровнять,
надругаться, изъять и стереть с земли —
разве ужас этот представить могли?*

Ребекка Левитант, США

*Каждый день мечен бедами, Господи,
Облака на востоке, как дым—
То ли школа горит, то ли госпиталь,
То ли книги Сквороды...*

Виталий Амурский,
Франция

*Взор усталый к небу подымая,
ты найдёшь на краешке звезды
уничтоженный седьмого мая
дом Григория Сквороды.*

Виктор Фет, США

*Слабенький стук раздаётся из ближней хаты.
Двери распахнуты. Молча глядят солдаты.
Стенка избы испохаблена буквой зет.
Бог наблюдает с упавших на пол иконок,
как из подвала выходит седой ребёнок,
словно на вымысел щурясь на божий свет.*

Давид Поташников, США

У поэзии поклонников значительно меньше, чем у других жанров литературы. Этот киевский сборник увлекает искренностью переживаний и забываешь, что они высказаны, выстраданы в стихотворной форме. Безусловно, в этом и заслуга составителя. Конечно, есть в сборнике стихи не только о войне и Боге. Воспринимая содержание как хронику жизни, а именно таким и является «Год поэзии 2022», присутствие времён года, стремление к счастью, рассуждения о смысле жизни — неотъемлемая и существенная составляющая поэзии.

*По учению, жизнь — это нить
бесконечная... Не умирает...
Ну а, может, задумав скрыть
свою тайну, нарочно играет*

*и хитрит, чтобы смертью ничьей,
даже ранней, себя не порочить?
Где же он, животворный ручей,
что стрекоча, нетленность пророчит?*

*Омовением вечное длит
и дарует великое счастье —
в мире брэнном себя ощутить
мирозданья незыблемой частью.*

Раиса Резник, США

Необыкновенно простые и одновременно пронзительные слова о любви:

*Снова осень.
Засыпь мои мысли, листва!
Ветер вьётся в лучах, с пустотою играя,*

*мир зачах — в унисон вместе с ним умирая,
словно рыба, хватаю живые слова.*

Сергей Курбатов, Украина

*Когда-то я любил тебя безумно.
Промчались годы.
Я люблю тебя ещё сильнее. ...*

*Моя любимая, как долго мы идём
Лесами дикими, пустынями, чужбиной.
Годами мы с тобой идём друг к другу.
К той Пустоте, что всё объединяет.*

Сергей Яровой, США

Валентин Емелин (Норвегия) завершает раздел поэзии. Он отразил ритм ужасов советского времени, не используя рифмы: «Чеган. Ядерный приквел. Всем жертвам военного и мирного атома». В примечаниях немало интересного (стр. 552–553, «С 1949 — по 1989 год на Семипалатинском ядерном полигоне было произведено не менее 468 ядерных испытаний...»).

О четвёртом выпуске «Дня русской зарубежной поэзии 2022» (составители Виктор Фет и Владимир Батшев, художник — Юрий Диденко) и о сборнике стихотворений и пьес Виктора Фета «Вскипает лава» (2022) рассказал Анатолий Либерман (США) в разделе критики, очерков, воспоминаний. Как всегда, очень интересно!

Интервью Дмитрия Бобышева Артёму Комарову — познавательно и увлекательно (например, какие функции выполняет поэзия, об Анне Ахматовой...). «Поэзия — это поющая истина» (стр. 354):

*Люди — всего лишь миры, не более...
У любого мозг — полярный ледник.
Сердце — солнце. Океаны болями
и наслаждениями плавают в них.
Вот им оно надобно, бесполезное,
но почему-то позарез и вдруг:
это баловство со словом, — поэзия,
млекопитающая, как грудь.*

Весь раздел разнообразен, интересен!

В другом, IN MEMORIAM, представлено творчество тех, кто ушёл. Например, поэт Василий Дробот (1942–2020) перевёл на русский язык знаменитые произведения украинских писателей. Читатель может познакомиться с тихой образной музыкой стихотворений Дробота:

*У самой ночи на пороге,
Уже от берега в отрыв
Сидит гора, босые ноги
В живую воду опустил. ...*

*А на плечах —
огромный город.
А возле ног из года в год —
Течёт река, минуя гору,
И вдаль уносит небосвод.*

Есть и раздел разнообразных переводов, которые действительно радуют содержанием и мастерством: с английского, с французского, украинского, грузинского, иврита. Поэты, которых перевели на русский, продолжили свою творческую жизнь, обогатили любителей поэзии. Сам выбор поэтов для переводов уже не оказался потраченным временем. Например, Роберт Уайтхед, Дилан Томас, Эдна Винсент Миллей, Редьярд Киплинг, Эмили Дикинсон, Уильям Батлер Йейтс, Уильям Шекспир, Уоллес Стивенс, Йегуда Амихай, Роберт Фрост.

Признаюсь, неожиданным, незнакомым для меня оказался перевод из цикла «Еврейские мелодии» Ивана Франко (1856–1916), выполненный Ханохом Дашевским. В советское время, в столице антисемитизма на уроках литературы в школе об этой стороне творчества классика украинской литературы не говорили. (Как, впрочем, и о том, что «еврейский след» можно обнаружить в музыке Дмитрия Шостаковича).

В этом сборнике есть голоса тех, кто вынужден был покинуть СССР, Украинскую ССР. Правдивые обстоятельства, необходимые слова не просто дополнение к поэтическому ландшафту. Эмиграция — иногда горькая судьба. Конечно, есть и счастливые примеры. Те, кто покидал именно СССР, пережили подобное:

*Мы уезжали в никуда,
Сжимало горло нам до рвоты.
Нас увозили поезда,
Нас улетали самолёты.
А за спиной презренья взгляд
И тихий шёпот, как шипенье,
И безунок — путёвка в ад...
Почувствовал я вдруг, что жив,
Что жизнь свободна и прекрасна.
Что открываю новый мир,
Что начинаю жизнь сначала,
По ветру паруса раскрыв,
Плыву я к новому причалу.*

Слава Гауфберг, США

*Когда вовсю свирепствует война,
Невольно замечтаешься о мире,
О безмятежной и безбрежной шире,
О том, что, может быть, вернёшься к лире —
Вдруг не разбомблена?*

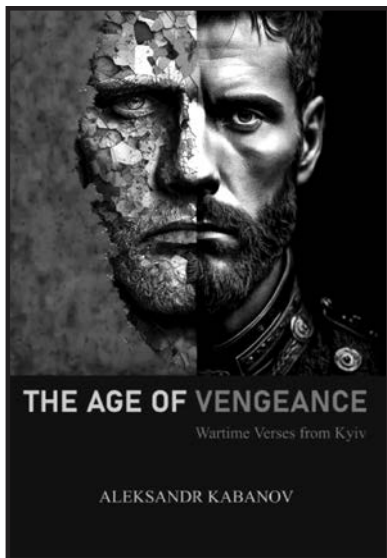
Сергей Кодес, США

В этом сборнике нет ничего вполсилы. «Год поэзии 2022» успешно реализовал желание словом описать невозможное. И как много удалось сказать!

ОБ АВТОРЕ

Берта Фраш родилась и выросла в Киеве, где жила до 1992 г., до отъезда в Германию. Литературный критик, поэт. За более чем 20 лет опубликовала множество рецензий на произведения современной мировой литературы. Постоянный автор журналов «Литературный европеец» (с 1998), «Мосты» (с 2004), сборников «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019–2022). Автор двух сборников поэзии.

НОВЫЕ КНИГИ

ВРЕМЯ ВОЗМЕДИЯ

ВОЕННЫЕ СТРОФЫ ИЗ КИЕВА

Александр Кабанов

«Время возмездия» — первая книга стихов Александра Кабанова, вышедшая в США на английском языке.

Александр Кабанов — выдающийся украинский поэт и патриот, борющийся за независимость своей страны своим самым сильным оружием — словами и рифмами — своим даром. Он также является русским поэтом, продолжающим долгую и славную традицию своих великих предшественников — Пушкина, Лермонтова, Цветаевой, Мандельштама,

Пастернака, Ахматовой, Бродского, — которые противостояли жестокой тирании и несправедливым войнам, развязанным правителями их истерзанной родины на различных поворотах истории. И наконец, он — европейский поэт, произведения которого переведены на многие языки. Он гражданин мира, чья поэтическая вселенная населена сокровищами, болью и красотами западной цивилизации — осажденными башнями Трои и блокадным Ленинградом, Гёте и гетто, Гомером, Шекспиром, Бахом, Венерой Милосской, небом Барселоны, виноградниками Тосканы...

Александр Кабанов — лауреат международной литературной премии им. князя Юрия Долгорукого (2005), премии журнала «Новый мир» (2005) и премии «Планета Поэта» им. Л. Н. Вышеславского (2008), Международной литературной Волошинской премии (2009), «Русской премии» (за 2009 год, 2 место), премии «Anthologia» (за 2010 год). Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011, 1 место).

Он — главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО».

Стихи Александра Кабанова переведены на украинский, английский, немецкий, грузинский и нидерландский языки.

Приобрести книгу Александра Кабанова можно на Амазоне :

<https://www.amazon.com/AGE-VENGEANCE-Wartime-Verses-Kyiv/dp/B0C7T3MTJL>

Поддержать Александра Кабанова и его родных — беженцев из Херсона — можно переводом через PayPal: oleksandrkananov6@gmail.com

Одна жизнь. РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

Владимир Торчилин

В новой книге прозы известного ученого Владимира Торчилина представлены как работы последних лет, так и написанные ранее. Действие в его произведениях разворачивается и в Америке, и в России. Перед читателем открывается непростая жизнь людей нашего времени. Взгляд писателя остро подмечает детали — порой забавные, порой трагические. Наблюдательный, ироничный Владимир Торчилин умеет передать и показать иррациональность и фантазмагоричность повседневной жизни — в чем и заключается магия его повестей и рассказов.

Если говорить о предлагаемом читателю сборнике, то он целиком удивительный. Торчилинские рассказы странные, и иногда их тянет перечитать немедленно по завершении, чтобы разобраться, но не помогает. Есть в них какая-то латиноамериканская интрига, в каком-то коротасаровски-борхесовском аспекте, загадочном. Это из вариантов, когда в закрытой комнате как бы и нет никого, но вроде бы кто-то и есть, потому что следы оставляет. И при всей этой странности — советский быт и парадоксы жития уходящей эпохи. Торчилину удалось сопрячь «весомое, грубое, зримое» и часто пахнущее перегаром с исключительно невероятным и трепетным. Написанные живо, интересно и с долей иронии, рассказы и повести Торчилина читаются легко и увлекательно.

Немного об авторе: Владимир Торчилин — доктор химических наук, профессор, лауреат Ленинской премии, член Европейской академии наук. Работал в МГУ и в Кардиологическом центре АМН. С 1991 года — профессор Гарвардской медицинской школы, заслуженный профессор и директор Центра фармацевтической биотехнологии и наномедицины Северо-восточного университета в Бостоне. Его рассказы и повести публиковались в России в журналах «Новый Мир», «Аврора», «Волга», «Север», «Дружба народов», «Континент», «Всемирное слово» и во многих русскоязычных изданиях в США. В России и в США вышло восемь сборников его рассказов и повестей. Действие его произведений разворачивается и в России, и в Америке, они рассказывают о непростой жизни людей нашего времени.

Приобрести книгу можно через сайт издательства:
<https://mgraphics-books.com/product/one-life-stories/>

**С ВОПРОСАМИ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM-4 PM)

Последнее слово

СТИХОТВОРЕНИЯ 1962–2023

Борис Камянов

Вышедшая в свет в конце августа текущего год новая книга Бориса Камянова включает в себя практически все стихотворения (за исключением иронических, пародий, эпиграмм и т. п.), написанные автором за всю его жизнь.

«Поэт — это не только и не столько стихи. Это еще и образ жизни; возможно, прежде всего — образ жизни, — пишет в одной из своих рецензий на творчество поэта израильский литератор и публицист Алекс Тарн. — Борис Камянов осознавал это всегда — с самых первых строк, написанных еще в семнадцатилетнем возрасте. Первый текст в книге датирован 1962-м годом;

последний — 2023-м. Более шестидесяти лет стихотворного бытия, книга длиною в жизнь. Подтверждаемая на протяжении более шести десятилетий верность первоначальному труднейшему жизненному выбору поражает. Это подвиг поразительной верности одной, выбранной еще в юные годы стезе. Подвиг поэта. Потому что поэт — это не только и не столько стихи».

Об авторе: Борис Камянов (Барух Авни) — российский и израильский поэт, переводчик, публицист, юморист. Родился в 1945 году в Москве. С 1976 г. — иерусалимец, автор девятнадцати книг в разных жанрах. Ему принадлежит перевод Пятикнижия, готовящийся сейчас к изданию, а также комментированный перевод «Песни песней», выполненный в соавторстве с раввином Н.-З. Рапопортом. Его стихотворения и переводы опубликованы в российских антологиях «Строфы века» и «Строфы века-2», публиковались в Израиле, США, Канаде и Германии. Книга воспоминаний «Продолжение следует...» вышла в свет в 2021 г. в Бостоне.

Он — основатель и председатель Содружества русскоязычных писателей Израиля «Столица», издающего литературный альманах «Огни столицы». Член ПЕН-клуба. Лауреат нескольких израильских литературных премий как поэт и переводчик поэзии с иврита.

Приобрести книгу можно через сайт издательства:

<https://mgraphics-books.com/product/last-word/>

**С ВОПРОСАМИ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM–4 PM)

...Психологи говорят, что если выговориться — станет легче. Мне легче пока не стало, но речь не обо мне. Нюта права — это наша история. Моя небольшая история — лишь маленькая капля в большой истории моей страны, горькая, трагичная, но абсолютно достоверная. Я пишу только то, что мы сами видели и пережили, начиная с 24 февраля 2022 года и по сей день...

Ольга Гриценко

...Когда современная Украина экспортирует ненависть к России как к государству, это действительно перспективный информационный продукт. Он хорошо согласуется с фундаментальными западными ценностями и заставляет западного обывателя вспомнить о борьбе с Третьим Рейхом. Но когда Украина пытается экспортировать ненависть к русским как к этносу, это априори контрпродуктивно...

Михаил Дубинянский

...Если ему повезёт, всё будет хорошо. Всё будет так, как он моментально решил, когда на него внезапно нашло озарение. Озарение, словно свалившееся с неба, прямо в его оглохшую от первых же выстрелов голову. Никто не перестрелял этих парней. И полиции никого не надо искать. Эти парни переругались и перессорились, а потом Колян уложил их всех, и поняв, что сделал, застрелился сам...

Андрей Оредеж

Не смотри, дружок, заносчиво,
Сединою не тряси.
Новый праздник «День доносчика»
Объявляем на Руси.

Александр Городницкий

...Итак, тётя Фира. Эсфирь Марковна Розенпоц. Что? Говорите, таких фамилий не бывает? Бывают. Еще не такое бывает. Вы даже представить себе не можете, какие чудеса случаются в этом странном подлунном мире. Я мог бы рассказать вам пару невероятных историй, и возможно расскажу чуть позже, но сейчас не хочу отвлекаться, потому что речь идет о действительно удивительном персонаже — тете Фире Розенпоц...

Марк Копелев

Еще наш прадед
Учил про кнут:
Не всех посадят,
Но всех заткнут.
А где ж мой пряник?
Уймись, проглот!
Каков избранник,
Таков народ...

Григорий Марговский

...Поплевав по-мужицки на ладони, княжна вонзила лезвие лопаты в мягкую землю рядом с ямой.

— Вас волнует соцпроисхождение, Моса. Всем давно уже на это плевать: кто анус Хозяину лижет, поет хвалу любой его придури, тот и на коне, хоть граф, хоть белый генерал. А вы все утаиваете свое баронство, с Гинзбурга сменили имя на Гольдберг, думаете, в этом дело...

Виктор Норд